

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER

HN YF9C 0

Harvard College
Library

FROM THE FUND OF
HARRIET J. G. DENNY
OF BOSTON

NASYROV,
"SKAZKI KAZAN. TATAR" //

~~А. К. Насыровъ и П. А. Поляковъ~~
А. К. Насыровъ и П. А. Поляковъ.

СКАЗКИ
КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ
И
СОПОСТАВЛЕНИЕ ИХЪ
СО СКАЗКАМИ ДРУГИХЪ НАРОДОВЪ.

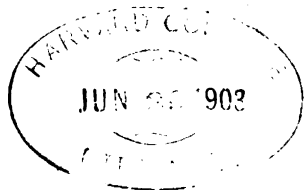
КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.
1900.

22

34

27253.4.9

Benny fund.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и Этно-
графіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *Н. Катановъ.*

(Отдѣльный оттискъ изъ XVI тома «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и
Этн.» за 1900 годъ).

Казанско - татарскія сказки и сопоставленіе ихъ со сказками другихъ народовъ.

Вниманію читателей предлагаются татарскія сказки (числомъ 11), записанныя въ одной арабско-татарской транскрипціи въ Казанской губерніи извѣстнымъ мусульманскимъ ученымъ, дѣйствит. членомъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Абду'ль-Каюмомъ Насыровымъ. Такъ какъ его казанско-татарскія сказки въ отношеніи языка могутъ быть интересны и западно-европейскимъ ученымъ, занимающимся тюркологіей, то дѣйств. членъ Общества Н. Θ. Катарановъ по народному произношенію, подъ руководствомъ самого А. К. Насырова, переписалъ всѣ сказки общепринятой въ ученое мѣрѣ точной транскрипціей, называемой академической, при чемъ слова, въ простой рѣчи неупотребительныя, отмѣчены знакомъ †, а слова и грамматическія формы, которыя легко и вполне правильно могли быть замѣнены простонародными, замѣнены таковыми (впрочемъ, такихъ словъ оказалось немного); напр., вмѣсто неупотребительныхъ словъ „уѣлым“, „бѣрлән“, „гәм“, „гәман“ и др. поставлены „улым“, „бѣрлән“, „әм“, „әман“ и пр. Миссіонерская транскрипція не могла быть употреблена здѣсь въ виду того, что, преслѣдуя лишь мѣстныя, прагматическія цѣли, она совсѣмъ не гонится за точностью передачи звука въ широкомъ научномъ смыслѣ; напр., въ ней „я“ имѣетъ 3 совершенно разныхъ значенія: „ä“, „jä“, „ja“ (жяй—лѣто, жяяү—пѣшій, аяк—нога), „л“ передаетъ 2 звука: твердый и мягкій, звуки „а“ и „ä“ не всегда произносятся одинаково (алган—бравшій и сора—спрашивай,

вилган-приходившій и вѣнга—дню), между тѣмъ какъ знави „а“ и „ä“ имѣютъ по 2 разныя значенія. Для наглядности приводятся здѣсь обѣ транскрипціи: миссіонер. „я“=ава-дем. „ä“, „jä“ и „ja“, „о“=„ö“, „ö“=„ø“, „а“=„a“ и „ä“, „я“=„j“, „ж“=„ç“, „н“=„ñ“, „ю“=„y“, „ю“ и „jy“, „л“=„l“ и „l“, „е“=„i“, „г“=„b“ и „г“, „к“=„k“ и „к“, „и“=„i“; напр. сора (проси)=сѳра, сѳйля (скажи)=сѳйлä, жаяу (пѣшій)=çajäy, иляксемян (кругловатый)=iläk-sjmäñ, карангы (тѣма)=караңгы, вюрган (видѣвшій)=вүргән, аю (медвѣдь)=aju и т. д. Русскій переводъ сказозъ, сдѣланный довольно близко къ татарскому оригиналу, и подробное сопоставленіе сказозъ со сходными сказками другихъ народовъ (Поволжья, Кавказа и Азіи) принадлежатъ Петру Александровичу Полякову; сказки эти сходны или по общей основной мысли, или въ отдѣльныхъ сценахъ, или даже во всѣхъ подробностяхъ.

Сказки, собранныя А. К. Насыровымъ и переведенныя П. А. Поляковымъ, суть:

- I. О бѣднякѣ Саламъ-Турханѣ и другѣ его—лисицѣ.
- II. О глупомъ сынѣ одной женщины.
- III. О падчерицѣ, вѣдьмѣ и родной дочери.
- IV. О Бѣднякѣ Гюль-Назыкѣ, дивѣ и лисицѣ.
- V. О Байдыкѣ, жившемъ въ Нижнемъ Ширданѣ Лаишев. у и желавшемъ разбогатѣть.
- VI. О трехъ братьяхъ и водяномъ духѣ.
- VII. Объ умномъ сынѣ и глупой его матери.
- VIII. О лисицѣ и челоуѣкѣ, ея обманутомъ.
- IX. О кошкѣ и медвѣдѣ, испугавшемся ея.
- X. О лисицѣ, ведшей дружбу съ медвѣдемъ.
- XI. О соловѣѣ и перепелкѣ, тонувшихъ въ болотѣ.

Сказки эти вполнѣ правильно передаютъ народную татарскую рѣчь, только въ первой изъ нихъ встрѣчается нѣсколько иностранныхъ словъ и оборотовъ, чуждыхъ татарамъ—простолюдинамъ.

Редакція.

Первая Сказна: **سلام تورخان-Саламъ-Турханъ.**

Бөрөн заманда бiр бiк царлы кiшi бар-ыжы. Кijäргä кijimä, төрөрүдä урны цуу-ыжы. Аман саламда тiрjөлiк кылыр-ыжы. Шунуң-өчөн исмiнä Салам-Төрхан падыша дiрлär-ijj. Уаҗ анын бiр төлкө дуст бар-ыжы. Бiр көн Салам-Төрхан җанына кiлдi уаҗ айттi: „И дустым, мiн сiнi өйлändiрäсiм кiлä,—сiнiң былай төрүиң мiңа-да җакшы-төгөл. Сiнi кiшi күзiнä күрсätäсiм кiлä!“ дiдi. Салам-Төрхан айттi: „Күлуң-нан кiлсä, җакшы булыр-ыжы. Царар, шапкатыңны күрсät. Күрijjк!“ дiдi. Төлкө анан киттi, бiр падышаның ишiгiнä барды. „Салам-Төрхан падышада алтын үлчäргä кiрäк!“ дiп, падышадан педäука сөрäб-алды. Кайдан булса-да, алтын кiсäклäрi кыстырып, падышада итiп-бiрдi. Өч мärtäбä бөйлäҗ (обыкновенно: былай) кылды. Акыр бу төлкө бiр көн падыша җанына кiрдi уаҗ айттi: „И падыша-иҗ җыһанҗ, дустым Салам-Төрхан падышада шарiҗат-иҗ Мөхәммäдiҗä өзäрäҗ (обыкновенно: буынча) кызыңны бiргäйсiн!“ дiдi. Уа-хәмҗ Салам-Төрхан тарапыннанҗ (обыкновенно: — нан) мәһiрҗ (обыкн. калын) такабилiнäҗ (обыкн. урнына) бiш кар' айдыр, iкi җөз салам шäгäрi бiрмäкчi булып, падыша кызын кiлiштi, чөн-кiҗ саламда җата, бөрчäläҗан-ыжы. Аннан-суң төлкө Салам-Төрхан җанына кайтты: „И дустым, падыша кызын кiлiштiм дiдi!“ Салам-Төрхан, мыны iшiткäч, хайранҗ уаҗ сäргäрданҗ булды: „Цалаңдäч тävим-бiлän мiн ниҗе итiп падыша кызы җанына барыжым?“ дiдi. Төлкө айттi: „Äйдä, кайдырма бiр-дä, хайлä кiрäк!“ дiдi, Салам-Төрханны алып-киттi. Бiр тиҗе кимäгä утыртып, дарыҗада атып-җибäрдi, үзi iскi-пускы чiкмän кiсäклäрi уаҗ чыбыркылар табып, сү бу-ындагы талларда iлäктiрдi, уаҗ цар җакасыннан „дäд-дäдҗ! Салам-Төрхан падыша, „сүдä акты! җäрдämгä кiлиҗс!“ дiп, кычкырып-барды. Падышада барып, кабär бiрдi: „кijäвүң карап булды, һәммäҗ җиһазларыҗ—бiлän сүдä акты. Тiз кiшiлäриңнi җибär!“ дiдi. Аннан-суң падышаның кiшiлäрi кiлiп, Салам-Төрханны, шөпөрдäтып сүдан тартып, чыкардылар. Па-

дыша җөртөнә алып-кәлдәр. Кәҗәү итәп, әйбәт күмәк ыштан, уаҗ җакшы кәҗимнәр кәҗдәрәп, җуғары мөндәрәп утырттылар. Әммаҗ Салам-Төрхан ич кайда карамыҗынча, җаҗатҗ кәҗимнә-гәҗнә карап-төрөр-ыҗы, чөн-кәт җумрәндә өстөнә кәҗим кәҗгәнә җуғ-ыҗы. Падыша әйтте: „Мының кәҗим кәҗгәнә җук-ла акыры,—өстөнә-гәҗнә карап-төрәдыр-ла!“ диде. Төлкө инде „җакшырак кәҗим кәҗдәрәп караҗыз, бәлкәт кәҗимнә „җаратмый-төрәндир!“ диде. Әмҗ бәр аулакта Салам-Төрханға әйтте: „Син алай кәҗимнә карап-төрә,—алай кәҗшмәс!“ диде. Шуларәшчә саламда тәрәҗәҗ кылып-төрәҗан әдәм бәр падышаға кәҗәү булды.

Әммаҗ бек җакшы тәрәҗәҗ кыларлар. Бәр көн бардым, кәҗчә кайттым, бек сыйладылар. Казык башына утырып, чай ичтим, ливәнҗ әман үзүннән салам иҗәҗ кәҗәп-төрә.

بورون زمانده بر بيك بارلى كشى بار ايدى كياركا كيومى تورورغه اورنى يوق ايدى همان سالامده تركلك قىلور ايدى شوننگ اوچون اسمنه سالام تورخان پادشاه ديرلر ايدى وآننگ بر تولكى دوست بار ايدى بر كون سالام تورخان ياننه كىلدى وابتدى اى دوستم من سنى اويلاندراسم كيله سننگ بولاي تورونگ منكاده يخشى تولك سنى كشى كوزينه كورساناسم كيله ديدى سالام تورخان ايتدى قولنگدان كىلسه يخشى بولور ايدى بارار شفقتننگ نى كورسات كورايك ديدى تولكى آنندان كىتدى بر پادشاهننگ ايشكنه باردى سالام تورخان پادشاهغه آلتون اولچاركا كىراك ديب پادشاهدان پوداوكا صوراب آلدى قايدان بولسده آلتون وكموش كىساكلىرى تابوب پوداوكا چىتنه قىصرغالب ينه پادشاهغه ايلتوب بىردى پادشاهدان ينه صوراب آلدى ينه آلتون كىساكلىرى قىصروب پادشاهغه ايلتوب بىردى اوچ مرتبه بولاي قىلدى آخرى بو تولكى بر كون پادشاه ياننه كردى ايتدى اى پادشاه جهان دوستوم سالام تورخان پادشاهغه شريعت محمديه اوزره قىزنگنى بىركاى سن ديدى وهم

صالام تورخان طرفندان مهر تابلنه بش قارا آيغر ايكي يوز صالام شهرى
بيررما كچى بوازب پادشاه قزىن كيلوشدى چونكى صالام ده يانا بورچالاغان
ايدى آندان صونك تركلى صالام تورخان ياننه قايتدى اى دوستم پادشاه
قزىن كياوشتم ديدى صالام تورخان موى ايشينكاج حيران و سر كردان
بولدى يالانغاج زم بلان من نچرك ايتوب پادشاه قزى ياننه بارايم ديدى
تواكى ايتدى ايدى فايغرم بارده حيله كبراك ديدى صالام تورخاننى آلوب
كيتدى بر تيشوك كيهكا اوتوروب درياغه آتوب يباردى اوزى ايسكى
پوصقى چيكمان كيساكلرى وچبرقيلر تابوب صو بوينداغى طال لارغه
الكتردى وبار يافاسندان داد داد صالام تورخان پادشاه صوغه آقدى
ياردم كا كيلونكز ديب فچوروب باردى پادشاهغه باروب خبر بيردى كياونك
خراب بولدى همه جهازلارى بلان صوغه آقدى تيز كشيلىرنكى يبار ديدى
آندان صونك پادشاهنك كشيلىرى كيلوب صالام تورخاننى شوپرد اتوب
صودان تارتوب چيقارديلار پادشاه يورطنه آلوب كيلديلر كياو ايتوب
هيبت كولماك اشطان وبخشى كيوملر كيدروب يوقارى مندروب اوتورتديلر
اما صالام تورخان هيچ قايدا قاراماينچه فقط كيومنه كيومنه كنه قاراب تورور
ايدى چونكه عمرنده اوستنه كيوم كيكانى يوق ايدى پادشاه ايتدى
مونك كيوم كيكانى يوقلا اخرى اوستنه كنه قاراب نورادرا ديدى تولكى
ايتدى بخشيراك كيوم كيدروب قارانكز بلكه كيومنى بارانماي تورغاندر
ديدى هم بر آولاقدى صالام تورخانغه ايتدى سن آلای كيومنكا قاراب
نورما آلای كيلوشماس ديدى شول روشچه صالام ده تركلك قيلوب تورخان
آدم بر پادشاهغه كياو بولدى اما بيك بخشى تركلك قيلالر
بوكون باردم كچ قايتدم بيك صيلاديلار فازق باشنه اوتوروب چاى اچدم
لكن همان اوزندن صالام ايسى كيلوب تورا .

Въ прежнее время жилъ-былъ одинъ очень бѣдный
человѣкъ. Не было у него ни платья, чтобы одѣться, ни мѣста
для житья, лежалъ онъ всегда на соломѣ, и поэтому его и

называли по имени „господинъ Саламъ-Турханъ“ ¹⁾). Былъ у него другъ-лисица; пришла она однажды къ Саламъ-Турхану и сказала:—„другъ мой! мнѣ пришло желаніе женить тебя; твое житіе это мнѣ не нравится и мнѣ хочется показать тебя глазамъ людей“. Саламъ-Турханъ сказалъ: „Хорошо было-бы, если-бы тебѣ удалось это. Ладно, сдѣлай милость! мы посмотримъ!“ Лисица ушла отъ него. Она пошла къ дверямъ (дворца) одного царя и, сказавъ, что Саламъ-Турхану нужно вымѣрить золото, выпросила и взяла у царя пудовку. Гдѣ-то найдя куски золота и серебра, она понатыкала ихъ по краямъ пудовки и, принеся ее къ царю, отдала ему обратно. Потомъ снова выпросила и взяла у царя пудовку и снова принесла обратно и отдала. Такъ поступала она три раза. Наконецъ, лисица эта вошла однажды къ царю и сказала:— „о царь міра! выдай дочь свою по магометанскому закону за друга моего господина Саламъ-Турхана“. Царь согласился выдать дочь свою за Саламъ-Турхана за выкупъ въ пять черныхъ жеребцовъ и 200 соломенныхъ городовъ, потому что Саламъ-Турханъ, живя на соломѣ, весь обросъ ей. Послѣ того лисица вернулась къ Саламъ-Турхану и сказала: „Ну, другъ мой! царь согласился выдать дочь свою“. Саламъ-Турханъ, услыхавъ это, былъ изумленъ и удивленъ. „Какъ же я пойду, сказалъ онъ, съ голымъ тѣломъ къ дочери царя?“ Лисица сказала:—„не печалься ничуть; тутъ нужна хитрость“ и отправилась съ Саламъ-Турханомъ. Посадивъ его въ дырявую лодку, она оттолкнула ее и пустила въ рѣку, сама же, найдя старенькіе обрывки и куски халатовъ, развѣсила ихъ на тальники, бывшіе на берегу, и съ берега закричала:—„караулъ, караулъ! Господинъ Саламъ-Турханъ унесенъ водой, спѣшите на помощь!“ побѣжала къ царю и сообщила ему, что зять его разоренъ и унесенъ водой вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ. Царь быстро послалъ своихъ людей, и люди его, придя послѣ того (къ рѣкѣ), съ большимъ трудомъ вытащили изъ

¹⁾ Чтò въ переводѣ значитъ: «находящійся на соломѣ».

воды Саламъ-Турхана. Царь пришелъ вмѣстѣ съ нимъ домой и, сдѣлавъ его женихомъ, надѣлъ на него дорогую рубашу, штаны, прекрасную одежду и посадилъ его въ передній уголь. Но Саламъ-Турханъ сидѣлъ, ни куда не глядя и смотря только на свою одежду, потому что онъ въ своей жизни никогда не былъ одѣтъ въ платье.—,Вѣроятно, сказалъ царь, онъ еще никогда не носилъ одежды, потому что онъ сидитъ, глядя только поверхъ себя?“ Но лисица сказала: „вы смотрите-надѣньте на него одежду получше; конечно, онъ сидитъ такъ потому, что эта ему не нравится“. А между тѣмъ въ уединенномъ мѣстѣ сказала Саламъ-Турхану:—,ты не сиди такъ, разглядывая только свое платье; такъ нельзя“.—Такимъ-то образомъ человекъ, проведшій свою жизнь, находясь на соломѣ, сталъ зятемъ царю. Но они живутъ очень хорошо. Однажды я пошелъ къ нимъ и возвратился уже поздно вечеромъ; меня сильно угостили: сидя на верхушкѣ кола, я пилъ чай; однако, отъ него самого все еще исходитъ запахъ соломы.

Вторая сказка: جولاړ اوغل — Глупый сынъ.

Бөрөн заманда бір катын бар-ыжы. Аның бір улы бар-ыжы, бик үләр-ийи. Бір көн мыны анасы базарға ибарди. Бу үләр базарға барды, кашык алды, өстаһ алды, амт төз алды. Бу һәрсаһәр алып, базардан кайтырға чыккач, үлде бір күһәрчән өчөрады, сү ичәргә төшкән-ийи. Бу үләр узып бар-данда, күһәрчән мыннан куркып, сү ичүдән туктады. Бу үләр үзүнчән күһәрчәннән айтти: „Бу күһәрчән сүннән төзө үкка күрә ичмий-тердан-дыр!“ дп, төзө арбасыннан алып, сүға салды. Хөш, аннан итп, бір аз баргач, кашыклары шалтырый башлады. „Минчән былар үтпргә ичәш итәләр бүгай!“ дп, кашыкларын амт үлде ташлап, калдырды. Ул арада аты арыды; аты арыгач, өстаһни „амт үзүнчән-дә дүрт аја-дың бар, үзүн кайтыр-сын әл!“ дп, үлде ташлап, калдырды. Мыннан-сүң үзү өйгә кайтып илди. Анасы сөрады: „Һәрса-һәрчән кайда?“ дп. Үләр айтти: „Мына әзр үзләри бары-да

кайтып килүрләр!“ диді. Аннан-суң анасы „йй улым, сін җөрт тотмассын!“ дп, өйгә кррп кттј. Ул көннө кч булды; кч булҗач, җаттылар, җөкләдылар. Таң аткач, анасы мыны җөкө-дан ујатты: „Нк җатасын? төр, бар кшпшләр кашына! бар! кшш өчөраса, сәләм бір! акча ісәпләүчгә өчөрасаң, акча ісәпләш!“ діді. Аннан-суң бу үләр чыкты, өҗөккән ітләргә өчөрады. Бу үләр аларны күргәч, „ассәләм җәләікүм!“ дп, ітләр алдына утырып, бармакларын санарҗа төтөндө. Ітләр мыны таладылар, күләкләрпн җыртып бјтјрдјләр. Бу үләр анасына җылап кррдј. Анасы әйттј: „кјмнәр тјйдј снҗа?“ діді. Анасын алып чыгып, ітләрнј күрсәттј: „Мына шушылар тјйдј мнҗа!“ діді. Анасы ітләр ікәнпн бјлдј: „Улым, былар катына барма,—сін быларны кыйна!“ діді. Бу үләр шул саҗат бјр җүкмар җасап, ітләрнј кыйнамаҗа урамҗа чыкты. Бјр аксакаллы карт намазҗа барырҗа чыккан-ыҗ; намазҗа барҗан җакта, бу карт җанына барды: „А, өчөрадың-мы?“ дп, аксакаллы картны җүкмар-бјлән бәрпн, үтјрдј-дә өҗөнә кррп кттј; өҗөнә күргәч, анасына мактанды: „Мн бәјаҗы ітләрнј бјрпсн іпләдм!“ діді. Анасы әйттј: „Нпш ішләдн?“ діді. Үләр әйттј: „Үтјрдм!“ діді. Анасы әйттј: „Ул кай төштә?“ діді. Үләр әйттј: „Өн бәзына салдым!“ діді. Анасы-бјлән бардылар; өн бәзына төшөп, карадылар; өн бәзына төшөп, карадылар. Ак-сакаллы ікәнпн анасы бјлп, бк кайҗырды. Сарайларында бјр ак кәҗәләрі бар-ыҗ; анасы, улына бјлгүрт-мјпнчә, шул ак кәҗәнп үтјрп, өн бәзына ташлады. Тпгү картны шул өн бәзына җпргә күмдј. Аннан-суң шул үләр кулына көймак алып, баҗана башына мпшп, ашпй башлады. Ул арада тпгү картның җамаҗаты балалары ул картны ізлә-мәгә чыктылар. Бу үләр аларны күргәч, „каја барасыз?“ діді. Алар әйттјләр: „Бзпнн әтпшн күрмәдн-мј?“ дідләр. Үләр әйттј: „Мн сзпнн атаҗызны үтјрдм!“ діді. Алар әйттјләр: „Каја куйдың?“ дідләр. „Әйдәгпз, күрсәтпш!“ дп, аларны өн бәзына алып барды. Бара бара, өн бәзына җттјләр. „Мына атаҗыз шушында!“ діді. Ул үләргә әйттјләр: „Бар, төшөп, алып чык!“ дідләр. Үләр өн бәзына төшөп кттј;

töshkəç-üv äväl küly kāmānıñ mögözönä tıydı; ɵn içinnän kyçkyrdy: „ Mөгözɵ bar-ıjy-my atağyznyñ? “ dıj. Ɖylärdän bu süznı işıtkäç, „äydä, bu Ɖylär artynnan çɵrɵğän bız-dä Ɖylär!“ dıç, kıtıtlär. Ɖylär „al äli köymäğym!“ dıç, alarnyñ artynnan kyçkyryp kaldy.

بورون زمانده بر خاتون بار ایدی آننگ بر اوغلی بار ایدی بیک جولار ایدی بر کون مونی آناسی بازارغه یباردی بوجولار بازارغه باردی قاشق آلدی اوستال آلدی هم توز آلدی بونرسهلرنی آلوب بازاردان قایتورغه چیقغاج یولده بر کوکارچین اوچرادى صو ایچرکا توشکان ایدی بوجولار اوزوب بارغانده کوکارچن موندان قورقوب صو ایچودان توقنادی بو جولار اوزی ننگ کونکلندان ایتدی بو کوکارچن صوننگ توزی یوقغه کوره ایچمای تورغاندور دیب توزی آراسندان آلوب صوغه سالدی خوش آندان کینوب بر آز بارغاج قاشقلاری شالطری باشلادی مونی بولار اوتورورکا کینکاش ایتهلر بوغای دیب قاشقلارون هم یولغه باشلاب قالدوردی اول آراده آطی آردی آطی آرغاج اوستالنی هم اوزنگ ننگده دورت آباغنگ بار اوزنگ قایتورسن الی دیب یولغه تاشلاب قالدردی موندان صوننگ اوزی ایوکا قایتوب کیلدی آناسی صورادی نرسهلرننگ قایدە دیب جولار ایتدی مونا حاضر اوزلاری بارده قایتوب کیلورلر دیدی آندان صوننگ آناسی ای اوغلوم سن یورت تونماس سن دیب ایوکا کروب کیتدی اول کوننی کیچ بولدی کیچ بولغاج یاندى لار یوقلادی لار تانگ آنتاچ آناسی مونی یوقودان اویغاتدی نیک یاناسن طور بارکشی لر قاتنه بار کشی اوچراسه سلام بیر آنجه ایسابلاوچی کا اوچراسانگ آنجه ایسابلاش دیدی آندان صوننگ بوجولار چیقدی اویوکانگ اتلرکا اوچرادى بو جولار آلارنى کورکاج السلام علیکم دیب اتلر آلدینه اوتوروب بارماقلارین صانارغه تونوندی اتلر مونی طالادی لار کولمالکلارین یرتوب بتردی لر بو جولار آناسنه جلاب کردی آناسی

ایندی کیم لر تیدی سنکا دیدی آناسین آلوب چیغوب ات لرنی کورساتندی
مونا شوشی لار تیدی منکا دیدی آناسی ات لر ایکانن بلدی اوغلوبولار
قاتنه بارماسن بولارنی قینا دیدی بوجولار شول ساعت برچوقمار یاصاب
ات لرنی قیناماغه اورامغه چیقدی بر آت صاقالی قارت نمازغه بارورغه
چیقغان ایدی نمازغه بارغان چاقده بوقارت باننه باردی آه اوچرادنک مو
دیب آت صاقالی قارتنی چوقمار برله بروب اوتوردی ده ایوینه
کروب کیندی ایوینه کرکاج آناسنه ماقتاندی من بایاغی ات لرنی
برسین اییلام دیدی آناسی ایندی اول قای توشده دیدی جولار ایندی
اون بازینه صالحم دیدی آناسی برلن باردی لار اون بازینه توشوب
قارادی لار آت صاقاللی ایکانن آناسی بلوب بیک فایغوردی سرای لارند
بر آت کچهلاری بار ایدی آناسی اوغله بلسکور تینچه شول آت کجهنی
اونوروب اون بازینه ناشلادی تیگی قارتنی شول اون بازینه برکا
کومدی آندان صونک شول جولار قولینه قویماق آلوب باغانه باشنه
منوب آشی باشلادی اول آراده تیکی قارتننک جماعتی بالالاری اول
قارتنی ازلاماكا چیقدی لار بو جولار آلارنی کورکاج قایا باراسز دیدی
آلار ایندی لار بزیننک آتینی کورمادنک مو دیدی لار جولار ایندی من
سزیننک آتاکزنی اونوردم دیدی آلار ایندی لار قایا قویدنک دیدی لار
ایده نکز کورساتیم دیب آلارنی اون بازینه آلوب باردی بارا بارا اون
بازینه یتدی لار مونا آتاکز شوشنده دیدی اول جولارکا ایندی لار بار
توشوب آلوب چق دیدی لار جولار اون بازینه توشوب کیندی توشکاچوک
اؤل قوی کجهننک موکورینه تیدی اون اچمدان فچقردی موکزی بار
ایدی مو آتاکزیننک دیدی جولاردان بوسوزنی ایشنکچ ایده بو جولار
آرتندان یورکان بزده جولار دیب کیندی لار جولار اللی قویماغم دیب
آلارننک آرتندان فچقروب قالدی .

Жила-была въ прежнее время одна женщина; у ней былъ одинъ сынъ; онъ былъ очень глупый. Однажды мать послала его на базаръ. Дурачекъ этотъ отправился на базаръ, купилъ ложки, купилъ столъ, также соли и еще кое-какихъ вещей и пошелъ съ базара домой. Дорогой онъ встрѣтилъ одного голубя, который спустился напиться воды. Когда дурачекъ проходилъ мимо, голубь, испугавшись его, пересталъ пить воду. „Этотъ голубь, сказалъ дуракъ, не пьетъ воду и стоитъ, глядя на нее, потому что въ водѣ нѣтъ соли!“, и онъ, взявши соли, высыпалъ ее въ воду. Ладно. Уйдя оттуда, онъ шелъ нѣкоторое время; вдругъ ложки его начали гремѣть. „Должно-быть, сказалъ онъ, онѣ составляютъ совѣтъ убить меня“, выбросилъ ложки свои на дорогу и оставилъ. Тѣмъ временемъ лошадь его стала уставать, а когда она совсѣмъ устала, онъ выбросилъ и столъ и оставилъ его на дорогѣ: „у тебя самого четыре ноги, сказалъ онъ, ты и самъ, конечно, дойдешь“. Послѣ того онъ пришелъ домой.—„Гдѣ же твои вещи?“ спросила его мать. Дуракъ отвѣчалъ: „а вотъ онѣ сейчасъ придутъ сами“.—„Ну, сынъ мой! сказала послѣ этого мать, ты не будешь хозяйственнымъ человѣкомъ“, и ушла въ домъ. Наступилъ въ этотъ день вечеръ; когда же стемнѣло, они легли и заснули. Когда засвѣтила заря, мать разбудила его ото сна, говоря:—„Что ты лежишь? Вставай, ступай къ людямъ! Если встрѣтишь ты человѣка, поздоровайся съ нимъ; если встрѣтишь считающаго деньги, считай деньги вмѣстѣ съ нимъ“. Послѣ этого дуракъ вышелъ. Встрѣтилъ онъ скрестившихся собакъ и, увидя ихъ, сказалъ: „Здравствуйте!“ сѣлъ (затѣмъ) передъ собаками и сталъ считать свои пальцы. Собаки на него набросились и совсѣмъ изорвали его рубаху. Дуракъ, плача, пришелъ къ своей матери.—„Кто тебя тронулъ?“ спросила его мать. Онъ взялъ, вывелъ свою мать и показалъ ей на собакъ: „вотъ онѣ самыя трогали меня“, сказалъ онъ.—„Овазывается, это собаки“, проговорила мать; „сынъ мой! не ходи къ нимъ, ты ихъ колоти!“ Дуракъ тотчасъ же изготовилъ одну дубину и вышелъ на улицу, чтобы бить собакъ. А въ

это время вышел одинъ бѣлобородый старикъ, направляясь на молитву. И въ то время, какъ старикъ этотъ шелъ на молитву, къ нему подошелъ дуракъ. „А-а! попался!“ сказалъ онъ, ударилъ сѣдого старика дубиной и убилъ, а самъ ушелъ къ себѣ домой. Войдя въ домъ, онъ сталъ хвастаться: „хорошо же отъ меня угодило одной изъ давишнихъ собакъ!“.—„Что же ты сдѣлалъ?“ спросила мать. „Убилъ“, сказалъ дуракъ. Мать спросила:—„въ какомъ же мѣстѣ?“ „Я спустилъ ее, отвѣтилъ дуракъ, въ мучной погребѣ“. Мать его пошла вмѣстѣ съ нимъ. Спустившись въ мучной погребъ, она посмотрѣла: оказывается, это былъ сѣдой старикъ. Мать, узнавъ это, очень опечалилась. У нихъ въ саду былъ одинъ бѣлый козелъ, и вотъ мать его, не давая дураку знать, убила козла и спустила его въ мучной погребъ, а старика этого закопала въ землѣ того-же мучного погреба. Послѣ того дуракъ взялъ въ руки оладій, взобрался на верхушку столба и усѣлся тамъ ѣсть. Тѣмъ временемъ жена и дѣти этого старика вышли поискать его. Дуракъ, увидѣвъ ихъ, спросилъ: „куда вы идете?“—„Не видѣль-ли ты, спросили они, нашего отца?“ Дуракъ сказалъ: „вашего отца я убилъ“. Они спросили, куда онъ положилъ его.—„Пойдемте, сказалъ онъ, я покажу!“ Онъ взялъ и повелъ ихъ въ мучной погребъ, они пришли къ нему. „Вотъ, тутъ отецъ вашъ“, сказалъ онъ.—„Поди, спустись туда, отвѣтили они этому дураку, и вытащи его“. Дуракъ пошелъ и спустился въ погребъ. Какъ только онъ спустился (туда), руки его прежде всего коснулись роговъ козла, и онъ закричалъ извнутри погреба: „а были-ли у вашего отца рога?“ Услыхавъ это отъ дурака (соб. эти слова), они сказали:—„пойдемъ! ходя за такимъ дуракомъ,—мы и сами дураки!“ и они пошли (далѣе). „Отдай же мнѣ мои оладьи!“ закричалъ вслѣдъ имъ дуракъ.

Третья сказка: اوکای قز - Падчерица.

Цанă бөрөн заманда бјр кјшннн івј кызы, бјр улы бар-
мы, бјрјсј үгјй кыз-ыжы. Аны бјр-дă царатмыйлар-ыжы. Бјр

көн өңәш итгиләр, ул үгй кызны урманға итп, адаштырмакчы булдылар. Бу үгй кызға аңасы айтти: „Айдә минәм-бйлән урманға! сін үләк ыжарсын, мин утын кесәрмән-дә кич-бйлән кайтырбыз!“ диди. Бу үгй кыз җумзаңын алды, чиләк алды-да аңасы-бйлән урманға китгиләр. Урманға барып җитгиләр. Урман җичнә байтак җичәрҗ кјргәч, бјр җиргә туктадылар. Аңасы атын туңарып, ашарға җибәрди; җибәрп, үгй кызға айтти: „Бар сін, үләк җый! минәм балта таушым җштлмас булгач, кайтырсын!“ диди. Балтасын алып, утын кесә башлады. Үгй кыз чиләгн алып, үләк ыжарға китти. Аннан-сүң аңасы бјр зур аңачка утын тукмаңы асып куйды-да атын җигп, өҗөнә кайтып китти, үгй кыз үләк җыжа калды. Бу үгй кыз бјр-үк үләк җыжа-да тыңнап-төра. Ул арада аңачка асып куйған тукмак үл-бйлән сјлкнп тук тук аңачка бәрлп, үгй кызға балта таушы-вјбв җштлә. „Аңай әлј утын кесә-икән!“ дп, үләкн җыжа-да җыжа; җыжа-төргәч, чиләг туды. Ул арада кич булды, үл-дә басылды. „Индј аңай утын кесп бјтјргән-икән!“ дп, килп караса, аңасы җук, җиләр исә. „Индј ншләргә?“ дп, бу үгй кыз җылы җылы китти. Урман буйлап, акыр бара-төргәч, урман җитнә кырға барып чыкты. Анда бјр җүл өч-өрады. Җулға чыгып, җүл буйынча җылы җылы бара мјскнчәк. Шунда наз тарта: „Түгәрп китти җумзаңым! кјрмәдјг-мј, аңайлар?“ дп, бу сүзнј айтә-дә җылы, айтә-дә җылы. Бара-төргәч, бјр ат көтүҗнә барып, җитти. Көтүч катына барды-да айтә: „Түгәрп китти җумзаңым! кјрмәдјң-мј, көтүчү?“ дп. Көтүч айтти: „Күрдјм! миңа бјр көн көтү көтсәң, снә бјр ат бјрмән!“ дп. Бу кыз „җарар!“ дп, бјр көн көтү көтөп, анан бјр ат алып, атланып китти. Үзј ат өстөндә аман җылы җылы бара. Байтак җр баргач, сыыр көтүҗнә җитти. Сыыр көтүчснә бјр көн көтү көтөп, бјр сыыр алды. Сарык көтүҗнә җитти; шул рәүшчә аннан бјр сарык алды. Кәңә көтүҗнә җитти; җәнә аннан бјр кәңә алды. Шулай итп бара-төргәч, кич булды, күз байланди. „Индј ншләрмән?“ дп, ат өстөндә бажады сүзнј кат айтп җылы. Җырактан бјр кичнә-гнә ут шәүләсј кјрп, „мында аул бар-икән!“ дп, сөҗөнөп,

атын җуртыбырак китті. Аулның җитүндә-гүна бәр кичкүна өй бар-ыж; анда барып кјрдј. Кјрсә, өйда бәр карчык утыра; ул убыр карчык-имјш. Шунда бажазны назны тартып айтә: „Түгәрий-киттј җумғазым, күрмәдј-мј, абјкәй“? дп. Убыр карчык айттј: „Күрдјм, кызым, сн кайдан киләсн?“ ддј. Бу кыз үзјңнү башыннан үткән јшләрнү барысын айтүп-бјрдј. Аннан-суң убыр карчык айттј: „Кызым, сн җырактан килгән икән-сн! индј минјм кызым булыр-сын!“ ддј. Ирәгјсн төрәҗач, убыр карчык бу кызны мунча җаҗарға җибәрдј. Кыз мунча җаҗып булдырды-да карчык катына килдј, айттј: „Абјй, индј мунча булды! айдә барыжык мунчаға!“ ддј. Убыр карчык „җарар, кызым!“ дп, өйдән чыктылар. Карчык айттј: „Кызым, мн былай бар’алмам! сн минјм кулымнан төт, күтүмә тп! шулай итүп, минј мунчаға алып бар!“ ддј. Кыз айттј: „Җук, абјй, алай җарамас,— сн карчык кјшј, рәнҗүрсн!“ дп, карчыкны күтәрүп, мунчаға алып барды. Мунчаға барҗач, убыр карчык айттј: „Кызым, минјм җәҗүмән төтөп, лавкага сөрәп мјндјр!“ ддј. Кыз айттј: „Җук абјй, алай җарамас,— сн рәнҗүрсн!“ дп, күтәрүп, мјндјрдј. Карчык айттј: „Кызым, сн минј җап! сјбүркүңнү өчөннан төт, сабыбјлән минј сүк!“ ддј. Кыз айттј: „Абјй, алай җарамас!“ дп, карчыкның аркасын җөмшәк-кына җапты. Аннан-суң мунчадан карчыкны күтәрүп кайтты-да җөмшәк урынға җаткырды. Убыр карчык айттј: „Кызым, башым бик кычыта, азырак башымны тара-сына!“ ддј. Бу кыз тарак алып, карчыкның башын тарарға дп аҗса, карчыкның җәҗ бөртөгө-сајын алтын көмөш, јнү марҗан, асыл ташлар туп-тулы. Башын тарап бүтүргәҗ, карчык айттј: „Индј, кызым, бәр бјјүп кара,— снң бјјүгәннүңнү күрәсн килә!“ ддј. Бу кыз бјјүдј,— ич нәрсә җук. Аннан-суң карчык айттј: „Кызым, бар мунчаға, барып карачы: мн кулаша-бјлән мунчаға салат күтәргән-јјјм, кпмәдј-м’ икән?“ ддј. Кыз мунчаға барса, кулаша-бјлән алтын көмөш, јнү марҗан, кыйбатлы ташлар. Кыз җәнә мунчадан җөгөрөп кайтты. Карчык айттј: „Кпкән-мј, кызым?“ ддј. Кыз айттј: „Кпкән, абјй!“ ддј. Карчык айттј: „Җакшы, кызым, таҗы

бiр бiлiп, кара-ч' әлi!" дiдi. Кыз бiлiдi,—iч нәрсе үк. Аннан-сун бу убыр карчык кызның тұрылыгын бiлiп, кызға әйттi: „Индi, кызым, өжөнә кайтасың килсә, бар, кайт!“ Кыз әйттi: „Әбiй, мiн үл бiлмiжим-нә баса! бiк кайтыр-ыжым, кана!“ дiдi. Карчык әйттi: „Бар, кызым! үл бiлмәсән, мiн сiңа үл күрсәтiрмiн! мына бу үәшiл сандыкны алып кiт,—сiңа бүл-сын! өжөнә кайтып үитмiјiнчә, ачып карама!“ дiдi. Аннан-сун кыз сандыкны алып, атына атланып, сыжырын үитәк-лiп, сарыкларын кәңәләрип iјәртiп, үулға чыгып кiттi. Көн кiттi, төн кiттi. Бара-төрғәч, байтак үир кiттi, аулына-да үакыннашты. Ағасының iтләри бар-ыжы. шул бауытта iтләр бу сүзi әйтiп: „Үләргә кiткән түткәй бажып кайта! лән!“ дiп, өрөшәләр. Бу кызның ағалары үиңгәләри „бү iткә нiй булған? бу iт көтөрған!“ дiп, iтнi тажак-бiлән кыйпасалар-да, iт аның-сажын „үләргә кiткән түткәй бажып кайта! лән! әң!“ дiйләр. Ул арада бу үгiй кыз-да өжөнә кайтып үиттi. Өжөнә кайткач сандыкны ачып каралы. Нiй күрсiн? Сандык iчi түп-түлы алтын көмөш, iнү марған, кыйбатлы ташлар. Кыз шуннан бажып-кiттi. Мыны күргәч, ағалары үиңгәләри бiк көнчөлөк кылдылар. Үзләриңи кызын шулай үибәрмәкчi буллылар. Бу кыз әмт үумғадын алып, ағасы-бiлән урманға кiттi. Урманға барып үиткәч, ағасы атын тұ-ғарып үибәрдi ашарға, үзi кiттi утын кiсәргә. Бу кыз кiттi, чiләгiн алып, үиләк үыжарға. Ул арада ағасы бажагы рәүшчә бiр ағачка утын тукмагы асып күйды-да атын үигiп, өжөнә кайтып кiттi. Бу кыз тукмак таушы iштiлмәс булғач, ағасы катына дiп килсә, үиләр iсә, iч кiм үк, ағасы кайтып кiт-кән-iмiш. Аннан-сун бу кыз кiттi урман бужынча. „Түгәриј-кiттi үумғадым! күрмәдiгiз-мi, ағайлар?“ дiп әйтә әйтә, бара-төрғәч, бiр көтүгә барып үиттi, көтүчiгә әйттi: Түгәриј-кiттi үумғадым! күрмәдiң-мi, көтүчi?“ Көтүчi әйттi: „Күрдiм! мiңа бiр көн көтү көтсән, бiр ат бiрирмiн!“ дiдi. „Мiңа ат кiрәк-мәс!“ дiп, кыз анан кiттi, сыжыр көтүјнә үиттi, сарык көтүјнә үиттi, кәңә көтүјнә үиттi. Бара-төрғәч, бажагы үгiй кыз-кiбiк

убыр карчыкның өжөнә барып үттү. „Түгәрй-киттү чумғадым! күрмәдү-мә, әбүкәй?“ дп, карчыкның өжөнә күрдү. Карчык айттү: „Күрдүм! индү бар, кызым, мунча үак!“ дп, кызы мунча үағарға үбәрдү. Аннан-суң убыр карчык айттү: „Индү, кызым, мунчаға барыжк! сн мнүм кулымнан төт, күтүмә тп! шулай күтү, мнү мунчаға алып бар!“ ддү. „Царар, әбүй!“ дп, бу кыз карчык айткән рәүшчә кулымнан төтөп, күтүмә тпбә тпбә, карчыкны мунчаға алып барды. Карчык айттү: „Кызым, мнүм аркамны чапса, сүбүрүкнүң өчөннән төт, сабы-бүлән мнүм аркама сук!“ Бу кыз сүбүрүк сабы-бүлән карчыкның аркасын дөп дөп күтүп өрә-ла өрә. Карчык нүй айтсә, ул айткәннүчә кыла-бүрә. Аннан-суң карчык кызға айттү: „Кызым, мнүм башымны тара-сына азырак!“ ддү. Кыз карчыкның башын ачып карады. Чәч бөртөгө-сажын алтын-ла көмөш, кыйбатлы ташлар. Бу кыз карчык башыннан алып алып, алтын көмөшнө күсәсүнә-дә сала, куйнына-да сала; тпрә үағын бөтөннәй тутырды. Карчык айттү: „Кызым, индү бүжүк-кара,— бүжүгәннүң күрәсүм күлә!“ ддү. Кыз бүжүк башлады. Кыз бүжүгән-сажын алтын көмөш көжөдә. Карчык кызы тады мунчаға үбәрдү: „Кара-чы, кызым, мунчаға салат күтүргәп-жүм, күпмәдү-м' күән?“ дп. Кыз мунчаға барды, күрдү: ба-жады-күбүк кулаша-бүлән алтын, „көмөш туп-тулы. Кыз тады-да күсәсүнә куйнына тутырды Түтүй шулай күтүп, бажүган-күән!“ дп, карчык кызы үәнә бүжүргә күшты. Кыз бүжүк баш-лағач, бажадыча көмөш алтын үәнә шалдырап көжөдә баш-лады. Аннан-суң карчык бу кызы сынап бүтүргәч, „бар, кызым, кайтып күт! ана фәләнчәү үулдан күт!“ дп, үул күр-сәтп, „мына, кызым, бу кара сандыкны алып күт!“ дп, бүр кара сандык бүрүп үбәрдү. „Өжөнә кайтып күтмүжүнчә, ачып карама!“ дп, бүк күзәттү. Кыз сөжөнөп, сандыкны күтәрүп, тә-пүй тәпүй күттү. Байтак үр күтүп, үзүнүң аулына үакыннаш-кач бажадыча ағасының күтләрү өрә: „Бажүрға күткән күтү-кәй күтүп кайта-төгөү-мү? күң! күң!“ дп, күт өрә. „Бүзүнүң бу күт күтүргән көтөрүән!“ дп, таяк-бүлән күткә аннан-да, мыннан-да ыргыталар. Күт аларға карамый, аның-сажын „бажүрға күт-

кән түткәй үлүп кайта-төгөл-ми?“ дп ләң! ләң! итүп өрә. Итн таңы кайныйлар: „Бајырға киткән түткәй бајып кайта! ләң! ләң! дп әйт!“ дп. Ул арала кыз-да өжөнә кайтып ыттүј Кайтып кјргәч, кара сандыкны ачып үбәрді. Сандыкны ачұы-бүлән сандык ічүннән бјр кара ыылан сівүрүп чыкты, кызның мұйнына чырананып, кызны бұып-та үтүрді.

Мына көнчөлөк кјщүнү нпшләтмјй!

ينه بورون زمانده برکشى ننگ ايکى قزى بر اوغلى بار ايدى برسى اوکای قز ايدى آنى برده ياراتمبلار ايدى برکون کينکاش ايتدى لار اول اوکای قزنى اورمانغه ايلتوب آد اشدرمانچى بولدى لار بو اوکای قزغه آغاسى ايتدى ايدى منم برلان اورمانغه سن جىلاک جيارسن من اونون کيسارمنده کيچ برلان قاينوربز ديدى بو اوکای قز جومغاغن آلدى چىلاک آلدى ده آغاسى برلان اورمانغه کيندى لار اورمانغه باروب يتدى لار اورمان اچنه بايناق ايچکارى کرکاج بربرکا توقنادى لار آغاسى آطن توغاروب آشارغه يباردى اوکای قزغه ايتدى بار سن جىلاک جى منم بالطه تاوشم ايشنولماس بولغاچ قاينورسن ديب بالطه سن آلوب اوتون کيسه باشلادى اوکای قز چىلاکن آلوب جىلاک جيارغه کيندى آندان صونک آغاسى برصور آغاچقه اونون توقماغى آصوب قويدى ده آطن جىکوب ايوينه قايتوب کيندى اوکای قز جىلاک جيه قالدى بو اوکای قز براوق جىلاک جيه ده طنکلاب تورا اول آراده آغاچقه آصوب قويغان توقماق جيل برلان سلکنوب توق توق آغاچقه برولوب اوکای قزغه بالطه تاوشى کبک ايشنله آغای الی اوتون کيسه ايکان ديب جىلاکنى جيه ده جيه جيه تورغاچ چىلاک تولدى اول آراده کيچ بولدى جيلده باصلدى ايتدى آغای اوتون کيسوب بتورکان ايکان ديب کيلوب قاراسه آغاسى يوق جيل ايسه ايتدى نيشلارکا ديب بو اوکای قز جلاى جلاى کيندى اورمان بويلاپ آخر بارا تورغاچ اورمان

چیتنه قرغه باروب چیقدی آنده بر یول اوچرادی یولغه چیغوب یول
بوینجه جلائی جلائی بارا مسکینچک شونده نازتارنا تکاری کیندی جومغاغم
کورمادنکزمو آغای لار دیب بو سوزنی ایتده جلائی ایتده جلائی بارا
تورغاچ بر آط کتوینه باروب یتدی کتوچی فاتنه باردی ده اینه تکاری
کیندی جومغاغم کورمادنک مو کتوچی دی کتوچی ایندی کوردم منگا بر
کون کتو کونسانک سنکا بر آط بیررمن دی بو قز یارار دیب برکون
کتو کوتوب آندان بر آط آلوب آطلانوب کیندی اوزی آط اوستونده
همان جلائی جلائی بارا بایناق بر بارغاچ صیرکتوینه یتدی صیرکتوچی سنه
برکون کتو کوتوب بر صیر آلدی صارق کتوینه یتدی شول روشپه
آندان بر صارق آلدی کجه کتوینه یتدی ینه آندان بر کجه آلدی
شولای ایتوب بارا تورغاچ کچ بولدی کوز بیلانندی ایندی نیشلارمن
دیب آط اوستونده بایاغی سوزنی فات فات ایتوب جلائی یراقدان بر
کچکنه اوت شاوله سی کوروب مونده اول بار ایکان دیب سیونوب آطن
یورطوبراب کیندی آولننگ چیتنده کنه بر کچکنه ابو بار ایدی آنده
باروب کردی کرسه ایوده بر فارچق اوتورا اول اوبور فارچق ایمش
شونده بایاغی نازنی نارتوب اینه تکاری کیندی جومغاغم کورمادنک مو
ابکی دیب اوبور فارچق ایندی کوردوم قزم سن قایدان کیلاس دیدی
بو قز اوزی ننگ باشندان اوتکان اشلرنی باریسن ایتوب بیردی آندان
صونک اوبور فارچق ایندی قزم سن یراقدان کیلکان ایکان سن ایندی
منم قزم بولور سن دیدی ایرته کوسین تورغاچ اوبور فارچق بو قزنی
موچه یاغارغه یباردی قزموچه یاغوب بولدوردی ده فارچق فاتنه کیلدی
ایندی ای ایندی موچه بولدی ایده بارایق موچه غه دیدی اوبور
فارچق یارار قزم دیب ایودان چیقدی لار فارچق ایندی قزم من بولای
بارالهام سن منم قولومدان توت کوته تیب شولای ایتوب منی موچه غه
آلوب بار دیدی قز ایندی یوق ای آلائی یاراماس سن فارچق کشی

رنجورسن ديب قارچقنى كوناروب موڭغە آلوب باردى موڭغە بارغاچ
اوبور قارچق ايندى قزم منم چاچمدان توتوب لاوكا كا سوراب مندور
ديدى قز ايندى يوق ابى آلای ياراماس سن رنجورسن ديب كوناروب
مندوردى قارچق ايندى قزم سن منى چاب سبركى ننگ اوچوندان توت
صابى برلان منى صوق ديدى قز ايندى ابى آلای ياراماس ديب قارچق ننگ
آرقاسين يوشاق قنه چاپدى آندان صونك موڭغەدان قارچقنى كوناروب
قايندى ده يوشاق اورون غە ياتقوردى اوبور قارچق ايندى قزم باشم
بيك قچوتا آزاراق باشنى تاراسنه ديدى بو قز تارات آلوب قارچق ننگ
باشين تارارغە ديب آچسه قارچق ننگ چاچ بورتوكى صايون آلتون
كموش انجو مرجان اصل ناشلار توب تولو باشن تاراب بتوركاچ قارچق
ايندى ايندى قزم بريبوب قاراسنك بيوكاننكى كوراسم كبله ديدى
بو قز بيودى هيچ نرسه يوق آندان صونك قارچق ايندى قزم بار
موڭغە باروب قاراچى من قولاشا برلان موڭغە صالات كوناركان ايدم
كبيمادى ميكان ديدى قز موڭغە بارسه قولاشا برلان آلتون كموش
انجو مرجان قيباتلى ناشلار قز ينه موڭغەدان يوكروب قايندى قارچق
ايندى كبيكان مو قزم ديدى قز ايندى كبيكان ابى ديدى قارچق ايندى
بخشى قزم ناغى بريبوب قاراچى الى ديدى قز بيودى هيچ نرسه يوق
آندان صونك بو اوبور قارچق قز ننگ توغرولفين بلوب قزغە ايندى
ايندى قزم ايونكا قايتاسنك كبلسه بار قايت قز ايندى ابى من يول
بلميمله باصا بيك قايتور ايدم قانا ديدى قارچق ايندى بار قزم يول
بلماسنك من سنكا يول كورساتورمن مونا بوياشل صاندوقنى آلوب كيت
سنكا بولسون ايونكا قايتوب ينمايچە آچوب قاراما ديدى آندان صونك
قز صاندوقنى آلوب آطنه آطلانوب صيرون يتا كلاب صارقلارون
كچەلارون ايارتوب يولغە چغوب كيندى كون كيندى تون كيندى بارا تورغاچ
بايتاق ير كيندى اولنەده ياقنلاشدى آغاسى ننگ اتلارى بار ايدى

شول وقتده اتلار بوسوزنی ایتوب اولارکا کیتکان توتیکی بایوب قایتا
لنک لنک دیب اوروشه لر بو قزنگ آغالاری جینکالاری بو اتکا فی
بولغان بو ات قوتورغان دیب اتنی نایاق برلان قیناسالارده ات آننگ
صایون اولارکا کیتکان توتیکی بایوب قایتا لنک لنک دیلار اول آراده
بو اوکای قزده ایوبینه قایتوب یتدی ایوبینه قایتقاچ صاندوقنی آچوب
فارادی فی کورسون صاندوق ایچی توب نولو آلتون کموش اجومرجان
قیبانتلی ناشلار قزشوندان بایوب کیتدی مونی کورکاچ آغالاری جینکالاری
بیک کوچی لک قیلدی لار اولاری ننگ قزون شولای یبارما کچی بولدی لار
بو قزهم جومغاغن آلوب آغاسی برلان اورمانغه کیتدی اورمانغه باروب
بنکاچ آغاسی آطن طوغاروب یباردی آشارغه اوزی کیتدی اوتون
کیسارکا بو قز کیتدی چیلک آلوب جیلک جبارغه اول آراده آغاسی
بایاغی روشه بر آغاچه اوتون توقماغی آصوب قویدی ده آطن جیکوب
ایوبینه قایتوب کیتدی بو قز توقماق ناوشی ایشتماس بولغاچ آغاسی
قانته دیب کیلسه جیلر ایسه هیچ کیم یوق آغاسی قایتوب کیتکان
ایمش آندان صونک بو قز کیتدی اورمان بو نیچه نگاری کیتدی جومغاغ
کورمادنگرمو آغای لار دیب ایته ایته بارا تورغاچ برکتوکا باروب یتدی
کتوچی کا ایندی نگاری کیتدی جومغاغ کورمادنگ مو کتوچی کتوچی
ایندی کوردم منکا بر کون کتو کونسانک بر آط پیرورمن دیدی منکا
آط کرا کماس دیب قز آندان کیتدی صیر کتوینه یتدی صارق کتوینه
یتدی کجه کتوینه یتدی بارا تورغاچ بایاغی اوکای قز کبک اوبور
قارچق ننگ ایوبینه باروب یتدی نگاری کیتدی جومغاغ کورمادنگ مو
ایکی دیب قارچق ننگ ایوبینه کردی قارچق ایندی کوردوم ایندی بار
قزم مونچه یاق دیب قزنی مونچه یاغارغه یباردی آندان صونک اوبور
قارچق ایندی ایندی قزم مونچه غه بارایق سن منم قولومدان توت
کتویمه تیب شولای ایتوب منی مونچه غه آلوب بار دیدی یارار ابی

ديب بو قز فارچق اينكان روشچه قولوندان توتوب كوتنه تيبه تيبه
فارچقنى مونجهغه آلوب باردى فارچق ايندى قزم منم آرقامنى چابسه
سبركى ننگ اوچوندان توت صابى برلان منم آرقاما صوت ديدى بو قز
سبركى صابى برلان فارچق ننگ آرقاسين دوب دوب ايتوب اوراده اورا
فارچق نى ايتسه اول اينكانچه قىلا بيره آندان صونك فارچق ايندى
قزم منم باشمنى ناراسنه آرزاق ديدى قز فارچق ننگ باشين آچوب
قارادى چاچ بورنو كى صابون آلتون ده كموش قىباتلى ناشلار بو قز فارچق
باشندان آلوب آلوب آلتون كموش نى كسه سنه ده صالا قويننه ده صالا
تيرا ياغن بوتونلاى توتوردى فارچق ايندى قزم ايندى بيوب قارا
بيوكاننكى كوراسم كبله ديدى قز بى باشلادى قز بيوكان صابون آلتون
كموش قوبولا فارچق قزنى مونجهغه يباردى قاراچى قزم مونجهغه صالات
كوناركان ايدم كيپمادى ميكان ديب قز مونجهغه باردى كوردى باياغى
كبك قولاشا برلان آلتون كموش توب تولو قز تاغى ده كسه سنه قويننه
توتوردى توتاي شولاى ايتوب بايوغان ايكان ديب فارچق قزنى ينه
بيوركا قوشدى قز بى باشلاچ باياغى چه كموش آلتون ينه شالدراب
قوبولا باشلادى آندان صونك فارچق بو قزنى صواب بتوركاچ بار قزم
قايتوب كيت آنا فلانجه بولندان كيت ديب يول كورساتوب موناقزم بو
قارا صاندوقنى آلوب كيت ديب بر قارا صاندوق بيروب يباردى ابونكا
قايتوب يئمايچه آچوب قاراما ديب بىگ كيزاندى قز سونوب صاندوقنى
كوناروب نپى نپى كيتدى بايناق ير كيتوب اوزى ننگ اولنه ياقنلاشچاق
باياغى چه آغاسى ننگ اتلارى اوره بايورغه كيتكان توتيكى اولوب قاينا
توكلمو لنگ لنگ ديب ات اوره بزنگ بو ات نيلوركان قوتورغان ديب
تاياق برلان ات كا آندان ده موندان ده ارغوتالار ات آلاغه قارامى آنگ
صابون بايورغه كيتكان توتيكى اولوب قاينا توكلمو ديب لنگ لنگ
ايتوب اوره اتنى تاغى قينى لار بايورغه كيتكان توتيكى بايوب قاينا

لنك لذك ديب ايت ديب اول آرا ده قزده ايوينه قايتوب يتدى قايتوب
كركاچ قارا صاندوقنى آچوب يباردى صاندوقنى آچوى برلان صاندوق
ايجندان بر قارا يلان سيكروب جيقى قزىنك موينه چرنانوب قزى
بووب ده اوتوردى مونا كو نچيلىك كشى نى نيشلانمى .

Въ прежнее время у одного человѣка было двѣ дочери и одинъ сынъ. Одна изъ нихъ была падчерица, и ее нисколько не любили. Однажды они держали совѣтъ,—хотѣли, отвезя эту падчерицу-дѣвушку въ лѣсъ, заставить ее заплутаться. Братъ ея сказалъ дѣвушкѣ: „поѣдемъ вмѣстѣ въ лѣсъ; ты будешь собирать ягоды, а я буду рубить дрова, вечеромъ же мы вернемся“, прибавилъ онъ. Падчерица взяла съ собой клубокъ, взяла ведро и вмѣстѣ съ братомъ они поѣхали въ лѣсъ. Они приѣхали туда. Порядочно заѣхавъ внутрь лѣса, они остановились на одномъ мѣстѣ. Ея братъ, распрягнувши лошадь, пустилъ ее на кормъ и сказалъ падчерицѣ: „ты ступай, собирай ягоды; когда же не будешь слышать звукъ моего топора, тогда, сказалъ онъ, воротись“. Взявъ топоръ, онъ принялся рубить дрова, падчерица же съ ведромъ пошла собирать ягоды. Но послѣ этого братъ ея повѣсилъ на одно дерево дубину, запрягъ лошадь и вернулся домой. Сиротка осталась собирать ягоды. То собираетъ она, то останавливается, прислушиваясь; а подвѣшенная дубина въ то время, раскачиваясь отъ вѣтра, ударялась объ дерево—тукъ! тукъ! падчерицѣ же слышался будто звукъ топора.—„Братъ все еще рубить дрова, должно быть“, говорила она и собираетъ да собираетъ ягоды. Такъ она наполнила ведро. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, и вѣтеръ пересталъ.—„Вотъ, братъ, должно быть, пересталъ рубить дрова“, сказала она, но, возвратившись, она увидѣла, что брата ея нѣтъ, и только вѣтры дуютъ.—„Что я теперь стану дѣлать?“ сказала она, и, плача, плача, она отправилась въ путь. Идя такъ по лѣсу, она вышла, наконецъ, на поляну на краю лѣса и тутъ нашла дорогу. Выйдя на нее,

бѣдняжка, плача, пошла (далѣе) по дорогѣ. Тогда она ласково произнесла: „у меня укатился клубочекъ, не видали-ли вы его, дядюшки?“ Произнеся эти слова, она опять, плача, пошла далѣе и встрѣтила табунъ лошадей. Она подошла къ пастуху и сказала:—„у меня укатился клубочекъ; ты не видалъ-ли его, пастушекъ?“—„Видѣлъ, отвѣтилъ пастухъ, но не попасешь-ли ты мнѣ стадо одинъ день? Я дамъ тебѣ одну лошадь“. Дѣвушка сказала:—„хорошо!“ Попасши стадо одинъ день и взявъ у него одну лошадь, она сѣла на нее верхомъ и поѣхала. Вотъ она ѣдетъ верхомъ на лошади, все еще плача. Проѣхавъ порядочное разстояніе, она наѣхала на стадо коровъ. Попасши одинъ день и коровъ, она также взяла одну корову. Далѣе она встрѣтила стадо овецъ и такимъ же образомъ и изъ него получила одну овцу. Встрѣтила стадо козъ и опять и изъ него взяла одну козу. Пока она ѣхала, поступая такимъ образомъ, наступилъ вечеръ; глаза ея стали смыкаться. „Что я стану дѣлать?“ сказала она тогда и, верхомъ на лошади, она, плача, опять повторяетъ давишнія слова. Вдругъ вдали она увидала пламя маленькаго огня. „Тамъ, должно быть, деревня“, сказала она, радуясь, и, погоняя коня, поѣхала быстрѣе. На краю деревни была маленькая избушка; она вошла въ нее, но, осмотрѣвшись, она увидала, что тутъ сидитъ одна старуха: старуха эта была колдунья. Тутъ она снова сказала давишнія слова: „укатился мой клубочекъ; не видела-ли ты его, бабушка?“ Старуха-колдунья сказала:—„видѣла, дочь моя; ты откуда пришла?“ спросила она ее. Дѣвушка рассказала всѣ прошедшія надъ ея головой бѣды, и колдунья-старуха сказала послѣ этого:—„ты, дочь, пріѣхала издалека и теперь ты будешь моей“. Когда утромъ старуха-колдунья встала, она послала эту дѣвушку истопить баню. Дѣвушка истопила ее, приготовила и пришла къ старухѣ: „бабушка! сказала она; вотъ, баня готова; пойдѣмъ-же!“—„Хорошо, дочь моя“, отвѣтила та. Онѣ вышли изъ дома, и старуха сказала:—„дочь моя! я не могу такъ идти; ты подтакивай меня сзади, взявъ за руки, и такимъ образомъ ты

доставишь меня въ баню“.— „Нѣтъ, бабушка, отвѣтила дѣвушка, такъ не хорошо; ты-старый человѣкъ, и тебѣ будетъ больно“, и, поднявъ старуху, она принесла ее въ баню. Придя туда, старуха-колдунья сказала:— „дочь моя! подними меня и, держа за волосы, потаскай по лавкѣ“.— „Нѣтъ, бабушка, сказала дѣвушка; такъ не ладно, тебѣ будетъ больно“, и, поднявъ, она посадила ее. Старуха снова сказала:— „похлепци меня, дочь моя, вѣникомъ; да бей меня черешкомъ, а вѣниеъ возьми за листву“. Дѣвушка отвѣтила: „такъ не хорошо, бабушка“, и стала потихоньку колотить имъ по спинѣ старухи. Послѣ того она вынесла старуху изъ бани и легонько уложила ее на постель.— „Дочь моя! сказала старуха-колдунья, у меня сильно чешется голова, почеси-ка мнѣ ее немного“. Дѣвушка взяла гребень, но, когда она раскрыла голову старухи, чтобы расчесывать, то оказалось, что каждая прядь волосъ ея полна золота и серебра, жемчуга и коралловъ, драгоценныхъ каменьевъ. Когда она кончила чесать волосы, старуха сказала:— „теперь, дочь моя, мнѣ хотѣлось-бы поглядѣть, какъ ты плясешь“. Дѣвушка поплясала, но у ней ничего не оказалось. Послѣ того старуха опять сказала:— „дочь моя! сходи-ка въ баню; я отнесла туда солодъ въ корытѣ: не высохъ-ли онъ?“ Когда дѣвушка пришла въ баню, то въ корытѣ оказались золото и серебро, кораллы и жемчугъ и драгоценные каменья. Дѣвушка, сбѣгавъ въ баню, опять вернулась.— „Высохъ-ли онъ, дочь моя?“ спросила старуха. „Высохъ, бабушка“, отвѣтила дѣвушка. Старуха сказала:— „дочь моя! попробуй-ка еще поплясать“. Дѣвушка поплясала, но у ней вовсе ничего не оказалось. Послѣ того эта старуха-колдунья, увидавъ честность дѣвушки, сказала ей:— „дочь моя! если тебѣ хочется итти домой, то ступай, вернись!“ Дѣвушка отвѣчала: „я не знаю дороги, бабушка, но я очень хочу вернуться“. Старуха сказала:— „ступай, дочь моя! если ты не знаешь дороги, то я тебѣ укажу ее; вотъ, ступай, возьми этотъ зеленый сундукъ: пусть онъ будетъ твоимъ; только ты не открывай его, пока не придешь домой.“ Послѣ этого дѣвушка взяла сундукъ.

и, сѣвъ на лошадь, повела корову въ поводу, а овецъ, козловъ погнала за собой и отправилась въ дорогу. Ъхала она день, ъхала ночь; а когда проѣхала порядочное уже разстояніе, то приблизилась къ своей деревнѣ.

У ея брата были собаки, и въ это-то время онѣ пролаяли такія слова: „тетенька, ушедшая на смерть, возвращается разбогатѣвшей—вау! вау!“—„Что случилось съ этими собаками? сказали сестра и братъ,—онѣ, видно, взбѣсались!“ Но сколько они ни били собакъ палкой, собаки еще сильнѣе лаютъ:— „тетенька, отправившаяся на смерть, возвращается разбогатѣвшей! вау! вау!“ Тѣмъ временемъ и падчерица подѣхала къ дому. Войдя въ него, она открыла сундукъ и поглядѣла, но что она тамъ увидала! Сундукъ былъ совершенно полонъ золота и серебра, жемчуга и коралловъ и дорогихъ камней. Дѣвушка вслѣдствіе этого вышла въ богачи.

Видя это, братъ и старшая сестра ея стали очень сильно завидовать. Вздумали послать такимъ же образомъ и другую дочь. И эта дѣвушка, взявъ свой клубочекъ, вмѣстѣ съ братомъ отправилась въ лѣсъ. Когда они достигли его, братъ ея, распрягнувши лошадь, пустилъ ее на траву, а самъ пошелъ рубить дрова, дѣвушка же съ ведромъ отправилась собирать ягоды. Тѣмъ временемъ братъ ея по прежнему повѣсилъ на дерево дубину, запрягъ лошадь и уѣхалъ домой. Дѣвушка же, переставъ слышать звукъ топора, хотѣла итти къ своему брату, но оказалось, что (тамъ) только вѣтеръ дуетъ, и никого нѣтъ; братъ же, какъ оказалось, уѣхалъ. Тогда дѣвушка отправилась вдоль лѣса: „укатился мой клубочекъ, произнесла и она, не видаль-ли ты его, дядушка?“ Говоря такъ, она, идя и идя, встрѣтила стадо и сказала пастуху: „мой клубочекъ укатился; ты не видаль-ли его, пастухъ?“—„Видѣлъ, отвѣтилъ пастухъ, но не попасешь-ли ты мнѣ одинъ день стадо? Я дамъ тебѣ за это одну лошадь.“ „Мнѣ не нужно лошади“, сказала она и послѣ того ушла. Она встрѣтила еще и стадо коровъ, встрѣтила также стадо овецъ и стадо козловъ. Идя и идя, подобно давишной дѣвущкѣ, она пришла къ дому

колдуньи-старухи. „Мой клубокъ укатился, сказала она, ты его не видала-ли, бабушка?“ и она вошла въ домъ старухи. — „Видѣла“, отвѣтила старуха; — „сходи-ка вотъ, дочь моя, прибавила она, истопи баню“, и она отослала дѣвушку топить баню. Послѣ того колдунья опять сказала: — „теперь пойдемъ, дочь моя, въ баню; ты возьми меня за руки и pinaй меня въ задницу и вотъ такъ доставь меня въ баню“. — „Хорошо, бабушка“, отвѣтила дѣвушка и дѣлая точно такъ, какъ говорила старуха, — держа ее за руки и толкая да толкая въ задницу, привела старуху въ баню. — „Дочь моя, сказала старуха, у меня чешется спина; возьми вѣнникъ за конецъ и поколоти меня по спинѣ черешкомъ“, и вотъ дѣвушка колотить да колотить черешкомъ вѣника по спинѣ старухи, — дубъ да дубъ! И что-бы старуха ни сказала, она все такъ и дѣлаетъ. Послѣ того старуха сказала дѣвушкѣ: — „дочь моя! почеши мнѣ немного голову“. Дѣвушка, раскрывъ волосы старухи, увидѣла, что на каждой пряди волосъ ея — золото, серебро, драгоценные камни. Дѣвушка беретъ да беретъ изъ головы старухи и золото и серебро и кладетъ да кладетъ его въ кошелекъ, въ пазуху и наполнила все, что было можно (собст. всѣ стороны). Но старуха сказала: — „дочь моя! теперь попробуй-ка поплясать; мнѣ хочется поглядѣть твою пляску“. Дѣвушка начала плясать, но каждый разъ вмѣстѣ съ ея движеніемъ сыплются золото и серебро. Затѣмъ старуха послала дѣвушку опять въ баню: — „посмотри-ка, дочь моя, сказала она, я положила въ банѣ солодь; не высохъ-ли онъ?“ Дѣвушка отправилась въ баню и увидала, что корыто, какъ и раньше, совершенно полно золотомъ и серебромъ. Дѣвушка снова наложила свой кошелекъ и пазуху: „вѣдь, сестрица моя, сказала она: такимъ же именно образомъ разбогатѣла“. Старуха снова велѣла ей поплясать. Дѣвушка начала плясать, и по прежнему золото и серебро опять со звономъ стали сыпаться. Послѣ того старуха, окончивъ испытывать эту дѣвушку, сказала: — „ступай, вернись, дочь моя! ступай вонъ по той дорогѣ“, и она показала ей дорогу. — „Вотъ, дочь моя,

возьми этотъ черный сундукъ и ступай!“ Она дала ей этотъ черный сундукъ и отпустила.—„По пути домой, но не доходя еще до дому, ты не открывай и не смотри въ него“, предостерегала она ее. Радуюсь, дѣвушка быстро отправилась, поднявъ сундукъ. Пройдя порядочное разстояніе, она приблизилась къ своей деревнѣ, и по прежнему собаки ея брата залаяли: „тетенька, отправившаяся для того, чтобы разбогатѣть, не возвращается-ли на смерть?! вау! вау!“ говорили они.—„Наши собаки взбѣсались и одурѣли“, сказалъ братъ и палкой и отсюда и оттуда принялся колотить ихъ. Собаки же еще сильнѣе лаютъ: „тетенька, отправившаяся разбогатѣть, не возвращается-ли на смерть (собст. мертвой)? вау, вау!“ говорили они, лая.—„Вы говорите, собаки, сказалъ братъ, что тетенька, ушедшая для того, чтобы разбогатѣть, возвращается богатой!“ Тѣмъ временемъ вернулась и дѣвушка. Возвратившись и войдя въ домъ, она открыла черный сундукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ она открыла сундукъ, изнутри его выскочила черная змѣя и, обвившись вокругъ шеи дѣвушки, до смерти задушила ее.

Чего не причиняетъ человѣку зависть?!

Четвертая сазна: كل نازك —Гюль-Назынь.

Берен заманда Гѣл-Назік дігән бік царлы кѣшѣ бар-ыҗы, шайтаннан-да царл’—ыҗы. Баласы чағасы бік күб-іҗі. Бу Гѣл-Назік үзї ішліксіз бік қалқау кѣш’іҗі. Царлылыкка чыдый алмыҗынча өҗөннән чызып качты. Бір тал чыбығыннан бу күп ыәҗә җасады. Чырадан җөнөп, ук җасады-да китті. Бір урманға барып җитті. Анда бір діу-пәрїй өчөрәды. Бу Гѣл-Назік аны күрїп, бік курыкты. Дөр-дөр калтырый башлады. Інді мыннан нічк кетелөрмөн?“ дїп төрҗанда, діу-пәрїй кї-лїп-тә җитті, айтті: „Сін нїй кѣшї? мында нїй ішлән җөрөйсән?“ дїдї. Гѣл-Назік айтті: „Мін аучы, ау ауларға чыктым!“ дїдї. Дїу айтті: „Кулыңда нїй нәрсә?“ дїдї. Гѣл-Назік айтті: „Ук-білән җәҗәм!“ дїдї, „дїүләрни атып, үтїрїргә чыктым!“ дїдї.

Мыны ишткәч, диу курыкты; куркұныннан пичән кибәни-кјбјк булып, кабарды; ыңгыра башлады, Гөл-Нәзјккә айттј: „Айда дус, миңа кунак бул! сјнј сыйлап қибәрјјім!“ дјдј. Мыны ишткәч, Гөл-Нәзјк тағу бјгјрәк курыкты. Диу-бјлән барырға-да курка калырға-да курка. Алай-да диугә јјәрјп кјттј. Диу-нјң әжәнә барып қјттјләр. Ул арада кјч булды. Бу дәй Гөл-Нәзјкнј ашатты, јчјрттј, бјк сыйлады. Гөл-Нәзјккә урын қә-јп бјрдјләр, Гөл-Нәзјк қатты, бјр-дә күзјнә үкө кјрмәдј. Алай-да нјй булыр-икән?“ дјц, үкөлаған булып қата. Ул ара-да диу катынына айттј: „Јй катын, башыбызға бјр бәлә өч-өрады! мыннан нјчкә көтөлмәк кјрәк?“ дјп, бјк кұп уйлап төрдөләр. Катыны айттј: „Бу кјшј үкөлағач, өстәнә таш кјр-тјп салыжык! таш басып үтјрјр-дә таң аткач чығарып таш-ларбыз!“ дјдј. Гөл-Нәзјк үкөлаған булып, бу сүзләрнј тыңнап қатты. Аннан-сүң төннө төрөп, диу катыны-бјлән тышка чы-ғуып кјттј, таш алырға. Ул арада Гөл-Нәзјк урыннан төрөп, үзј урына утын ағачлары куйды-да өстәнә тун қабып куй-ды, кјшј қатқан-кјбјк ітјп, үзј мјч арасына качты. Ташны күтәрјп кјрдјләр-дә кјгјрјп салдылар. Тун астындағы утын ағачлары шатырдап уалды. Қанә бјр-үк төрәғач, ул ташны чығарып, ташладылар. Алар чығуып-кјткәч, бұ Гөл-Нәзјк тун астына кјрјп, қанә қатты. Былар әйгә кјрдјләр. Былар кјр-гәч, Гөл-Нәзјк үкөдан уянған-кјбјк булып кјјрјлдј, сузылды-да айттј: „Ай хай, диу дус, әжә бјк тынычсыз икән! түшәм-нән өстәмә әллә бјт, әллә таракан төштө! қат кјшј булсағыз, әжәгәнә кәја кујар-ыжым, үзјгјзнј кәја кујар-ыжым! әлј-дә дус-лык хақы бар!“ дјдј. Мыны иштјп, диу тағу бјгјрәк шөрләды, бу Гөл-Нәзјктән ажырылып калырға-да курыкты, айттј: „Айда, Гөл-Нәзјк дус, мјн сјнј әжәңә-чаклы өзәтып кујыжым!“ дјдј. Гөл-Нәзјк „қарар!“ дјп, бјргә чығуып-кјттјләр. Гөл-Нәзјкнјң әжәнә барып қјттјләр. Гөл-Нәзјк айттј: „Диу дус, сјн мында төрөп-төр, мјн әйгә кјрјп айтјјім, катыным әйнө азырак қы-жыштырсын!“ дјп, әжәнә кјрдј, диу ишкә төбөндә калды. Гөл-Нәзјк айттј катынына: „Бјр кунак алып-кјлдјм! мјн сјннән сөрәрмын: кунакка ашарға кјтјр дјп, сјн миңа өч айткјнчә,

цауап бирмә, тик төр! мин өч тапкыр айткәч, сін айт миңа: кунак алдына китјрјргә бјр нәрсәбјз-дә цук-ла баса дјгјн! мин айтјрмјн: кичәгј дјүнјң башын, өчөнчө көнгө дјүнјң төшөн китјр дјп айтјрмјн!“ дјп, катынын өйрәлјп-кұйды-дә дјүнј өйгә алып кјрдј, дјүнј утыртты, катынына айттј: „Каја кунакканыј бар ашарға?“ дјдј. Өч тапкыр айткјнчә, катыны тик төрдө. Өч айткәч, катыны айттј: „Кунакка төгөл, үзјбјзгә цук ашарға! ниңә көннән-бирлј балабыз чағабыз-бјлән ач төрабыз!“ дјдј. Гөл-Нәзјк айттј: „Ник булмаска? бар-ла баса: кичәгј дјүнјң башын, өчөнчө көнгө дјүнјң төшөн китјр!“ дјдј. Дјү-пәрјй мыны јшткәч, өй пөчмаңын кјтәрјп, чызып качты; качып-барғанда, дјүгә бјр төлкө өчөрады. Дјү сулү кабып, мышкылдап бара. Төлкө айттј дјүгә: „Нјй хал, дјү дус? каја бардың?“ дјдј. Дјү айттј: „Тукта, тукта, сө йләштјрмә, харап була җаздым!“ дјдј. Төлкө айттј: „Ник? ник? бу ний булды сңа?“ дјдј. Дјү „мына шулай-шулай јш булды!“ дјп, төлкөгә сөйләгәннән-сүң төлкө айттј: „Јй дјү дус, сін аннан цукка куркасын: ул Гөл-Нәзјк бие цұаш кјшј: аның кулыннан бјр нәрсә-дә килмјй, мин кичә аның ун таузын ашап киттјм! айдә, барып, тағы да таукларын ашыжык!“ дјп, кјрј кайтып киттј Гөл-Нәзјк өјөнә-таба. Гөл-Нәзјк мыны јштјп-төрдө-дә кычкырды төлкөгә: „Айдә, айдә, төлкө дус, кил тизјрәк! хәјјр җалғанчы-икәнсјн: икј дјү китјрмәкчј булып, кичә ун таузымны ашап киткән-јјң, әлј бјргјнә дјү китјрәсјн-имјш! китјр, китјр тизјрәк: бу көнгә бјрјсј-дә җитјп-төрөр, бјрјсјн тағы-дә іртә китјрјрсјн!“ дјдј. Дјү мыны јшткәч айттј төлкөгә: „Јй төлкө дус, ышанғаным сін-јјң, сін минј сатарға алып-барасын имјш!“ дјп, төлкөнөң көйрөгөннән төттө-дә кјтәрјп җіргә бәрдј. Төлкө бјй-чараның сөжәк санағы гјл булды, җаны чыкты, дјү качып киттј. Гөл-Нәзјк чызып, төлкөнө тунап, тјрјсјн базарға чығарып сатты-дә ікмәв алды, ач тамаңын туйдырды.

بورون زمانده كل نازك ديكان بيك يارلى كشى بار ايدى شيطاندانده
يارلى ايدى بالاسى چاغاسى بيك كوب ايدى بولكل نازك اوزى اشلكسىز

بيك يالقاو كشي ايندى يارلىق غه چداي آلمايچە ايونندان چيغوب
قاچدى بر طال چيغندان بو كوب جيه ياصادي چرادان يونوب اوق
ياصادي ده كيتدى بر اورمان غه باروب يتدى آنده بر ديوپري اوچرادي
بو كل نازك آني كوروب بيك قورقدي در در قالترى باشلادي ايندى
موندان نيچوك فوتولورمن ديب تورغانده ديو پري كيلوب ده يتدى
ايندى سن نى كشي مونده نى اشلاب يورى سن ديدى كل نازك ايندى
من آوچى آو اولار غه چيقدم ديدى ديو ايندى قولونكده نى نرسه ديدى
كل نازك ايندى اوق برلان جيمم ديدى ديولارنى آتوب اونوروركا چيقدم
ديدى موني ايشنكاج ديو قورقدي قورقوندان پچان كيباني كبك بولوب
قاباردى انكغراشا باشلادي كل نازككا ايندى ايده دوست منكا قوناق بول
سنى صيلاب يباريم ديدى موني ايشنكاج كل نازك ناغى بيكراك قورقدي
ديو برلان بارور غه ده قورقا قالور غه ده قورقا آلايده ديوكا اياروب كيتدى
ديونك ايوينه باروب بئديلر اول آرا ده كچ بولدى بو ديو كل نازك نى
آشاندى اچرندى بيك صيلادي كل نازككا اورون جايوب بيردى لر كل
نازك ياندى برده كوزينه يوقو كرمادي آلايده نى بولور ايكان ديب
يوقلاغان بولوب يانا اول آرا ده ديو خاتوننه ايندى اى خاتون باشمزه
بربلا اوچرادي موندان نيچوك فوتولماق كراك ديب بيك كوب اويلاپ
نوردى لار خاتونى ايندى بو كشي يوقلاغاچ اوستنه ناش كرتوب صالحق
ناش باصوب اوتورورده تانك آتغاچ چيقاروب ناشلار بيز ديدى كل نازك
يوقلاغان بولوب بوسوزلارنى طنكلاپ ياندى آندان صونك تونله توروب
ديو خاتونى برلان طشفه چيغوب كيتدى ناش آلور غه اول آرا ده كل نازك
اورنوندان توروب اوزى اورنينه اوتون آغاچلارى قويدى ده اوستنه
طون يابوب قويدى كشي يانتقان كبك ايتوب اوزى ميچ آراسنه قاچدى
ناش نى كوناروب كرديلارده كيتروب صالحدى لار طون آستونداغى اوطون
آغاچلارى شانورداب والدى ينه بر اوق تورغاچ اول ناش نى چيغاروب

ناشلا دی لار آلا ر چیغوب کینکاج بو کل نازک طون آسنه کرو بینه
یاندی بولار ایوکا کردی لار بولار کرکاج کل نازک یوقودان اویانغان کبک
بولوب کیرولدی صورولدی ده آی های دیبودوست ایونک بیک طنج سز
ایکان نوشام دان اوسنومه اله بت اله تاراقان توشدی یات کشی بولسه نکز
ایونک زنی قایا قویار ایدم اوزنک زنی قایا قویار ایدم اله دوست لـق
حقی بار دیدی مونی ایشتوب دیونتاغی بیکراک شورلادی بوکل نازک دان
آیرولوب قالورغه ده قورقدی ایتدی ایده کل نازک دوست من سنی
ایونکا چاقلی اوزاتوب قوییم دیدی کل نازک یارار دیب برکا چیغوب
کیتدی لار کل نازکنک ایوینه باروب یتدی لار کل نازک ایتدی دیو
دوست سن مونده توروب تور من ایوکا کرو ب ایتیم خاتونم ایونی
آزراق جیوشدرسون دیب ایوینه کردی دیو ایشک توبنده قالدی کل
نازک ایتدی خاتوننه بر قوناق آلوب کیلدم من سن دان صورار من
قوناق غه آشارغه کیتور دیب سن منکا اوج ایتکونچه جواب بیرمه تیک
تور من اوج تابفور ایتکاج سن ایت منکا قوناق آلدینه کیتورورکا بر
نرسمزده یوقلاباسا دیکن من ایتور من کیچه کی دیوننک باشین اوچونچی
کونکی دیوننک توشین کیتور دیب ایتور من دیب خاتونین اویراتوب
قویدی ده دیونی ایوکا آلوب کردی دیونی اوتورندی خاتوننه ایتدی
قایا قوناق غه نی بار آشارغه دیدی اوج تابفور ایتکونچه خاتونی تیک
توردی اوج ایتکاج خاتونی ایتدی قوناقه توکل اوزمسزکا یوق آشارغه
نیچه کوندان بیرلی بالابز چاغابز برلان آج تورابز دیدی کل نازک ایتدی
نیک بولماسقه بارلا باصا کیچه کی دیوننک باشین اوچونچی کونکی دیوننک
توشین کیتور دیدی دیو پری مونی ایشکاج ایو پوچماغین کوناروب
چیغوب قچدی قچوب بارغانده دیوکا بر تولکی اوچرادی دیو صولوقابوب
مشققات بار اتولکی ایتدی دیوکا نی حال دیو دوست قایا بار دنک دیدی
دیو ایتدی توقتا توقتا سویلاشدرمه خراب بولایازدم دیدی تولکی ایتدی

نيك نيك بونی بولدی سنکا دیدی دیومونا شولای شولای اش بولدی دیب
 تولکی کا سویلا کاندان صونک تولکی ایندی ای دیو دوست سن آندان
 بوقه قورقاسن اول کل نازک بیک یواش کشی آنک قولوندان بر
 نرسده کیلمای من کیچه آنک اون تاوغین آشاب کیندم ایده باروب
 ناغی ده تاوقلارین آشیق دیب کیری فایتوب کیندی کل نازک ایوبینه تابا کل
 نازک مونی ایشتوب توردی ده قچقدی تولکی کا ایده ایده تولکی دوست
 کیل تیزراک خیر یالغانچی ایکان سن ایکی دیو کینورماکچی بولوب کیچه
 اون تاوغمنی آشاب کینکان ایدنک آلی برکنه دیو کینوراسن ایمش کینور
 کینور تیزراک بو کون کا برسی ده یتوب تورور برس ناغی ده ایرته
 کینورورسن دیدی دیومونی ایشتکاج ایندی تولکی کا ای تولکی دوست
 اشانغانم سن ایدنک سن منی صانارغه آلوب باراسن ایمش دیب تولکی ننگ
 فویروغندان توندی ده کوتاروب برکا بردی تولکی بیچاره ننگ سویاک
 صاناغی کل بولدی جانی چیقدی دیو قاچوب کیندی کل نازک چیغوب
 تولکی نی نوناب تیریسن بازارغه چیغاروب صاندی ده ایکماک آلدی آج
 ناماغین تویدردی .

Въ прежнее время жилъ одинъ очень бѣдный человекъ,
 по имени Гюль-Назыкъ ¹⁾. Онъ былъ бѣднѣе самого чорта,
 а дѣтей у него было много. Самъ Гюль-Назыкъ былъ бездѣль-
 никъ и очень лѣнивый человекъ. Онъ не могъ переносить
 своей бѣдности и, выйдя изъ дому, убѣжалъ. Согнувъ тальни-
 ковый пруть, онъ сдѣлалъ лукъ, а настрогавъ лучинъ, онъ
 надѣлалъ и стрѣлъ и ушелъ. Зашелъ онъ въ одинъ лѣсъ, и
 тамъ ему встрѣтился дивъ-перя ²⁾. Гюль-Назыкъ очень испу-
 гался, увидавъ его: „брр“—задрожалъ онъ. „Какъ теперь мнѣ
 спастись отъ него?“ сказалъ онъ. Пока онъ стоялъ, размыш-

¹⁾ Слово персидское—Нѣжная Роза.

²⁾ Нечистый духъ (съ персидск.),—см. ниже.

ляя объ этомъ, дивъ-пери подошелъ къ нему.—„Скажи мнѣ, спросилъ онъ, что ты за человѣкъ и по какому дѣлу ты здѣсь ходишь?“ Гюль-Назыкъ отвѣтилъ: „я охотникъ и вышелъ поохотиться на дичь“.—„А что у тебя въ рукѣ?“ спросилъ дивъ. Гюль-Назыкъ отвѣтилъ: „стрѣла съ лукомъ; я вышелъ, прибавилъ онъ, чтобы стрѣлять и убивать дивовъ“. Услышавъ это, дивъ испугался, отъ страха вздулся подобно стогу сѣна и сталъ визжать.—„Ну, сказалъ онъ Гюль-Назыку, будь мнѣ другомъ и гостемъ! Я угощу и отпущу тебя!“ Услышавъ это, Гюль-Назыкъ испугался еще больше: онъ боится и съ дивомъ идти, боится и оставаться, но все-таки онъ пошелъ вслѣдъ за дивомъ. Они пришли въ домъ дива. Тѣмъ временемъ наступилъ вечеръ. Дивъ этотъ хорошо угостилъ Гюль-Назыка и приготовилъ ему постель. Гюль-Назыкъ легъ, но не спитъ, однако, онъ лежитъ, какъ-будто заснувъ, думая, что-то будетъ. Дивъ между тѣмъ сказалъ своей женѣ:—„ну, жена! на нашу голову пришла бѣда; надо какъ нибудь спастись отъ нея!“ И они размышляли очень долго. Жена его сказала: „когда этотъ человѣкъ уснетъ, мы принесемъ камень и положимъ на него; камень раздавитъ и убьетъ его, а когда разсвѣтаетъ, мы выбросимъ“. Гюль-Назыкъ, слыша это, лежитъ, какъ-будто спитъ, но прислушивается къ этимъ словамъ. Послѣ того какъ настала ночь, дивъ съ женой вышли изъ дома за камнемъ, а тѣмъ временемъ Гюль-Назыкъ всталъ съ постели, положилъ на нее полѣнья, а сверху покрылъ шубой, сдѣлавъ все такъ, какъ будто-бы лежалъ человѣкъ; самъ же сталъ за печкой. Тѣ подняли камень, вошли, внесли его и положили; полѣнья, находившіяся подъ шубою, затрещали и искрошились, а они затѣмъ тотчасъ-же снова вынесли и выбросили этотъ камень. Когда они вышли, Гюль-Назыкъ снова легъ подъ шубу, а тѣ опять вошли въ домъ. Когда они вошли, Гюль-Назыкъ какъ будто-бы проснулся, изогнулся, потянулся и сказалъ: „ай, ай, дивъ-другъ! твой домъ очень безпокоенъ: сверху съ потолка, на меня что-то упало: либо вошь, либо тараканъ. Если-бы вы были чужимъ человѣкомъ, я-бы куда

дѣлъ и домъ вашъ и васъ самихъ! Но теперь есть долгъ дружбы“. Такъ онъ сказалъ. Дивъ, услышавъ это, еще сильнѣе задрожалъ и со страхомъ думалъ, какъ-бы развязаться съ Гюль-Назывомъ. Онъ сказалъ: „ну, другъ Гюль-Назыкъ, я тебя провожу до дому“.— „Ладно“, отвѣчалъ Гюль-Назыкъ, и они вмѣстѣ вышли и дошли до дома Гюль-Назыка. Гюль-Назыкъ сказалъ: „дивъ другъ, ты постой, подожди здѣсь: я схожу и скажу женѣ, чтобы она привела немного въ порядокъ домъ для гостя“. Гюль-Назыкъ вошелъ въ домъ, а дивъ остался у дверей. Гюль-Назыкъ пошелъ къ женѣ и сказалъ: „я привелъ къ тебѣ гостя. Когда я спрошу у тебя принести поѣсть гостю, то ты стой и молчи; не давай отвѣта, пока я не спрошу до трехъ разъ. Когда же я скажу въ третій разъ, то ты мнѣ скажи: у насъ нечего принести для гостя. Тогда я скажу тебѣ принести голову вчерашняго дива и грудь третьягодняшняго“. Онъ ввелъ дива въ домъ, посадилъ и сказалъ женѣ: „нѣтъ ли гдѣ чего-нибудь поѣсть гостю?“ И пока онъ спрашивалъ ее до трехъ разъ, жена его молчала; когда же онъ въ третій разъ спросилъ, жена сказала:— „нѣтъ ничего для гостя: самимъ нѣчего ѣсть уже нѣсколько дней, и дѣти наши сидятъ голодными“. Гюль-Назыкъ сказалъ: „почему бы не быть? Конечно, есть! Принеси-ка голову вчерашняго дива и грудь третьягодняшняго“. Услыхавъ это, дивъ поднялъ уголь дома и убѣжалъ.

Когда дивъ шелъ, ему встрѣтилась лисица, а дивъ идетъ, жуя во рту овесъ. Лисица говоритъ диву: „какъ дѣла, другъ дивъ? Куда ты ходилъ?“— „Стой, стой, лисица, сказалъ дивъ, не говори,—меня едва было не погубили!“— „Какъ, какъ? спросила лисица, что случилось съ тобой?“ Когда дивъ рассказалъ лисицѣ, что дѣло было такъ и такъ, лисица сказала:— „ахъ, другъ дивъ! ты его не бойся: Гюль-Назыкъ очень смиренный человѣкъ; онъ ничего не сдѣлаетъ. Я вчера у него съѣла десять курицъ. Ну, пойдемъ опять,—будемъ ѣсть его куръ!“ Они воротились къ дому Гюль-Назыка. Гюль-Назыкъ же услышалъ это и закричалъ лисицѣ: „ну-же, дружокъ лисица,

иди скорѣе! Ты, оказывается, обманщица: ты должна, вѣдь, привести двухъ дивовъ; за это вчера и съѣла десять куриць и ушла, а привела только одного дива; иди, иди скорѣе! На этотъ день и одного будетъ, а другого приведешь утромъ“. Услыхавъ это, дивъ сказалъ лисицѣ: „ну, лисица! я надѣялся, что ты мнѣ другъ, а ты повела меня продавать!“ схватилъ лисицу за хвостъ и ударилъ объ землю. Кости и суставы бѣдняжки лисицы превратились въ прахъ, и она испустила духъ. Дивъ убѣжалъ. Гюль-Назыкъ же вышелъ, содралъ шкуру и, выйдя на базаръ, продалъ ее. Онъ купилъ хлѣба и насытилъ голодный желудокъ.

Сказка пятая: **بابريك**—Байдынъ.

Күптән төгөл Түбән-Шырданда Байдик дигән кижі бары. Бір кен байтак кижиләр-билән уулға чыктылар. Баратергач, бір идигә җиттиләр. Иптәшләри-билән бір байның бөдай төжәгән кимәсін җырак калаға итмәкчү булып, бөдай төжәгән кимә-билән киттиләр. Баратергач, Байдиккә аурӯ тижип, сү җакасына чыгарып, ташладылар. Байдик мјскјн җылы, җылы җатканда, Байдикнј катына икј карак килди: „Син мында нјшлән җатасын?“ дп, Байдикнј бик куркыттылар, „айдә бјзгә җулдаш бул!“ дп, кәчлән алып киттиләр. Баратергач, кич булды. Бір аулға җиттиләр. Бір байның кјлатјн басмакчы булып, кјлат түбәсјн ачтылар. Байдикнј аркан-билән байлән, кјлаткә төшөрөп-җибәрдиләр. Байдик кјлаттә нјй нәрсә тапса барысын бирјп бјтирдј; бјтиргач, үзјн байлән, иптәшләринә кычырды „тартыгыз!“ дп. Иптәшләри тартып чыгарганда Байдик икәннј билгач, арканны кјсјп-җибәрдиләр-дә үзләри киттиләр. Байдик кјлаттә калды. Байдик мјскјн нјшләргә бјлмјјнчә алтырап тергәнда, бір кимәктә бөрчак өнө бар-икән, аны тапты. Бөрчак өнөн төкөрөк-билән төкөрә төкөрә үҗишлән, өч җөмәрлак җасады-да ишкә җаңагына сөжәлјп, саклап төрдө. Кен җактыргач, бір катын кјлаткә килп, ишкнј ачканда, икј җөмәрлак өннө катынның икј күзјнә атып, үзј кјлаттән чыгып качты.

Катын күзүн төтөп, ылыи калды. Байдик шул китүдән киттү. Бир аулда барып үиттү. Бир өйгө кјрдү, саләм бирдү. Өйдө бары бир аурү катын бар-ыжы. Ул катын Байдиккә айттү: „цакшы киләсүн, туганым! синуң карнын ачкандыр, мына аша!“ дүп, Байдик алдына ак битү пирәмәч китүрдү. Байдик ашап туйды. Аннан-суң катын айттү: „Мин бала табарга кыстылып цатамын! күршү аулда минү анам бардыр! шул анамны алып кил-сәнә, туганым!“ дүп, үибәрдү. Байдик шул аулда барды, „әйдә, әбүй, кызың чакырды сину!“ дүп, катынның анасын алып чыкты. Цәжәү килә килә, карчык аршды. Байдик күтәрүп, килә башлады. Байдик-гә бара-төрүгач арыды; арыгач, „әбүй, индү азырак цал итүјүм!“ дүп, карчыкны бјр тугәк өстөнә утырткан-ыжы, көжөга тап килүп, әбүй көжөга төштө киттү. „Индү тугү катынға ний итүргә кирәк?“ дүп, Байдик цул бујынча исәп итүп кайтты. Кайтып үиткәч, айттү катынға: „Цук, ул әбүй килмәдү, мин сину танымыймын!“ дүп, миңа ышпанмады, „Бар, чынныкка кызымның бјр нәрсәсүн алып-кил!“ дүп, минү кайтарып үибәрдү!“ дүдү. Алай дигәч, бу катын алтын көмөш таңкалән цасаған хаситәсүн бирдү, „мына минү хаситәмни итүп күрсәтсәнү, килүр!“ дүп, Байдикнү цаңадан үибәрдү. Байдик хаситәнү алып, үз цулына киттү, катын әлү булса көтөп-төра. Аннан-суң Байдик байтак үир киткәч, кич булды, бјр аулда үиттү. Төннө бјр өйдө ут цактысын күрүп, көймаға минүп, атланды. Ишү алдында караулчылары бар-ыжы, „карак килдү!“ дүп, Байдикнү бөтөннән төтөп, көймадан тартып, төшөрдөләр, Байдикнү кыйнадылар; кыйнадылар-да бјр мичкәгә салып, мичкәннү аузын кадаклап, бјр тирән чөкөрүгә итүп ташладылар. Бјјүк тау башынан мичкәнү тугәрәтүп үибәрдүләр. Байдик мичкүн мичкә ичүндә тугәрәп бара бара, мјјү төнөп, бјр аз цан тарткәч, кјсәсүннән пәкјсүн чыгарып, мичкәнү пәкү-бүлән уја уја, кул сыярлык тшүк цасады. Аннан-суң тыңнап караса, әјүлар, бүрүләр мичкә тирәсүндә исәп үөрөйләр. Мичкә тирәсүндә әйләнүп үөрөй торгач, бјр бүрүннү көйрөжө мичкә ичүнә кјрдү. Байдик бүрүннү көйрөжөн кулы-бүлән чырнап төт төдә „ix“! дүп, кычкырды. Бүрү шул куркүдан мичкәнү көйрөжө-бүлән сөрәп чабып киттү. Чабып бара-төрүгач, мичкә бјр

түңгәккә йләгип, миçкә таркалып-киттј, бүрјнјң-дә көйрөзө шарт итјп өзөлдө. Бүрј качты, Байдјк көтөлдө. Байдјк күзјн ачып караса, үзјн бјр урман јчјндә күрдј, төннө караңзы, әлј таң атканы цук. Байдјк бүрј таушларын јштјп, „былар минј мында бјтјрәләр!“ дјп, куркып, бјр зур имән башына мјндј. „Мында таң аткынча утырыјым!“ дјп төрзәнда, имән-цјң јчј кұыш-икән, төштө, киттј, кұышның төбөнә циттј, ажа-зына цөмшәк тјйдј. Кабалап караса бал имән төбөндә туц-тулы. Балны туйзынча ашады. Таң атты, көн булды. „Индј мыннан нјчје чыбармын?“ дјп, исәп итјп төрзәнда, цуғары-та-ба башын күтәрјп караса бјр ажү арты-бјлән имән јчјнә тө-шөп килә, кјшј барын сизмјй Төшөп цитәрәк, Байдјк ажүның арт бөтөн бјк нык төтөп, ачы тауш-бјлән кыч-кырды. Шул куркүдан ажү имән јчјнән үрмәләп, имән башына барып циттј. Байдјк-тә ажү бөтөнә цабышып, имән түбәсјнә чыкты. Ажү имән түбәсјнән үз бујын үзј атты-да үлдј, Байдјк имән түбәсјндә калды. Акырыннап имән тү-бәсјнән төштө, ажүны тунады-да тјрјсјн күтәрјп киттј. Бара-төрзәч, бјр цулзә чыкты, күрдј: цулда байтак кјшјләр килә. „Сјз кай цаклар?“ дјп, сөрәшканнан-суң аларзә ажү тјрјсјн бјрјп, үз аулына-чаклы утырып кайтты. Цаз көнө киткән-јјј, көз көнө кар цауа башлағач кайтты. Бу Байдјк дус иш бј-лән күрјшкәннән-суң, „ индј бјр бәйрәм цасыјым-чы!“ дјп, кұп ашлар әзјрәлдј. Бајазы катынның хаситәсјнән нјй чаклы алтын көмөш чыкты. Цанә ивјнч’аулда Байдјкнјң анасы бар-ыјы, аны алырзә киттј. Ул көн цаңа-зына кар цауған-ыјы, утын чанасы цјгјп киттј. Аның анасы бјк карчык кјш’-јјј, анасына бјк зур тун кјјјртјп, чанасына утыртты. Ул тунның итәкләрј чананың цак цазыннан цјчән-кјбк сөрәлјп кайтты. Бјләсјз, утын чанасы шулай була. Бу Байдјк барған аулда ул көннө цјчән цујалған-икән. Мына Байдјкнјң артыннан-ук басып килдјләр төннө-бјлән. „Мына цјчән чанасы мында кјр-гән!“ дјп, Байдјкнј төттөләр. Байдјк бајазы алтын тәңкәләр-нј бјрјп, көтөлөп-калды. „Ах, бу тун миңа зыјан кјтјрдј!“ дјп, ул тунны утка атты. Ул тјрј тун булса кјрәк. Утта ца-нып, дунзүз бөрнө-кјбк булып бөрөштө-дә Байдјк аны цигән

башына чыңарып, ілді. Цанә бір аулда ул көн дуңғыз ужал-
дан-икән. Төннө киліп, чітән башынан дуңғыз бөрнө-күбүк
нәрсә таптылар. „Мына бу дуңғыз башы-дыр!“ дiп, Байдiкнi
төгөп, бәйләдiләр. Байдiкә цанә бајағыз хаситә дән сүтjб-алған
алтын тәңкәләрнi барысын бiрjп мiң бәлә-бjлән көчкә көтөлөп-
калды. Байдiкә мiскiн цуклыкка чыдай алмijынча, бајағыз ка-
тынның хаситәсiн урлап, кайткан-ыжы; барысын әрәм-тәрәм
iтjп бjтjрдj.

Шуның-өчөн әйткәнвәр: „Ырыкныкы шырыкка“ дiп, ам †
дөрөс: ырыкныкы шырыкка кiттj.

كوبدان نوكل توبان شردانده بايدك ديسكان كشي بار ايدى بر كون
بايتاق كيشى لر برلان يولغه چىقدىلار بارا تورغاچ بر ايدىل كىندى لر
ايداش لرى برلان بر بايننك بوغداى توبىكان كيمه سين يراق فالاغه
ايلتماكچى بولوب بوغداى توبىكان كيمه برلان كيندىلار بارا تورغاچ
بايدىك كا آورو تيوب صو ياقاسنه چىغاروب تاشلادىلار بايدىك مسكين
جىلاى جىلاى ياتقاندە بايدىك ننىك قاتنە ايكى قاراتى كىلدى سن موندە
نىشلاب ياتاسن دىب بايدىكى بىك قورقوتدىلار ايدە بىزكا يولداش
بول دىب كوچلاب آلوب كيندىلر بارا تورغاچ كىچ بولدى بر اولغه
يندىلر بر بايننك كلاتين باسماقچى بولوب كلات توبەسەن آچدىلار
بايدىكى آرقان بىلان بىتلاب كلانكا توشروب يباردىلر بايدىك كلانده نى
نرسە تابسە بارىسەن بىروب بىنوردى بىنوركاچ اوزىن بىلاب ايداشلرىنە
تچىقدى نارتونكز دىب ايداشلرى نارتوب چىغارغاندە بايدىك ايكانىن
بىلكاچ آرقاننى كىسوب يباردىلدە اوزلرى كيندىلر بايدىك كلانده
فالىدە بايدىك مسكين نىشلاركا بىلماينچە آبدوراب تورغاندە بر كىسە كدە
بورچاق اونى بار ايسكان آنى تابدى بورچاق اونون توكروك برلان
توكوره توكوره يووشلاب اوچ بومارلاق ياصادىدە ايشىك يانكاغنه سوبالوب

صافلاب توردي كون ياقنورغاچ بر خانون كلات كا كيلوب ايشكنى آچقاندە
ايكى يومارلاق اونى خانوننك ايكى كوزينه اتوب اوزى كلاندان
چيغوب قاجدى خانون كوزين توتوب جلاى قالدى بايدك شول كيتودان
كىندى بر اولغه باروب يندى بر ابوكا كردى سلام بيردى ابوده بارى
بر آورو خانون بار ايدى اول خانون بايدك كا ايندى يخشى كيلاسين
توغانم سننك فارننك آچقاندور مونا آشاديب بايدك آلدينه آق بيتلى
پرمچ كيتوردى بايدك آشاب تويدى آندان صونك خانون ايندى من
بالا نابارغه قستالوب ياتامن كورشى اولده منم آنام باردى شول آنامنى
آلوب كيل سنه توغانم ديب يباردى بايدك شول اولمه باردى ايدە ابى
قزنك چاقردى سنى ديب خانوننك آناسين آاوب چيغدى جياوكيله كيله
فارچق آردى بايدك كوناروب كيله باشلادى بايدكده بارا تورغاچ آردى
آرغاچ ابى ايندى آزواق جال ايتيم ديب فارچقى بر تونكاك اوستنه
اوتورتقان ايدى قيوغه تاب كيلوب آبي قيوغه توشدى كبتدى ايندى
تيكى خانونغه نى ايتوركا كراك ديب بايدك يول بويىچە ايساب ايتوب
قايندى قايتوب يتكاج ايندى خانونغه يوق اول آبي كيلمادى من سنى
تانيماى من ديب منكا اشانمادى بارچنلق قە قزم ننگ بر نرسه سين آلوب
كيل ديب منى قايتاروب يباردى ديدى آلاى ديكاج بو خانون آلتون
كموش تنكه دان باصاغان خسيته سن بيردى مونا منم خسيته منى ايلتوب
كورساتسانك كيلوردى بايدكى يانكادان يباردى بايدك خسيته نى آلوب
اوز يولينه كيتدى خانون الى بولسه كوتوب تورا آندان صونك بايدك
بايناق ير كينكاج كچچ بولدى بر اولغه يندى تونله بر ابوده اوت كوروب
قويماغه منوب آطلاندى ايشك آلدنده فاراولچى لرى بار ايدى قارات
كيلدى ديب بايدكى نى بو طوندان توتوب قويما دان تارتوب توشردى لر
بايدكى قينادى لار قينادى لارده بر ميچكا كا سالوب ميچكاننك اوزين
قاداقلاب بر تيران چوقرغه ايلتوب ناشلادى لار بيوك طاو باشندان

مېچکانی نكارا توب بياردى لار بايدك مسكين مېچكا ايچنده نكاراب بارا بارا
مىي نونوب بر آز جان نارتقاج كسه سندان پكى سين چيفاروب مېچكانى
پكى برلان اويا اويا قول صيارلر نيشوك ياصادى آندان صونك طنكلاب
فارسه آيولر بوري لر مېچكا تيكرا سنده ايسناب يوري لر مېچكا تيكرا سنده
ايلانوب يوري نورغاچ بر بوري ننگ قويروغى مېچكا ايچنه كردي بايدك
بوري ننگ قويروغين قولى برلان چرناب توندى ده ايخ ديب فچقردى
بوري شول قورقودان مېچكانى قويروغى برلان سوراب چابوب كيندى
چابوب بارا نورغاچ مېچكا بر تونكاككا لاکوب مېچكا نارقالوب كيندى
بوري ننگ ده قويروغى شارت ايتوب اوزولدى بوري فاجدى بايدك
قوتولدى بايدك كوزين آچوب فارسه اوزين بر اورمان ايچنده كوردى
تونله قارانغى آلى تانك آتقانى يوق بايدك بوري تاوشلارين ايشتوب
بولرهنى مونده بتورالر ديب قورقوب بر ضرور ايمن باشنه مندى مونه
نانك آتقونجه اوتوريم ديب تورغانه ايمن ننگ ايچى قوش ايكان توشدى
كيندى قوش ننگ تويينه يتدى آياغنه يومشاق يتدى قابالاب فارسه
بال ايمن توبنده توب تولو بالنى تويغونجه آشادى تانك آندى كون
بولدى ايندى موندان نيچوك چيغارمن ديب ايساب ايتوب تورغانده
يوقارى تابا باشين كوتاروب فارسه بر آيو آرطى برلان ايمن ايچنه
توشوب كيله كشى بارون سيزمى توشوب يته راک بايدك آيونتك آرط
بو طون بيلك نف نونوب آچى تاوش برلن فچقردى شول قورقودان آيو
ايمن ايچندان اورمالاب ايمن باشنه باروب يتدى بايدك ده آيو بوطنه
ياپشوب ايمن توبه سنه چيقدى آيو ايمن توباسندان اوز بويون اوزى
آندى ده اولدى بايدك ايمن توبه سنه قالدى آقرونلاب ايمن توبه سندان
توشدى آيونى طونادى ده تيريسين كوتاروب كيندى بارا نورغاچ بر
بولغه چيقدى كوردى يولده بايتاق كشى لر كيله سز قاي ياقلار ديب
صوراشقاندان صونك آلازغه آيو تيريسين اوز اولغه چاقلى اوتوروب

قايىدى باز كوني كينكان ايدى كوز كوني فار ياوا باشلاغاچ قايىدى بو بايدىك دوست ايشى برلن كورشكاندان صونىك ايندى بريرام ياصيمچى ديبى كوپ آشلاز حاضرلادى باياغى خاتون ننىك خسىته سندان نى چاقلى آلتون كەموش چىقىدى يىنه ايكنچى اولده بايدىكننىك آناسى بار ايدى آنى آلورغه كىتىدى اول كون يانكاغنه فار ياوغان ايدى اوتون چاناسى جىكوب كىتىدى آنىك آناسى بىك قارچى كشى ايدى آناسه بىك طور طون كىرتوب چاناسه اوتورتدى اول طوننىك ايناكلارى چاناننىك ياق ياغندان پچان كىك سورالوب قايىدى بلەسز اوتون چاناسى شولاى بولا بو بايدىك بارغان اولده اول كوننى پچان جوبالغان ايكان مونا بايدىكننىك آرتندان اوق باصوب كىلدى لر تننو برلن مونا پچان چاناسى مونا كركان ديبى بايدىكنى توتدى لر بايدىك باياغى آلتون تنكه لرنى بيروب قوتولوب قالدى آخ بو طون منكا زيان كىتوردى ديبى اول طوننى اوتقه آتدى اول تىرى طون بولسه كراك اوتده يانوب تونكغز بورنى كىك بولوب بوروشدى ده بايدىك آنى چىتان باشنه چىقاروب آلدى يىنه بر اولده اول كون دونكغز جوبالغان ايكان تننو كىلوب چىتان باشندان دونكز بورنى كىك نرسه تابدى مونا بو دونكغزدر ديبى بايدىكنى توتوب يىلادى لر بايدىك يىنه باياغى خسىته دان سوتوب آلغان آلتون تنكه لرنى بارىسىن بيروب منىك بلا بران كوچكا قوتولوب قالدى بايدىك مسكىن يوقلقفه جدای آلمىنچە باياغى خاتون ننىك خسىته سن اورلاب قايىتقان ايدى بارىسىن ارم نرم ايتوب بتوردى شوننىك اوچون ايتكان لر ارق نىقى شرق قه ديبى هم درست ارق نىقى شرق قه كىتىدى .

Не такъ давно внизъ по рѣкѣ къ Ширдану ¹⁾ жилъ одинъ человекъ-Байдыгъ. Однажды онъ вмѣстѣ съ порядочнымъ количествомъ людей отправился въ путь. Идя и идя,

¹⁾ Селсіе въ Каванской губ. Свіяжск. у.

они дошли до большой рѣки. Вмѣстѣ съ товарищами они взялись доставить въ дальній городъ лодку, нагруженную пшеницей, и вотъ они отправились въ путь съ груженой пшеницею лодкою. Въ то время, какъ они шли да шли, Байдыка постигла болѣзнь, его вытащили и выбросили на берегу рѣки. Когда бѣдный Байдыкъ лежалъ да плакалъ, къ нему полошли два разбойника. „Что ты здѣсь дѣлаешь, лежа?“ спросили они и сильно напугали Байдыка. „Ну, теперь будь нашимъ спутникомъ“, прибавили они и, взявъ его насильно, отправились. Долго они шли. Наступилъ вечеръ; они дошли до одной деревни. Имѣя намѣреніе напасть на клѣтъ одного богача, они разобрали крышу и, привязавъ Байдыка къ веревкѣ, опустили въ клѣтъ. Чтò Байдыкъ ни нашель въ клѣти, онъ все повиномалъ. Когда онъ кончилъ, онъ привязалъ себя и закричалъ товарищамъ: „тяните!“ Но, когда товарищи его вытянули и узнали, что это былъ Байдыкъ, они перерѣзали веревку и спустили его (обратно), а сами ушли. Байдыкъ остался въ клѣти. Бѣдный Байдыкъ стоялъ въ недоумѣніи, не зная, чтò дѣлать. Въ одной кадкѣ была гороховая мука; онъ нашель ее. Изъ этой гороховой муки онъ, смочивъ ее плевками, приготовилъ три колобка и, прислонившись къ притолкѣ двери, сталъ ждать. Когда наступилъ день, и одна женщина, придя въ клѣтъ, отворила дверь, онъ швырнулъ два мучныхъ колобка въ оба глаза женщины, а самъ выскочилъ изъ клѣти и убѣжалъ. Женщина схватилась руками за глаза и заплакала, Байдыкъ же ушелъ, не останавливаясь (собст.: какъ пошелъ, такъ и ушелъ). Онъ отправился въ одну деревню. Пришелъ туда, вошелъ въ одинъ домъ и поздоровался. Въ домѣ была одна больная женщина. Женщина эта сказала Байдыку: „хорошо, что ты пришелъ, мой родной! ты проголодался (собст.: твое брюхо); на, поѣшь вотъ!“ говорила она и положила передъ Байдыкомъ бѣлыя ватрушки. Байдыкъ поѣлъ и утолилъ свой голодь. Послѣ того женщина сказала: „я мучаюсь родами. Въ сосѣдней деревнѣ находится моя мать; приведи ко мнѣ ее, родной мой“. Она отправила его, и Байдыкъ пошелъ въ ту

деревню.— „Ну, бабушка! сказалъ онъ (тамъ), тебя зоветь дочь твоя“, и вышелъ съ матерью той женщины. Шла, шла старуха пѣшкомъ и устала. Байдыкъ поднялъ ее и продолжалъ путь, но и Байдыкъ, идя все пѣшкомъ, усталъ. Когда онъ усталъ, онъ сказалъ: „бабушка! я немного отдохну теперь“, и онъ усадилъ старуху на верхушку пенька. Но тутъ же оказался колодезь, и старуха упала туда. „Что я теперь могу сказать той женщинѣ?“ проговорилъ Байдыкъ и, размышляя объ этомъ дорогой, вернулся къ больной. Возвратившись, онъ сказалъ женщинѣ:— „нѣтъ, та старуха не пошла! Я тебя не знаю, сказала она, и не повѣрила мнѣ: иди, говоритъ, принеси что нибудь въ удостовѣреніе отъ моей дочери,—ступай! и съ этими словами она отослала меня назадъ“. Когда онъ сказалъ это, женщина дала ему нарядъ, сдѣланный изъ золотыхъ и серебрянныхъ денегъ: „вотъ мой знакъ, сказала она: если ты его доставишь и покажешь, то она придетъ“ и она снова отправила Байдыка. Байдыкъ, взявъ нарядъ, отправился своей дорогой, а женщина эта и сейчасъ еще сидитъ да ждетъ.

Послѣ того, какъ Байдыкъ прошелъ уже порядочное разстояніе, наступилъ вечеръ, и онъ уже ночью добрался до одной деревни. Увидѣвъ свѣтъ въ одной избѣ, онъ взобрался на заборъ и усѣлся верхомъ, а передъ дверью, оказывается, были караульщики. „Воръ пришелъ“, сказали они и, схвативъ Байдыка за ноги, стащили его съ забора и принялись колотить да мучить. (Наконецъ), бросивъ его въ бочку, забили гвоздями отверстіе ея и бросили ее въ одинъ глубокой оврагъ: они спустили (туда) бочку, скативъ ее съ вершины высокой горы. Бѣдняжка Байдыкъ крутился, крутился внутри бочки; у него закружилась голова, и онъ едва не испустилъ духъ. Вынувъ изъ своего кошелька перочинный ножикъ, онъ принялся сверлить ножичкомъ бочку и сдѣлалъ отверстіе, такъ что могла пройти рука. Когда онъ сталъ послѣ того прислушиваться, то (оказалось, что) вокругъ бочки ходили медвѣди, волки, обнюхивая ее. И вотъ, въ то время, какъ они вертѣлись во-

вкругъ бочки, расхаживая и останавливаясь, хвостъ одного волка попалъ внутрь бочки. Байдыкъ схватилъ хвостъ этого волка, навилъ на руку и закричалъ— „ихъ!“ Напугавшись этого крика, волкъ помчался и вытащилъ на хвостѣ бочку. Но когда онъ мчался, бочка задѣла за одинъ пенекъ и разбилась въ дребезги, а хвостъ волка съ трескомъ оборвался; волкъ убѣжалъ, и Байдыкъ спасся. Открывъ глаза, Байдыкъ увидѣлъ себя въ лѣсу. Была темная ночь; еще не разсвѣтало. Байдыкъ услыхалъ вой волковъ; „они хотятъ меня привончить“, сказалъ онъ. Онъ испугался и влѣзъ на верхушку одного большого дуба. „Я просижу здѣсь, пока не разсвѣтаетъ“, проговорилъ онъ. Внутри дуба оказалось дупло. Онъ спустился и достигъ до дна дупла. До ноги его коснулось что-то мягкое. Когда онъ ощупалъ, то оказалось, что дно дуба было переполнено медомъ. Онъ поѣлъ до-сыта меду. Наступила заря; насталъ день. „Какъ теперь я вылѣзу отсюда?“ сказалъ онъ. Размышляя такимъ образомъ, онъ поднялъ голову къ верху, поглядѣлъ и замѣтилъ, что внутри дуба спускается задомъ медвѣдь. Не чувствуя, что тутъ есть человѣкъ, медвѣдь сталъ спускаться (ниже) и уже приблизился, какъ Байдыкъ вѣрно ухватился за заднюю ногу медвѣдя и сильно закричалъ. Испугавшись этого, медвѣдь выползъ изнутри дуба и взобрался на верхушку его, и Байдыкъ, схватившійся за ляшку медвѣдя, также взобрался на-верхъ. Медвѣдь бросился съ верхушки дуба и издохъ, а Байдыкъ остался на дубу. Потихоньку онъ спустился съ него, снялъ шкуру съ медвѣдя и пошелъ съ ней (въ дорогу). Долго онъ шелъ; (наконецъ,) выйдя на одну дорогу, увидѣлъ, что къ нему подходили нѣсколько человѣвъ. Когда они спросили его: „откуда идете?“ онъ подарилъ имъ шкуру медвѣдя, а они довели его до своей деревни, когда уже лѣтніе дни прошли, наступили осенніе, и сталъ идти снѣгъ. Когда онъ вернулся, Байдыкъ повидался съ друзьями и товарищами и сказалъ: „справлю-ка я теперь праздникъ“. Онъ приготовилъ много кушанья, и какое громадное количество золота и серебра вышло изъ наряда вышеупомя-

нutoй женщины! Въ другой деревнѣ у Байдыка была мать; онъ пошелъ за ней, а въ этотъ день только что выпалъ снѣгъ. Онъ отправился, запрягши (лошадь въ) дровни. Мать его была очень старая женщина. Давъ ей громадную шубу, онъ усадилъ ее въ сани. Полы шубы тащились по обѣимъ сторонамъ саней подобно стогу сѣна: вы знаете, каковы бываютъ дровни! Оказалось, что въ той деревнѣ, куда отправился Байдыкъ, въ тотъ день пропало сѣно, и вотъ, идя за Байдыкомъ, (хозяйева его) ночью же настигли его. Они схватили Байдыка и сказали: „вотъ куда попали дровни съ сѣномъ!“ Байдыкъ спасся (отъ нихъ, только) роздавъ имъ вышеупомянутыя золотыя деньги. „Ахъ! сказалъ онъ, эта шуба ввела меня въ убытокъ“, и онъ бросилъ ее въ огонь. Это была (вышеупомянутая) шкура. Когда она обгорѣла, она свернулась и стала похожей на носъ свиньи. Байдыкъ вынесъ ее и повѣсилъ на плетень. А въ другой деревнѣ въ тотъ же день (какъ разъ) потерялась свинья. (Владѣльцы ея) пришли сюда ночью и на верхушкѣ плетня нашли что-то похожее на носъ свиньи. „Вотъ, гдѣ голова свиньи!“ сказали они и, схвативъ Байдыка, связали его. И снова онъ едва избавился отъ этихъ тысячъ бѣдъ, роздавъ всѣ золотыя деньги, которыя онъ отпоролъ отъ вышеупомянутаго наряда. Бѣдняжка Байдыкъ вернулся—было, укравши нарядъ той женщины, не будучи въ состоянiи переносить нищету. Все это онъ понапрасну растратилъ.

Вотъ почему говорили: что скоро приобрѣтено, то скоро и уходитъ. И дѣйствительно, скоро приобрѣтенное скоро и ушло.

Шестая сазна: **اوچ اوغل**—3 сына.

Цанă берен заманда бир кѣшнѣнѣ эч улы бар-ыжы. Узѣ бир бай-төгѣл-ижѣ. Бай булмаса-да тѣрлѣлѣгѣ чибѣр иѣ, ич-нарсагѣ аптырамады. Бир тѣрлѣрмѣн ташы бар-ыжы, бир парабаны бар-ыжы, тагы чабата калыбы-бѣлѣн шѣшлѣсѣ бар-ыжы. Узѣнѣ улѣм сархауы тѣйгѣч, балаларын ча-

кырып, айтти: „Индј мин үләмјн! мин үлгәч, җакшы төрөҗөз! мына сјзгә шул җитәр!“ дп, бјр улына тјгјрмән ташы бјрдј, ікјнч’улына парабан бјрдј, өчөнчө улына чабата калыбы-бјлән шөшлө бјрдј. „Мына шулар-бјлән тамакларыҗыны туйдырысыз, ач үләссјз!“ дп айтп, үлдј. Аталары үлгәч, өчөсө өч җакка чыҗып кјттјлар. Бјр улы кјттј, тјгјрмән ташын алып. Аулдан аулҗа өй бөрөнчә җөрөп, җарма тартып, кул көчө-бјлән кызҗанып, үз тамаҗын үзј туйдырды, ачылык кјрмәдј. Ікјнч’ улы кјттј, парабан алып, урманҗа. Бјр урманҗа барып, бјр зур імән башына мјндј-дә парабанын суҗа башлады. Җыҗылды ајулар. Ул ајуларны төтөп, кайсысын сатты, азырак акча җа-сады, ат алды; кайсысын үз’алды. Ају җитәкләп, аулдан аул-җа җөрөп, ају бјттј. Бу улы-да парабан аркасында җакшы тјрпклк кылды, җуклыкны кјрмәдј. Өчөнч’ улы таҗы шөшлө калып кјтәрп, урманҗа кјттј; урманҗа барып, бјр кјл җанында шөшлөсө-бјлән җүкә төшөрдө-дә чабата кјндјрәсј ішә башлады. Кјндјрә ішп төрҗанда, кјлдән бјр сү јјәсј чыкты, „аҗай, нп-шлјйсјн?“ дпдј. Бу кјшј айтти: „Аркан ішәмјн!“ дпдј. Сү јјәсј айтти: „Ул аркан нпгә?“ дпдј. Бу кјшј айтти: „Мына бу кјлнј күккә асмакчы буламын,—күтә сү җук бјр-дә, җаң-җыр җаумый!“ дпдј. Сү јјәсј, айтти: „Аҗай, тукта, төрөп-төр! мпн бабайҗа айтјјм!“ дп, кјлгә төшөп-кјттј. Кјл төбөндә бпк карт сү јјәсј бар-ыҗы, аңар барып, айтти: „Бабай, харап! бјр кјшј „кјлнј күккә асам!“ дп айтә, аркан ішә!“ дпдј. Ба-басы айтти: „Адам-дјр ул! бар, улым, кјлнј бпрмә! мына бу җукмарны алып чык! аныҗ-бјлән үлчәш, кайсыҗыз бу җук-марны кјтәрп, кјл тпрәлјй бпш кат әйләндјрсә, кјл аңар булып!“ дпдј. Сү јјәсј җукмарны кјтәрп чыкты-да айтти: „Аҗай, мына бу җукмарны кайсыбыз бпш кат кјтәрп әйләнсә, кјл аңар бу-лып!“ дпдј. Бу кјшј айтти: „Җарар, әүәл үзп әйлән!“ дпдј. Сү јјәсј җукмарны кјтәрп, көчкә әйләндј-дә җукмарны бу кјшпнп кулына бјрдј. Бу кјшј җукмарны җпргә утыртып үзј җуҗары-таба карап-төрә. „Аҗай, нпй јшлјйсјн?“ дпдј. Бу кјшј айтти: „Мына җукмарны бөлөт астына тыҗып җпбарпргә ітәмјн!“ дп-дј. Сү јјәсј: „пй аҗай, тјјә кјрмә, үзпбүзгә-дә бјр-гпнә җукмар!“ дп, бабасы катына төшөп кјттј. Бабасы айтти: „Нпй хал,

улым?“ диді. Улы айтті: „Ул кјшј чукмарны бөлөт астына тыгып үбәрәҗазды!“ диді. Бабасы айтті: „Алайса, бар, улым, мына бу айгырны кайсығыз күтәрјп, айланса, күл аңар булыр!“ диді. Айгырны алып чыкты-да айтті: „Аңай, мына бу айгырны кайсыбыз бiш кат күтәрјп айланса, күл аңар булыр!“ диді. Бу кјшј айтті: „Царар, әуәл үзјң күтәрјп, айлан!“ диді. Бу сү јјәсј бiш кат айландј-дә айгырны бу кјшјгә бирдј. Бу кјшј айгырға сикјрјп, атланды-да күз ачып цөмҗөнчә бiш кат айландј. Сү јјәсј тағы курыкты, тизрәк бабасы катына китті, бабасына айтті: „Ул кјшј бiк көчлө-икән, бабай!“ диді, „айгырны бөт арасына кыстырып-кына күз ачып цөмҗөнчә айландј!“ диді „күл кигмәсә, царар-ыжы, бјзнјң!“ диді. Бабасы айтті: „Бар, улым, көрәш аның-бјлән!“ диді, „кайсығыз үңсә, күл аңар булыр!“ диді. Сү јјәсј бу кјшј катына чыкты-да айтті: „Аңай, әйдә көрәшјјек, кайсыбыз үңәр?“ диді. Бу кјшј айтті: „Мин әлј бушамыжым: ана тјгј куак артында бјр бјк карт аңарып-бјткән бабам бар-дыр! аның-бјлән көрәш!“ диді, „әлј ул цөклаҗан-дыр! сiн бар-да көләк төбөнә сук; цуҗайса ул үжанмас!“ диді. Анда бјр ак ајү бар-ыжы. Бу сү јјәсј ајү катына барып, ајүның көләк төбөнә сукты. Ајү сикјрјп, төрдө-дә бу сү јјәсјң күтәрјп, гөп итјрјп, үргә салды, үзј качып китті. Бу сү јјәсј байтак цатты, сүлүсыз булып. Аннан төрдө, үәнә бабасы катына китті, „бабай, харап!“ диді, бјзнјң күл китә, күлсјз калабыз!“ диді. Бабасы айтті: „Ник?“ диді. Бу айтті: „Цук, бабай, сiн бјлмјйсјң әлј!“ диді. „аның бјр карт бабасы бар-икән! аның-бјлән көрәштјм, күтәрјп салды үзјмнј! нјй чаклы сүлүсыз булып цаттым, үлә цаздым!“ диді, „күлсјз калсак, нјй кылдык?“ диді, „индј үл аркан иңнј бјтјрә, күлнј күвкә аса!“ диді. Бабасы айтті: „Индј, улым, былай царамың, аның бјлән килјшјргә кирәк! бар, айтјп-кара, акч’алмас—м’икән?“ диді. Аннан-суң сү јјәсј цылай чыкты бу кјшј катына-да айтті: „Аңай, нјй алсан-да ал, күлгә тјјә күрмә, акча бјрјрбјз! күп-мј алырсыз?“ диді. Бу кјшј айтті: „Царар!“ диді. Башындагы јшләпәсјң күрсәтј, „мына бу јшләпә-бјлән бјр јшләпә акча бiрсәгјз, үтәр!“ диді. Сү јјәсј бабасы

катына кјрјп айттј: „Шулай шулай айтә!“ дјп. Бабасы айттј: „Бік кўп сөрәмәй-икән! бар, чыңарып-бір, кјтсјн!“ дјдј. Аннан-суң бјр јшләпә тутырып, бу кјшјгә чыңарып бјрдј. Бу кјшј јшләпәсјн үргә куйды-да акчаны јшләпәгә салды. Царт' јшләпә булды. „Бар, таңы кјтјр әлј, тулмады!“ дјп; үбәрдј. Сү јјәсј таңы бабасы катына кјттј. Ул кјткәч, бу кјшј јшләпәнјң астына чөкөр казыды, јшләпәнјң төбөнлә тјшјк ұасады. Ул тјшјктән акчалар чөкөрҗә төшөп кјттј, јшләпәдә бік аз калды. Цәнә чыңарып салды, тулмады. Шулай итә итә, јшләпәнј тутырды, јшләпә астындағы чөкөр әмҗ тулды. Бу кјшј айттј сү јјәсјнә: „Индј сјн бу јшләпәнј мјнјм өјәмә итјп бјр!“ дјдј, „мјңа үрј-дә кјрәк, үрј-бјлән казыб-ал-да кўтәрјп ит!“ дјдј. Сү јјәсј „уарар!“ дјп, јшләпәнј казыб-алды-да баш түбәсјнә кўтәрдј. Бу кјшј-дә шөшлөсөн калыбын алып, бјргә кјттјләр. Бара-төрҗәч, бјр баңана өчөрәды. Сү јјәсј айттј: „Аңай, бу нјй нәрсә?“ дјдј. Бу кјшј айттј: „Баја сјн көрәшкән бабайның тајаңы!“ дјдј. Аннан кјттјләр, бјр сјбјркј (иначе: тырма) өчөрәды. „Аңай, бу нјй нәрсә?“ дјдј. Бу кјшј айттј: „Бабайның сакал тарый-төрҗән тараңы!“ дјдј. Цәнә аннан кјттјләр, бјр сука өчөрәды. Сү јјәсј айттј: „Аңай, бу нјй нәрсә?“ дјдј. Бу кјшј айттј: „Бабайның тјш әрчјй-төрҗән шырпысы!“ дјдј. Цакшы, бу кјшјнјң өјөнә барып үттјләр, өйгә кјрдјләр. Бу кјшј катынына айттј: „Каја, катын, кунакка ашарҗә кјтјр!“ дјдј. Катыны өйдән чығып кјттј-дә бјр сәнәк алып кјрдј, ірјнә бјрдј. Аннан-суң бу кјшј сәнәкнј алып, сәнәк-бјлән сү јјәсјнјң буҗазына төрттө, „мына сјңа ұәпј төш аша, аша!“ дјп, сү јјәсјн аптыратып бјтјрдј. Сү јјәсј кычкыра башлады, „индј үтәр, бік туйдым, бік туйдым!“ дјп. „Бар индј, туйсаң, өзәтып-үбәрјјјм!“ дјп, бу кјшј чыкты-да јтләрјнә кычкырды, „өс, өс!“ дјп. Јтләрј кјлјп, ұабышты, „гам! гам!“ дјп. Кайсы итәгјнән тарта, кайсы бјтјнә сјкјрә. Сү јјәсј көчкә көтөлөп кјттј. Кайтып, бабасына айттј: „Цә, бабай, кўрдјм бјр төрлө әкәмәтләр!“ дјп, барысын сөйләдј. Таңы-да айттј бабасына: „Цә, бабай, шулысы бјгјрәк әкәмәт булды: Бардым ул кјшјнјң өјөнә, мјңа әллә

нїйдїјн җәпї тәш дїгән аш ашатты! Ашатып, сыйлап, җтїрә җазды. „Туйдым!“ дїт кычкырҗач-кына, туктады. „Аша, аша!“ дїп, ирїксїзләп ашатты. Аннан-сун мїнї өзәтып җибәрдї, „өзә-тыҗыз!“ дїп, балаларына-дак ушты. „Гау, гау! сау бул, сау бул!“ дїп, улысы-да кїлїп тарта, бусы-да кїлїп тарта. Көчкә җетеләп кайттым!“ дїдї. Бабасы әйттї: „җарар, улым! нїй булса-да булды! җзїбїз тынычлап калдык!“ дїдї. Бу кїшї таҗы шуннан баҗып калды.

ينه بورون زمانده بر كشي ننگ اوچ اوغلى بار ايدى اوزى بيك باى. توكل ايدى باى بولماسده تركلكى چيبار ايدى هيچ نرسه كا آبدرامادى بر نكرمان ناشى بار ايدى بر پارابانى بار ايدى تاغى چابانا قالوبى برلان شوشلى سى بار ايدى اوزينه اولوم سرخاوى بىنكاج بالالارون چاقروب ايندى ايندى من اولامن من اولكاج بىخشى نورونكز مونا سزكا شول چينار ديب بر اوغلنه نكرمان ناشى بيردى ايكنچى اوغلنه پارابان بيردى اوچونچى اوغلنه چابانا قالوبى برلان شوشلى بيردى مونا شولار برلان تاماقلار نكزنى تويدورورسز آچ اولماس سز ديب ايتوب اولدى آتالارى اولكاج اوچوسى اوچ باققه چيغوب كيندى لر بر اوغلى كيندى نكرمان ناشين آلوب آلودان آولغه ايو بورونچه يوروب يارما نارتوب قول كوچى برلان قزغانوب اوز تاماغين اوزى تويدردى آچلق كورمادى ايكنچى اوغلى كيندى پارابان آلوب اورمانغه بر اورمانغه باروب بر ضرور ايمين باشنه مندى ده پارابانين صوغا باشلادى جبولدى آيولار اول آيولارنى توتوب قايسى سن صاندى آزرآق آتجه باصادى آط آلدى قايسى سن اوزى آلدى آيو بىنكلاب آلودان آولغه يوروب آيو بيوتنى بو اوغلى ده پارابان آرقاسنده بىخشى تركلك قيلدى يوقلقنى كورمادى اوچونچى اوغلى تاغى شوشلى قالوب كوناروب اورمانغه كيندى اورمانغه باروب بر كول ياننده شوشلى سى برلان جوكا نوشردى ده چابانا كيندراسى ايشه

باشلادی کیندره ایشوب تورغانده کولدان بر صو ایاسی چیقیدی آغای
نیشلایسن دیدی بوکشی ایندی آرقان ایشامن دیدی صو ایاسی ایندی
اول آرقان نیگا دیدی بوکشی ایندی مونا بو کولنی کولکا آصماچی
بولامن کولکده صو یوق برده یانکفور یاومی دیدی صو ایاسی ایندی
آغای توقتا توروب نورمن بابایغه اینیم دیب کولکا توشوب کیندی کول
توبنده بیک قارت صو ایاسی بار ایدی آنکار باروب ایندی بابای
خراب برکشی کولنی کولکا آصام دیب آرقان ایشه دیدی باباسی ایندی
آدم دور اول بار اوغلوم کولنی بیرمه مونا بو چوقمارنی آلوب چق آننگ
برلان اولچاش قایسنکز بو چوقمارنی کوتاروب کول تیرالی بش قات
ایلانسه کول آنکار بولور دیدی صو ایاسی چوقمارنی کوتاروب چیقیدی ده
ایندی آغای مونا بو چوقمارنی قایسبز بش قات کوتاروب ایلانسه کول
آنکار بولور دیدی بوکشی ایندی یارار اول اوزنگ ایلان دیدی صو
ایاسی چوقمارنی کوتاروب کوچکا ایلانیدی ده چوقمارنی بوکشی ننگ قولنه
بیردی بوکشی چوقمارنی یرکا اوتورتوب اوزی یوقاری تابا قاراب تورا
آغای نی اشلایسن دیدی بوکشی ایندی مونا چوقمارنی بولوت آستنه
طغوب یبارورکا ایتمان دیدی صو ایاسی آی آغای تبه کورمه اوز بزگاده
برگنه چوقمار دیب باباسی فانه توشوب کیندی باباسی ایندی نی حال
اوغلوم دیدی اوغلی ایندی اولکشی چوقمارنی بولوت آستنه طغوب یباره
بازدی دیدی باباسی ایندی آلاسه بار اوغلوم مونا بو آیغرنی قایسنکز
کوتاروب ایلانسه کول آنکار بولور دیدی آیغرنی آلوب چیقیدی ده
ایندی آغای مونا بو آیغرنی قایسبز بش قات کوتاروب ایلانسه کول
آنکار بولور دیدی بوکشی ایندی یارار اول اوزنگ کوتاروب ایلان
دیدي بو صو ایاسی بش قات ایلانیدی ده آیغرنی بوکشی کا بیردی بو
کشی آیغرنه سیکروب آطلانیدی ده کوز آچوب یومغونچی بش قات

ايلاندى صو اياسى تاغى قورقدى تيزراك باباسى قاتنه كيندى باباسنه
ايندى اول كشى بىك كوچلى ايكان باباى ديدى آيغرنى بو ط آراسنه
قصرروب قنه كوز آچوب بومغونچه ايلاندى ديدى كول كينمسه يارار
ايدى بزىنك ديدى باباسى ايندى بار اوغلوم كوراش آننگ برلان
ديدى قايسنكز جينكسه كول آنكار بولور ديدى صو اياسى بو كشى
قاتنه چيقىده ايندى آغاي ايدى كوراشيك قايسمز جينكار ديدى بو
كشى ايندى من الى بوشاميم آنا تيگى قواق آرتنده بر بىك قارت
آغاروب بنگان بابام باردرد آننگ برلان كوراش ديدى الى اول يوقلاغان در
سن بارده قولاق تويينه صوق يوق ايسه اول اويانماس ديدى آناه بر
آف آيو بارايدى بو صو اياسى آيو قاتنه باروب آيوننگ قولاق تويينه
صوقدى آيو سيكروب توردىده بو صو اياسين كوناروب گوب ايندروب
يركا سالدى اوزى قاچوب كيندى بو صو اياسى بايتاق ياندى صولوسز
بولوب آندان توردى ينه باباسى قاتنه كيندى باباى خراب ديدى بزىنك
كول كينه كولسز قالايز ديدى باباسى ايندى نيك ديدى بو ايندى
يوق باباى سن بلماي سن الى ديدى آننگ بر قارت باباسى بار ايكان
آننگ برلان كوراشدم كوناروب سالدى اوزمنى نى چاقلى صولوسز
بولوب ياندم اوله يازدم ديدى كولسز قالساق نى قىلدوق ديدى ايندى
اول آرقان ايشوب بتوره كولنى كوك كا آصا ديدى باباسى ايندى
ايندى اوغلوم بولاي يارامى آننگ برلان كيلوشركا كراك بار ايتوب
قارا آقچه آلماس ميكان ديدى آندان صونك صو اياسى جلاب چيقىدى
بو كشى قاتنهده ايندى آغاي نى آلسانكده آل كول كا نيه كورمه آقچه
بيروربز كوبمو آلورسز ديدى بو كشى ايندى يارار ديدى باشنداغى
اشلپه سن كورساندى مونا بو اشلپه برلان بر اشلپه آقچه بيرسانكز جينار
ديدى صو اياسى باباسى قاتنه كروب ايندى شولاي شولاي ايتىه ديب
باباسى ايندى بىك صورام ايكان بار چيفاروب بير كينسون ديدى

آندان صونك بر اشله فوتوروب بو كشي كا چيغاروب بيردي بو كشي
 اشله سن بركا قويدى ده آقچى اشله كا صادى يارطى اشله بولدى بار
 تاغى كيتور الى تولمادى ديب يباردى صو اياسى تاغى باباسى قاتنه
 كيتدى اول كينكاچ بو كشي اشله ننگ آستنه چوقر قازدى اشله ننگ
 توبنده نيشوك ياصادى اول نيشوكدان آقچى چوقرغه توشوب كيتدى
 اشله ده بيك آز قالدى ينه چيغاروب صادى تولمادى شولاى اينه اينه
 اشله نى توتوردى اشله آستنداغى چوقرهم تولدى بو كشي ايندى صو
 اياسنه ايندى سن بو اشله نى متم ايومه ايلتوب بير ديدى منكا يردى ده
 كراك يردى برلان فازوب آلدله كوناروب ايت ديدى صو اياسى يارار
 ديب اشله فازوب آلدى ده باشى توباسنه كوناردى بو كشي ده شوشلى سن
 خالوبون آلوب بركا كيتدى لار بارا تورغاچ بر باغانا اوچرادى صو اياسى
 ايندى آغاي بو نى نرسه ديدى بو كشي ايندى بايا سن كوراشكان
 باباي ننگ نياغى ديدى آندان كيتدى لر بر سبركى اوچرادى آغاي
 بو نى نرسه ديدى بو كشي ايندى باباي ننگ صاقل طارى تورغان تاراغى
 ديدى ينه آندان كيتدى لر بر صوفا اوچرادى صو اياسى ايندى آغاي
 بو نى نرسه ديدى بو كشي ايندى باباي ننگ تشى آرچى تورغان شربى سى
 ديدى بىخشى بو كشي ننگ ايويينه باروب يتدى لار ايوكا كردى لر بو كشي
 خاتوننه ايندى قايا خاتون قوناغه آشارغه كيتور ديدى خاتونى ابودان
 چيغوب كيتدى ده بر سنك آلوب كردى ايرينه بيردى آندان صونك
 بو كشي سنكى آلوب سنك برلان صو اياسى ننگ بوغازينه تورندى
 موئا سنكا جبلى توش آشا آشا ديب صو اياسين آپدرانوب بتردى صو
 اياسى قچقرا باشلادى ايندى چينار بيك تويدم بيك تويدم ديب بار
 ايندى توبيسانك اوزاتوب يباريم ديب بو كشي چيقتى ده اتلرينه
 قچقردى اوس اوس ديب اتلرى كيلوب يابوشدى هام هام ديب قايسى
 ايناكندان تارنا قايسى بيتنه سيكرا صو اياسى كوچكا قوتولوب كيتدى

قایتوب باباسنه ایندی یا بابای کوردم بر تورلو آکمت دیب باریسین سویلادی تاغیده ایندی باباسنه یا بابای شولسی بیکراک اکمت بولدی باردیم اول کشی ننگ ایوبینه منکا اله نیداین جبلی توش دیکان آش آشاندی آشاتوب صیلاب اوتوره یازدی تویدم دیب فچرغاچقنه توقنادی آشا آشا دیب ایرکسزلاب آشاندی آندان صونک منی اوزاتوب ییاردی اوزاتونکز دیب بالالارینهده قوشدی هاو هاو صاوبول صاوبول دیب اولسیده کیلوب تارنا بوسی ده کیلوب تارنا کوچکا قوتولوب قایتدم دیدی باباسی ایندی یارار اوغلوم نی بولسهده بولدی اوزیز طچلاب قالدوق دیدی بو کشی تاغی شوندان بابوب قالدی .

Въ прежнее время у одного человека было три сына. Самъ онъ былъ не очень богатъ; однако, хотя онъ и не былъ богатъ, но жизнь его была складная: ни передъ чѣмъ онъ не вставалъ въ тушикъ. Былъ у него жерновъ; былъ у него также барабанъ, была еще колодеа для лаптей и вочедыкъ. Когда пришло ему время умереть, онъ созвалъ своихъ дѣтей и сказалъ: „вотъ, я умираю. Когда я умру, живите хорошо; вотъ этого вамъ будетъ достаточно“. Сказавъ это, онъ далъ одному сыну жерновъ, другому барабанъ, а третьему сыну далъ колодку для лаптей и вочедыкъ. „Вотъ, этими вещами пропитывайте себя (собст.: свои глотки); съ голоду не умрете“, сказалъ онъ и умеръ. Когда отецъ умеръ, всѣ трое вышли и разошлись въ разные стороны. Одинъ сынъ ушелъ съ жерновомъ: ходя изъ деревни въ деревню по домамъ, онъ молоть крупу, добывая кусокъ хлѣба силою своихъ рукъ; онъ самъ кормилъ себя (соб.: свою глотку) и голода не видалъ. Второй сынъ направился съ барабаномъ въ лѣсъ. Придя въ одинъ лѣсъ, онъ забрался на верхушку одного большого дуба и сталъ бить въ барабанъ. Стали собираться и сбѣгаться медвѣди. Онъ ловилъ тѣхъ медвѣдей, нѣкоторыхъ продалъ и, приобрѣтя нѣкоторое количество денегъ, купилъ лошадь, а

одного изъ медвѣдей взялъ съ собой. Вода за собой медвѣдя, онъ ходилъ изъ деревни въ деревню и заставлялъ медвѣдя плясать. И этотъ сынъ, благодаря барабану, жилъ хорошо и лишней не видалъ. Третій сынъ взялъ кочедыкъ съ колодкой и пошелъ въ лѣсъ. Придя туда, онъ на берегу одного озера сталъ драть кочедыкомъ липовую кору и вить лыко для лаптей. Вотъ, когда онъ стоялъ и сдиралъ лыко, изъ озера вышелъ водяной и сказалъ: „что ты дѣлаешь, дядюшка?“ Этотъ чело-вѣкъ сказалъ;— „я вью веревку“.— „Для чего же эта веревка?“ спросилъ водяной.— „Я хочу, отвѣчалъ этотъ чело-вѣкъ, повѣ-сить это озеро на небо, потому что на небѣ нѣтъ воды, и тамъ вовсе не падаетъ дождя“.— „Подожди, дядюшка, сказалъ тотъ, я скажу дѣдушкѣ“, онъ ушелъ и спустился въ озеро. На днѣ озера находился очень старый водяной. Подойдя къ нему, онъ сказалъ: „бѣда, дѣдушка! Какой-то чело-вѣкъ гово-рить: я повѣшу это озеро на небо; онъ говоритъ, что вѣтъ и веревку“. Дѣдъ сказалъ:— „онъ, вѣдь, чело-вѣкъ. Ступай, сынъ мой, и не давай этого озера. Вотъ, возьми эту дубину и ступай, помѣрайся съ нимъ: кто изъ васъ обойдетъ пять разъ вокругъ озера, поднявъ эту дубину, того и пусть будетъ озеро!“ Водяной, держа дубину, вышелъ и сказалъ: „дядюшка! вотъ, кто изъ насъ обойдетъ озеро пять разъ съ этой дуби-ной, тому оно и будетъ принадлежать“.— „Хорошо, сказалъ тотъ, обходи ты самъ первымъ“. Водяной, поднявъ насилу дубину, обошелъ и вручилъ ее этому чело-вѣку. Тотъ всадилъ дубину въ землю, а самъ всталъ, глядя вверхъ. „Дядюшка! ты что-же дѣлаешь?“ спросилъ водяной.— „Да, вотъ, хочу забросить эту дубину подъ облако“, отвѣчалъ этотъ чело-вѣкъ. „Ахъ, дядюшка, сказалъ водяной, не дѣлай этого: у насъ самихъ, вѣдь, одна только дубина“, и онъ спустился къ своему дѣду. Дѣдъ спросилъ его: „какъ дѣла, сынъ мой?“ — „Этотъ чело-вѣкъ, отвѣчалъ тотъ, едва было не подбросилъ дубину подъ облако“. Дѣдъ сказалъ: „если такъ, то ступай, сынъ мой: вотъ тебѣ жеребецъ. Кто изъ васъ обойдетъ озеро, поднявъ жеребца, тому оно и будетъ принадлежать“. Тотъ

вышелъ, взявъ жеребца, и сказалъ:— „вотъ, дядюшка, кто изъ насъ пять разъ обойдетъ озеро, поднявъ этого жеребца, того и будетъ озеро“. — „Ладно! отвѣчалъ тотъ; только подними и обходи первымъ ты самъ“. Водяной обошелъ пять разъ и передалъ жеребца этому человѣку. Тотъ вспрыгнулъ, сѣлъ на жеребца верхомъ и въ одно мгновеніе (собств.: не успѣлъ закрыть и открыть глаза, какъ уже) обскавалъ пять разъ. Водяной испугался еще сильнѣе. Поспѣшно онъ отправился въ своему дѣдушкѣ и сказалъ ему: „человѣкъ этотъ, оказывается, очень силенъ, дѣдушка! Онъ въ одинъ мигъ обошелъ озеро, захвативъ жеребца между ногами. Если-бы озеро не ушло отъ насъ, намъ было-бы хорошо“. Дѣдъ сказалъ:— „иди, сынъ мой, поборись съ нимъ. Кто изъ васъ побѣдитъ, того и будетъ озеро“. Водяной вышелъ въ этому человѣку и сказалъ: „ну, дядюшка, давай бороться! кто-то изъ насъ побѣдитъ?“ — „Я еще не готовъ, сказалъ тотъ, но вонъ за тѣмъ кустарникомъ находится мой дѣдушка—очень старій, совсѣмъ бѣлый, съ нимъ и поборись. Онъ спитъ, вѣроятно; ты поди, ударь его въ ухо, если онъ не проснется“. А тамъ былъ бѣлый медвѣдь. Водяной подошелъ къ медвѣдю и ударилъ его по уху. Медвѣдь вскочилъ и всталъ, схватилъ водяного и—гопъ! ударилъ его объ землю, а самъ убѣжалъ. Долго лежалъ водяной безъ дыханія; наконецъ, всталъ и отправился въ своему дѣду. „Бѣда, дѣдушка, сказалъ онъ: уходитъ наше озеро; останемся мы безъ него“. — „Почему?“ спросилъ дѣдъ. Тотъ отвѣчалъ: „нѣтъ! ты не знаешь, видно, его дѣда. У него есть очень старій дѣдъ, и я съ нимъ-то и боролся. Онъ поднималъ меня и ударилъ, и сколько времени лежалъ я безъ дыханія! И едва не умеръ. Чтò мы будемъ дѣлать, если останемся безъ озера? Теперь онъ кончаетъ вить веревку и повѣситъ озеро на небо“. — „Это не хорошо теперь, сказалъ дѣдъ; надо съ нимъ сойтись. Ступай, попробуй-ка сказать, не возьметъ-ли онъ денегъ“. Послѣ этого водяной, плача, вышелъ и сказалъ этому человѣку: „дядюшка! возьми, чтò хочешь, не трогай только озера. Мы дадимъ денегъ; много-ли возьмешь?“

Этот человекъ сказалъ:— „ладно!“ Онъ показалъ находившуюся у него на головѣ шляпу: „вотъ, если вы дадите денегъ одну шляпу, то будетъ достаточно“. Водяной пошелъ къ своему дѣду и разсказалъ, что такъ и такъ. Дѣдъ сказалъ:— „онъ не очень много просить; ступай, вынеси ему и дай: пусть уходитъ“. Наполнивъ послѣ этого шляпу, тотъ вышелъ и отдалъ ее этому человекѣ. Тотъ положилъ свою шляпу на землю, а деньги положилъ въ шляпу; оказалась только половина. „Ступай, принеси еще“, сказалъ онъ и отослалъ его. Водяной снова отправился къ дѣду. Когда онъ ушелъ, этотъ человекъ выкопалъ подъ шляпой яму, а внизу шляпы продѣлалъ дыру, и изъ этой дыры деньги, высыпаясь, падали въ яму, а въ шляпѣ оставалось очень мало. Водяной снова вынесъ и насыпалъ, но не наполнилъ и, продѣлывая да продѣлывая такимъ образомъ, онъ наполнилъ, наконецъ, и шляпу, а также и яму, находившуюся подъ шляпой. Человекъ этотъ сказалъ тогда водяному: „теперь ты доставь мою шляпу ко мнѣ домой, но мнѣ нужна и земля, и вотъ выкопай землю, возьми все это, подними и доставь“.— „Хорошо“, сказалъ водяной, выкопалъ шляпу, взялъ ее и поднялъ на макушку головы. Человекъ же этотъ, взявъ кочедыкъ и колодку, отправился вмѣстѣ съ нимъ. Идя и идя, они встрѣтили одинъ столбъ. „Что это такое?“ спросилъ водяной.— „Это, отвѣчалъ тотъ, гребень—расчесывать бороду дѣдушкѣ“. Снова они пошли дальше и встрѣтили соху. Водяной опять спросилъ: „что это за вещь, дядюшка?“ Этотъ человекъ отвѣчалъ:— „это спичка—чистить зубы дѣдушкѣ“. Хорошо. Наконецъ, они дошли до дома этого человекъ; они вошли въ него и тотъ сказалъ своей женѣ: „ну, жена! принеси гостю поѣсть“. Жена вышла изъ дому, вошла съ вилами и дала ихъ мужу. Тотъ взялъ вилы, ткнулъ ими въ горло водяному и сказалъ: „вотъ тебѣ сладкое кушанье; ѣшь, ѣшь!“ Онъ напугалъ водяного, и тотъ началъ кричать:— „теперь будетъ; я совсѣмъ сытъ, совсѣмъ сытъ!“ говорилъ онъ. „Ну, ступай, сказалъ тотъ, если ты сытъ; я тебя провожу“, вышелъ и сричалъ собакамъ. „Усь! усь!“ на-

травиль онъ. Собаки прибѣжали и уцѣпились, лая: которая изъ нихъ хватаетъ его за ногу, которая за лицо,—водяной едва спасся и ушелъ. Воротился къ дѣду и сказалъ: „охъ, дѣдушка! особенныя диковинки видаль я“ и рассказалъ все, а затѣмъ сказалъ дѣду: „ну, дѣдушка! это дѣйствительно удивительная диковинка была. Пришелъ я въ домъ того человѣка, и онъ меня, не знаю, какимъ-то сладкимъ кушаньемъ угостилъ, заставляя ѣсть. Я чуть не умеръ и только когда я закричалъ „наѣлся“, онъ пересталъ говорить „ѣшь, ѣшь!“ Поневоля навормилъ! Послѣ того онъ пошелъ меня провожать, говоря: „мы проводимъ тебя“ и дѣтямъ своимъ велѣлъ провожать, тѣ стали говорить:—хау! хау! сау бул, сау бул! ¹⁾ (т. е. будь здоровъ, будь здоровъ!), стали тащить и дергать меня то тѣ; то другія. Насилу я спасся и ушелъ“. Дѣдъ сказалъ:—„хорошо, сынъ мой! Чтò было, то прошло, теперъ же мы будемъ спокройно жить“.

А тотъ человѣкъ сталъ богачемъ.

Седьмая сказка: **عزلی بالا**—умный сынъ.

Цанă бөрөн заманда бѣр катын бар-ыжы. Бір улы, бѣр кызы бар-ыжы. Бѣр кѣн кызы үзѣ-гѣнă қалғыз өйдѣ қылап утырадыр-ыжы. Анасы кѣлп кѣрдѣ, „нѣ қылайсын, кызым?“ дѣдѣ. Кызы айттѣ: „Иъ әнѣй, мѣн кѣжәүгә барсам, мѣннән бала тўса, ул бала ұлса, мѣн қыламый, кѣм қыласын?“ дѣдѣ. Анасы-да қылай башлады. Ул арада улы кѣлп кѣрдѣ, „нѣ қылайсыз?“ дѣдѣ. Анасы айттѣ: „Мына сѣңнѣң „мѣн кѣжәүгә барсам, мѣннән бала тўса, ул ұлса, мѣн қыламый кѣм қыласын?“ дѣдѣ. Шуның-өчѣн қылайбыз!“ дѣдѣ. Улы „уўларсѣз-ивән!“ дѣдѣ-дә чыңып-кѣттѣ. Аннан-сун анасы сыжыр сауарға чыкты. Анасы сыжыр сауғанда, сыжыр усырды: „Ай өжәтлы булдым! сыжыр өжәтлы мѣңм өжәт!“ дѣп, барды-да базға тѣшѣп утырды. Анас артыннан кызы кѣттѣ, анасын ѣзлѣп. Базға барды-да, „әнѣй!“ дѣп, кычкырды. Анасы „нѣй, кызым?“ дѣдѣ. Кызы айттѣ: „Аң-

¹⁾ Вслѣдствіе созвучія «хау» и «сау» по-татарски получается каламбуръ.

да нiшлiйсiн?" дiдi. Анасы айттi: „Харап булдым, кызым, сыжыр усырды! сыжыр ежаты мiнiм ежат!“ дiдi. Кызы айттi: „Ай аний, сiнiң ежат мiнiм ежат! харап булдык!“ дiдi. Дә анасы катына төшөп, утырды, „үә, бiзнiң анийләр кайда-икән?“ дiп, улы киттi изләргә. Барып тапты, анасы-бiлән сiңнiсi базда утыралар. „Аний, анда нiшлiйсiз?“ дiдi. Анасы кычкырды баздан: „Ай улым, дәшә кўрмә, харап булдык: сыжыр усырды! сыжыр ежаты мiнiм ежат, мiнiм ежатым кызым ежаты!“ дiдi. Аннан улы „аний, сау булыңыз! сiздән үлiрнi тапсам, кайтырмын; тапмасам, кайтмамын!“ дiп, бiлнә балта кыстырды-да чыгып-киттi. Бара бара, байтак үр киттi. Бiр төшкә барып үттi, кўрди: Тәрәзәсiз өйгә түбал-бiлән тыштан үакты ташыйлар. Түбалны көжәшка чығарып кујалар-да өстөн каплап, өйгә алып-кiрәләр. Цук, өйгә үакты кiрмiй аштырадылар. Ул акыллы бала бiлнән балтасын алып аларда тәрәзә үасап-бiрдi. „Индi шөкөр Хөдәйгә, үлiрнi таптым, бiзнiң анийләрдән-да үлiр бар-икән дөнүдә!“ дiп, кайтып-кiлгәндә, үәнә бiр үргә өчөрады: Бiр лапас башында бiр кiшнi кўрүдi. Ыштансыз бiлнә-чаклы кўлмәгiн кўтәрiп, лапас башынан сiкiрiп, төшәргә төрә. Цәнә кўрди: Түбән икi кiшi ыштанны икi балагынан төтөп төрәлар. Бу акыллы бала байтак карап төрлө, „былар нiшлiй-икән?“ дiп. Алар лапас башындагы кiшiгә ыштан кiртiргә азапланалар-икән. Сiкiрiп-төшә-кана, цук ыштан балагына ажаллары туры кiлмiй, тiгiләрнiң кулынан ыштан ыкына-китә. Аннан-суң бу акыллы бала аларда барып айттi: „Ағай, нiшлiйсiз?“ дiдi. „Мына бу кiшiгә ыштан кiртмәкчi-кi!“ дiдiләр. Аннан-суң акыллы бала ул кiшнi бiр бүйән өстөнә утыртты-да аўал бiр балагын кiрттi, аннан-суң икiнчi балагын, „мына ыштанны шулай кiймәк кiрәк!“ дiдi. Аннан-суң бу акыллы бала „бусы бајагылардан-да үлiр-икән!“ дiп, сөжөнөп, кўтiнә ажагы тiгiнчә үгөрөп кайтты. Капкадан-ук кычкырып, кiрдi: „Аний, чыңыңыз: сiздән үлiрнi таптым!“ дiп, анасы-бiлән сiңнiсiн баздан бiрәм-бiрәм тартып чығарды.

ینه بورون زمانده بر خاتون بار ایدی بر اوغلی بر قزی بار ایدی
بوکون قزی اوزی گنه یالغوز ایوده جلاب اوتورادر ایدی آناسی کیلوب
کردی نیک جلی سن قزم دیدی قزی ایندی ای انی من کیاوکا بارسام
من دان بالاتوغسه اول بالا اولسه من جلامای کیم جلاسن دیدی آناسی ده
جلای باشلادی اول آراده اوغلی کیلوب کردی نیک جلای سز دیدی
آناسی ایندی مونا سنکلنک من کیاوکا بارسام من دان بالاتوغسه اول اولسه
من جلامای کیم جلاسن دیدی شوننک اوچون جلای بز دیدی اوغلی
جولار سر ایکن دیدی ده چیغوب کیندی آندان صرنک آناسی صیر
صاوارغه چیمدی آناسی صیر صاوغاندا صیر اوصردی آی اویاتلی بولم
صیر اویاطی منم اویاط دیب باردی ده بازغه توشوب اوتوردی آناسی آرتندان
قزی کیندی آناسین ازلاب بازغه باردی ده انی دیب قچگردی آناسی نی
قزم دیدی قزی ایندی آنده نیشلای سن دیدی آناسی ایدی خراب
بولم قزم صیر اوصردی صیر اویاطی منم اویاط دیدی قزی ایندی
آی انی سننک اویاط منم اویاط خراب بولدوق دیدی ده آناسی قاتنه
توشوب اوتوردی جه بزینک انی لر قایده ایکن دیب اوغلی کیندی از لارکا
باروب تابدی آناسی برلن سنکلسی بازده اوترالار انی آنده نیشلی سز
دیدى آناسی قچگردی بازدان آی اوغلوم دشه کورمه خراب بولدی صیر
اوصردی صیر اویاطی منم اویاط منم اویاطم قزم اویاطی دیدی آندان
اوغلی انی صاوبولونکز سزدان جولارنی تابسام قایتورمن تابسام قایتامان
دیپ بیلینه بالطه قصردی ده چیغوب کیندی بارا بارا بایتاق یر کیندی
بر توشکا باروب یتدی کوردی ترزه سز ایوکا توبال برلن طشدان یاقتی
تاشیلار توبالنی قویاشغه چیغاروب قویالارده اوستون قابلاب ایوکا آلوب
کرالار یوق ایوکا یاقتی کرمای آبدرادى لار اول عقللی بالا بیلندان
بالطاسن آلوب آلاغه ترزه یاصاب بیردی ایندی شکر خدای غه جولارنی
تابدم بزینک انی لردن ده جولار بار ایکن دنیا ده دیب قایتوب کیلسکانه

ينه بر بيركا اوچراڧى بر لاپاس باشنده بر كشى نى كوردى اشطان سز
بيلينه چاقلى كولماكن كوناروب لاپاس باشندان سيكروب توشاركا تورا
ينه كوردى توبان ايكي كشى اشطان نى ايكي بالاغندان توتوب تورالر بو
آقلى بالا بايتاق فاراب توردى بولار نيشلاى ايكان ديب آلا ر لاپاس
باشنداغى كشى كا ايشطان كيرتوركا آزابلانالار ايكان سيكروب توشه فانابوق
اشطان بالاغنه آياقلارى توغرى كيلماى نيكي لارنىڭ قولوندا ان اشطان
اچقنه كينه آندان صونك بو عقللى بالا آلا رغه باروب ايندى آغاى
نيشلاى سز ديدى مونا بو كشى كا اشطان كيرتما كچى ايدوك ديدى لار
آندان صونك عقللى بالا اول كشى نى بر بوكان اوستنه اوتورتدى ده
اول بر بالاغين كيرتدى آندان صونك ايكنچى بالاغين مونا اشطان نى
شولاي كيمك كراك ديدى آندان صونك بو عقللى بالا بوسى باياغى لاردان ده
جولار ايكان ديب سيونوب كوتنه آياغى نيكو نچه يو كوروب قايتدى
قايقه دان اوق قچروب كردى انى چيغنكز سزدان جولرنى تابدم ديب
آناسى برلان سنكلى سن بازدان برام برام تارتوب چيغاردى .

Въ прежнее время жила-была одна женщина; у ней
былъ одинъ сынъ и одна дочь. Однажды дочь ея сидѣла одна
въ домѣ и плакала. Вошла мать и спросила: „что ты плачешь,
дочь моя?“ Дочь отвѣчала:—„ахъ, матушка! вотъ, если я
выйду замужъ, отъ меня родятся дѣти; если они умрутъ, и я
не буду плакать, то кто же и будетъ плавать?“ Мать тоже
принялась плакать. Тѣмъ временемъ пришелъ сынъ. „Что вы
плачете?“ спросилъ онъ. Мать его отвѣчала:—„да, вотъ, дочь
моя сказала: если-де я выйду замужъ, отъ меня родятся дѣти
и они помрутъ, а я не буду плакать, то кто тогда и плавать
будетъ? Потому-то мы и плачемъ.“—„Дуры вы, оказывается“,
сказалъ сынъ и вышелъ. Послѣ того мать его пошла доить.
Когда она доила, корова вдругъ испустила вѣтеръ. „Ахъ! мнѣ
стыдно, сказала мать, мнѣ стыдно за корову“ (собств.: стыдъ

коровы есть и мой стыдъ), она пошла въ погребъ, спустилась и усѣлась. Вслѣдъ за матерью пришла и дочь, ища ее. Подошла къ погребу и закричала: „матушка!“— „Что, дочь моя?“ спросила мать ея. „Что ты тамъ дѣлаешь?“ спросила дочь. Мать отвѣчала:—„я погибла, дочь моя! корова, вѣдь, испустила вѣтеръ, и мнѣ стыдно за нее“ (досл., какъ выше). Дочь сказала: „ахъ, матушка! вѣдь, и мнѣ стыдно за корову; бѣда намъ!“ и, спустившись къ матери, усѣлась тамъ.—„Ну! гдѣ же находится наша мать?“ сказалъ сынъ и пошелъ искать ее. Онъ нашелъ мать съ дочерью сидящими въ погребѣ. „Что вы тамъ дѣлаете?“ спросилъ онъ. Мать закричала изъ погреба:—„ахъ, сынъ мой! чуръ, не смотри на насъ: бѣда намъ! Корова испустила вѣтеръ, и мнѣ стыдно за нее, а дочери стыдно за меня“ (собств.: а мой стыдъ есть стыдъ и дочери). Тогда онъ сказалъ: „ну, будьте здоровы, матушка! если я найду глупѣе васъ, то вернусь; если же не найду, то не возвращусь“. Онъ заткнулъ себѣ за поясъ топоръ и вышелъ. Шелъ, шелъ онъ; прошелъ уже порядочное разстояніе. Пришелъ онъ въ одно мѣсто и видитъ: въ домъ безъ оконъ снаружи посредствомъ корзины таскаютъ свѣтъ; вынесутъ корзину на солнце, наладутъ свѣту и, закрывъ сверху, несутъ обратно въ домъ. Но въ домъ свѣтъ не попадаетъ, а они недоумѣваютъ. Тогда умный сынъ взялъ изъ-за пояса топоръ и прорубилъ имъ (т. е. людямъ) окно. Они воздали благодарность Богу, а сынъ сказалъ: „я нашелъ дураковъ; на свѣтѣ есть еще глупѣе, чѣмъ моя мать“. Когда онъ возвращался, онъ наткнулся еще на одно мѣсто. На вершинѣ одного лабаза онъ увидѣлъ одного человѣка; онъ былъ безъ штановъ и, поднявъ рубаху до пояса, готовился прыгнуть съ вершины лабаза, а внизу, онъ увидалъ,—стоятъ еще двое и держутъ съ двухъ сторонъ штаны. Умный сынъ, достаточно наглядѣвшись, остановился и спросилъ ихъ, что они дѣлаютъ. Оказывается, что они мучились (надъ тѣмъ, чтобы) надѣть штаны на человѣка, который находился на лабазѣ. Вотъ, тотъ спрыгиваетъ и снова безъ штановъ: ноги его не попадаютъ въ штанины,

а у тѣхъ штаны вырываются изъ рукъ. Послѣ того умный сынъ подошелъ къ нимъ и сказалъ: „что это вы дѣлаете, дядюшки?“ — „Да, вотъ, мы хотѣли надѣть на этого человѣка штаны“, сказали они. Тогда умный сынъ посадилъ этого человѣка на чурбанъ и надѣлъ сначала одну штанину, а потомъ и другую: „вотъ, какъ надо надѣвать штаны“, сказалъ онъ. Послѣ того этотъ умный сынъ сказалъ:— „эти, оказываются, еще глупѣе давншихъ!“ Онъ съ радостью побѣжалъ домой, такъ что ноги его касались зада и, добѣжавъ, онъ еще изъ калитки закричалъ:— „выходите! я напелъ еще глупѣе васъ!“ И онъ вытащилъ мать вмѣстѣ съ дочерью изъ погреба одну за другой.

Восьмая сказна: تولکی—лисица.

Цанă бір кѣшĕ бар-цĕн. Балык тетарца барды. Балык тетеп кайткан чакта цулда бір төлкө өчөрады. Ул төлкөнө ни-чѣ булса-да тетеп, кѣшилĕнă салды балыклар катына. Төлкө килă килă кѣшилĕнĕ тиштĕ, балыкларны барын-да кѣшилдăн бірăм-бірăм цул бұрынча төшөрөп бĕтĕрдĕ, үзĕ-дă кѣшил тишилĕннăн төшөп калды. Төлкө цулацы балыкларны аммасĕнĕ цыжыб-алды. Бір пічăн кибăнĕ башына минĕп, балыкны ашып башлады. Бір ају килдĕ-дă төлкө катына минă башлады. Төлкө ајуны ца-цызына чабып төшөрдө. Ају айттĕ: „Төлкө дус, ічмаса бір-гĕнă кылчыцын бір!“ дидĕ. Ајуца төлкө бĕмăлдĕ. Ају айттĕ: „Төлкө дус, бу балыкны кајан теттөң?“ дидĕ. Төлкө айттĕ: „Ана шул бăкĕдăн теттөм!“ дидĕ. „Ничĕ теттөң?“ дидĕ. Төлкө айттĕ: „Көйрөцөнă кызау бăйлăп, бăкĕгă тыжып төрдөм-дă балыклар үзлăрĕ кызауца кĕрĕп тулдылар!“ дидĕ. Алай дигăч, ају-да көйрөцөнă кызау бăйлăп, шул бăкĕгă кĕттĕ. Төлкө кычкырды: „Ају дус, кызауыңны бăкĕгă цибăр-дă шытыр-шытыр іт-кĕнчă кетеп төр!“ дĕй, шытыр-шытыр ітсă, балык кĕргăн бу-лыр!“ дидĕ. Ају шытыр-шытыр іткĕнчă төрдө. Бір катын сұца килдĕ. Ул катынны кѣргăч ају төрă башлады. Ул арада ајуның

көйрөгө шытырдап каткан. Ул катын ажұны көјәндә-білән кыйный башлады. Ајұның көйрөгө шарт ітіп өзәлдә-дә качып-китті. Бајағыз кјші тағыз өјөнә кайтып қитүі-білән катынына кычкырды, күшілүн карамастан: „Катын, төлкө төттөм! іскі төлкө ат утка!“ діді. Цана-төрүзән шіч бар-ызы. Іскі төлкөнө алды-да катыны утка атты. Аннан-суң „күшіл-білән балыкны, төлкөнө өйгә алып-кјрјјік!“ діп карасалар, ұиләр ісә, нјй төлкө үк, нјй балык үк. Ул арада іскі төлкө-дә қанып-китті.

Шуның-өчөн айтқаннар:

„Булыр булмаска ышанып, кулыңдағыннан ајырылма!“ діп, бу сүз калык арасында бјр мәсәл булып калды. „Өр!“ дигәч айтәләр, „катын іскі төлкөнө, утка ат!“

ينە بر كشي بار ايدى بالق توتارغه باردى بالق توتوب قايقان چاقده
يولده بر تولكى اوچرادى اول تولكىنى نىچوك بولسەدە توتوب كوشيلنە
سالدى بالق لارقانە تولكى كىلە كىلە كوشيلنى تيشدى بالقلارنى بارنە
كوشيلدان برام برام يول بويىچە توشروب بتوردى اوزى دە كوشيل
تېشوكندان توشوب قالدى تولكى يولداغى بالقلارنى ھەسەن جيوب
آلدى بر پچان كىيانى باشنە منوب بالقنى آساي باشلادى بر آيو كىلدى دە
تولكى قانە منە باشلادى تولكى آيونى يانكاغنە چابوب توشوردى آيو
ايندى تولكى دوست اچماصا برئنه قانچن بىر ديدى آيوغە تولكى
بىرمادى آيو ايندى تولكى دوست بوبالقنى قايان توندنك ديدى تولكى
ايندى آنا شول بىكى دن توندم ديدى نىچوك توندنك تولكى
ايندى قويروغنە قزاو بىلاب بىكى كا طفوب توردم دە بالق لار اوزلرى
قزاوغە كروب تولدى لار ديدى آلاى دىكاچ آيو دە قويروغنە قزاو
بىلاب شول بىكى كا كىندى تولكى قچقردى آيو دوست قزاونكىنى بىكى كا
بىار دە شطر شطر اينكوئچە كوتوب توردى شطر شطر ايتسە بالق كرگان
بولور ديدى آيو شطر شطر اينكوئچە توردى برخانون صوغە كىلدى
اول خانونى كوركاچ آيو تورا باشلادى اول آرادە آيوننك قويروغى

شترداب قاتقان اول خانون آیونی کویانده برلان قینی باشلادی آیوننگ قویروغی شارط ایتوب اوزولدی ده قاچوب کیتدی بایاغی کشی تاغی ایوینه قایتوب یتوی برلان خانوننه قچردی کوشیلن قاراماسدان خانون تولکی توندم ایسکی تولکی آت اوتقه دیب جانا نورغان مېچ بارایدی ایسکی تولکی نی آلدی ده خانون اوتقه آندی آندان صونگ کوشیل برلان بالقنی تولکی نی ایوکا آلوب کرایک دیب قاراسه لر جیل لر ایسه نی تولکی یوق نی بالق یوق اول آراهه ایسکی تولکی ده جانوب کیتدی شوننگ اوچون ایتکانلار بولور بولماسقه اشانوب قولنگد اغندان آیروله دیب بو سوز خلق آراسنده بر مثل بولوب قالدی اور دیکاچ اینهلر خانون ایسکی تولکی نی اوتقه آت .

Жиль былъ одинъ человѣкъ. Отправился онъ ловить рыбу и, наловивъ рыбы, уже возвращался домой. Дорогой ему попалась лисица. Кое-какъ поймавъ ее, онъ положилъ ее въ кошель къ рыбѣ. Лисичка же, просверливъ мало по малу дыру въ кошель, спустила по одной всю рыбу изъ него на дорогу, а затѣмъ и сама спустилась изъ дыры кошеля и осталась (на дорогѣ). Всю рыбу, которая находилась на дорогѣ, она собрала и, поднявшись на верхушку стога сѣна, она принялась ее ѣсть. Вотъ, къ лисицѣ пришелъ медвѣдь и сталъ подниматься къ ней. Лиса, поколотивъ медвѣдя, спустила его со стога. — „Дружокъ-лисица, сказалъ медвѣдь, въ такомъ случаѣ дай мнѣ только одну щепотку“, но лиса не дала медвѣдю и этого. — „Дружокъ-лисица, сказалъ опять медвѣдь, ты откуда-же наловила рыбы?“ — „Вонъ, изъ той проруби“, отвѣтила лиса. — „Какимъ-же образомъ, спросилъ онъ, ты наловила?“ Лиса отвѣчала: — „я привязала кузовъ къ своему хвосту, опустила въ прорубь и стояла. Рыбы сами нашли въ кузовъ до-полна“. Когда такимъ образомъ они поговорили, медвѣдь привязалъ къ хвосту своему кузовъ и пошелъ къ этой проруби. Лисица

закричала:— „опусти свой кузовъ въ прорубь, дружожь-медвѣдь!“ и тотъ стоялъ и дожидался, пока не начнетъ потрескивать. Вотъ, стало трещать, а онъ сказалъ: „это, видно, рыба входитъ“, и пока потрескивало, медвѣдь продолжалъ стоять. Вотъ, одна женщина пошла за водой. Увидавъ ее, онъ сталъ приподниматься, а въ тому времени хвостъ медвѣдя уже примерзъ. Женщина эта принялась колотить медвѣдя коромысломъ. Хвостъ медвѣдя вдругъ съ трескомъ оторвался, и онъ убѣжалъ.

А тотъ человѣкъ вернулся уже домой. Придя, онъ, не глядя на свой кошель, закричалъ женѣ:— „жена! я поймалъ лису! Бросай, сказалъ онъ, въ огонь старый лисій мѣхъ!“ Печь, какъ оказалось, топилась. Онъ взялъ старый лисій мѣхъ и бросилъ въ огонь. Послѣ того онъ сказалъ женѣ:— „пойдемъ, возьмемъ лисицу и кошель съ рыбой“. Но, когда они посмотрѣли, то оказалось, что тамъ только вѣтры дуютъ: нѣтъ ни лисицы, ни рыбы. А тѣмъ временемъ догорѣлъ и старый лисій мѣхъ. „И такъ, сказали они, видно, не слѣдуетъ разставаться съ тѣмъ, что находится въ твоихъ рукахъ, не зная, будетъ-ли чтонибудь впереди или не будетъ“.

Эти слова остались въ народѣ и стали пословицей: „вали, знай, жена, старую лисицу въ огонь!“.

Сказна девятая: ماجى برلان آيو—кошна и медвѣдь.

Бір ајү зур имән башында бал куып-тыр. Аны мәчј сј-
зјп-тјр-дә имән башына мјвјп-тјр. Мәчј бал ашап-төрзән чак-
та ајү кјлјп-тјр-дә, „мында нјй ишлјйсјя?“ дјп-тјр. Мәчј әй-
тјп-тјр: „Мына ајүларны, бұрјләрнј Сјбјр цјбәрјргә ңазү ңа-
замың,—мјн Мәскәүскјй пјсјр!“ дјп-тјр. Ајү бу сүзләрнј
јшјткәч, артына әйләнјп, имән башыннан төшөп-төр-дә ка-
чып-тыр. Мәчј-дә тағы ұзј бјр ңакка-таба ајүдан куркып
качып-тыр.

جر آيو ضور ايمن باشنه بال قوبوبدى آنى ماچى سيزوبدرده ايمن باشنه منوبدر ماچى بال آشاپ تورغان چاقده آيو كيلوبدرده مونده نى اشلاى سن ديوبدر ماچى ايتوبدر مونا آيولارنى بورى لرنى سبر يباروركا يازو يازامن من مسكوسكى پيسر ديوبدر آيو بو سورلارنى ايشكاج آرتنه ايلانوب ايمن باشندان نوشوبدرده قاچوبدر ماچى ده تاغى اوزى بر ياقه تابا آيودان قورقوب قاچوبدر .

Одинъ медвѣдь спряталъ на вершинѣ большого дуба медъ. Пронюхала про него кошка и взобралась на верхушку дуба. Пока она стояла тамъ да ѣла медъ, въ это время подошла медвѣдь.— „Что ты тамъ дѣлаешь?“ спросилъ онъ. Кошка отвѣчала:— „да, вотъ, я пишу бумагу о томъ, чтобы сослать въ Сибирь медвѣдей и волковъ. И, вѣдь, московскій писарь“, прибавила она. Услышавъ это, медвѣдь обернулся назадъ, спустился съ дуба и убѣжалъ, а кошка, и сама напугавшись, удрала въ другую сторону отъ медвѣдя.

Сназна десятая: **آيو برلان تولكى — медвѣдь и лисица.**

Цанә ајү-бјлән төлкө дус бұлып-лар, шалкан сәчүпләр. Шалкан өлгөргәч, шалканны кісә башлаганда төлкө ајүға айтүп-тјр: „Ўзілј үзјбјзгә кујыјк шалканны!“ діп-тјр, сін кайсын аласын?“ діп-тјр. Ајү айтүп-тјр: „Ул үір дә төрғаны-бјлән мін нішлјјім? миңа өстә төрғаны кірәк!“ діп-тјр. Лүәл өстән җапрағын ајү кісјб-алып-тыр, төлкөгә шалканы калып-тыр. Былар ул шалканны кіскәч, бјрјн бјрј кунакка чакырышыплар. Шунда ајү төлкөгә айтүп-тјр: „ай төлкө дус, сін мінј алладың буғай! индј шалкан сәчмјйбиз, бөдәй сәчәбјз!“ діп-тјр. Бөдәй сәчүпләр. Тағын-да бөдәй өлгөргәч, ура башлаганда, төлкө ајүға айтүп-тјр: „Цук, мін бјргә салмыјым! сін кайсын аласын?“ діп-тјр. Ајү айтүп-тјр төлкөгә: „Сін мінј

ijivjda aldayıñ! çuk indj, min bu çuly çirdäğisün aлам!“ dıptır. Tağын-ук төлкө бөдајын урыб-алып-тыр, тамыры ажұға калып-тыр. Мыннан-былай дуслыктан ажырылыплар.

ينه ايوبرلان تولكى دوست بولوب شالغان ساچوبلر شالغان اولكوركاچ شالغانى كيسه باشلاننده تولكى آيوغه آيتوبدر اوزلى اوزمزا قوييق شالغانى ديوبدر سن قايسن آلاس ديوبدر آيو ايتوبدر اول جبرده تورغانى برلان من نبشليم منكا اوستنك تورغانى كراك ديوبدر اؤل اوستدان يافراغين آيو كيسوب آلوبدور تولكى كا شالغانى قالوبدور بولار اول شالغان كيسكاچ برين برى فوناقفه چاقروشوبلار شونده آيو تولكى كا ايتوبدر آى تولكى دوست سن منى آلدادنك بوغاي ايندى شالغان ساچمىز بوغداى ساچامز ديوبدر بوغداى ساچوبلر ناغنده بوغداى اولكاركاچ اورا باشلاننده تولكى آيوغه ايتوبدر يوق من بركا صالحيم سن قايسن آلاس ديوبدر آيو ايتوبدر تولكى كا سن منى اليكى ده آلدادنك يوق ايندى من بو يولى جبرده كى سن آلام ديوبدر ناغنون تولكى بوغداين اوروب آلوبدور طامرى آيوغه قالوبدور موندان بولاي دوستلىدان آيرولوبدرلار .

.Лисица съ медвѣдемъ были друзьями. Посѣяли они рѣпу. Когда она выросла, они стали ее выкапывать. Лисица сказала медвѣдю: „теперь возьмемъ (каждый) свое себѣ: ты себѣ какую часть возьмешь?“ Медвѣдь отвѣтилъ:—„что мнѣ дѣлать съ той, которая находится въ землѣ? Мнѣ нужно ту, что сверху“. И медвѣдь первый взялъ свою долю: себѣ отрѣзавъ листья, а лисицѣ осталась рѣпа. Сняли они рѣпу и стали звать одинъ другого въ гости. Медвѣдь и сказалъ тогда лисѣ:— „ну, другъ лисица; ты меня, вѣдется, обманула. Рѣпу мы теперь уже не будемъ сѣять, а посѣемъ-ка пшеницу.“ Посѣяли они и пшеницу. Когда она созрѣла, они стали ее

жать, и лиса сказала медвѣдю:— „нѣтъ, я вмѣстѣ власть (хлѣбъ) не буду; ты какую часть возьмешь?“ спросила она. Медвѣдь отвѣтилъ лисицѣ:— „ты меня въ тотъ разъ обманула; нѣтъ, теперь ужъ я возьму ту, которая находится въ землѣ“. Лисица снова сжала свою пшеницу, а медвѣдю остались стебельки.

Вслѣдъ за этимъ у нихъ разстроилась и дружба.

Сказна одиннадцатая: **ساندوغاچ برلان بدبلىق**—соловей и перепелка.

Сандугач-бѣлән бѣдбѣлдѣк, дѣй, пар тычкан чѣквәннәр, дѣй. Саздан баралар, дѣй, тычканнары баткан, дѣй. Сандугач „тычү, тычү!“ дѣп тычканнарны кӯа-дыр, дѣй. Бѣдбѣлдѣк әйтә-дѣр, дѣй: „нѣй тычү, тычү? бук булдык, бук булдык!“ дѣп, әйтә-дѣр, дѣй.

ساندوغاچ برلان بدبلىق دى پار طچقان جيكان لردى سازدان بارالاردى
طچقان لارى باطقان دى ساندوغاچ نچو نچو ديب طچقان لرنى قوادردى
بدبلىق ايتهدردى نى نچو نچو بوق بولدى بوق بولدى ديب ايتهدردى

Перепелка и соловей запрягли какъ-то, говорятъ, пару мышей и поѣхали черезъ болото. Мыши завязли, а соловей кричить: „тычү! тычү!“ ¹⁾ и погоняетъ мышей. А перепелка сказала:— „что ты говоришь: „тычү! тычү!“ Мы уже „бук булдык, бук булдык!“ ²⁾.

Сопоставимъ теперь приведенныя здѣсь татарскія сказки съ русскими. Это имѣетъ и свой интересъ и свою важность при ознакомленіи вообще съ народной словесностью того или

¹⁾ Въ дословн. переводѣ: «я хочу испражняться! испражняться!»

²⁾ Т. е. «мы уже запачкались, мы уже запачкались!» И выше и здѣсь игра словами.

иного народа, въ дѣлѣ правильнаго освѣщенія возникающихъ на этой почвѣ вопросовъ и взглядовъ на сущность этихъ произведеній и въ дѣлѣ выясненія мифологическихъ, историческихъ и бытовыхъ чертъ народа. Мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ сходны съ русскими даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, въ другихъ-же сказкахъ сходство это простирается на отдѣльныя сцены,—наконецъ, въ третьихъ можно будетъ указать лишь на общую основную мысль, которую выражаетъ сказка.

Первая татарская сказка—о Саламъ-Турханѣ—имѣетъ подобную себѣ въ русской сказкѣ о „Кузьмѣ Скоробогатомъ“ (Дѣ. I, стр. 503), котораго лисица также обогащаетъ при помощи разныхъ хитрыхъ продѣлокъ и потомъ женить на дочери царя. Сказка эта начинается съ того, что лисица повадилась таскать у Кузьмы въ его отсутствіе куриць. Кузьма подвараулилъ ее, поймалъ и хотѣлъ уже убить, но лиса обѣщала обогатить его, если онъ ее отпустить. Тотъ даруетъ ей жизнь, даже кормить ее, а она хитростью заставляеть одного волка, потомъ медвѣдя, наконецъ, соболя съ куницею собрать сорокъ сороковъ другихъ волковъ, сорокъ сороковъ медвѣдей и сорокъ сороковъ соболей и куницъ и постепенно отводитъ эти стада одно за другимъ къ царю отъ имени Кузьмы. Царь весьма удивляется богатствамъ Кузьмы, а лиса для еще большаго убѣжденія его въ этихъ мнимыхъ сокровищахъ, выпрашиваетъ у него пудовку для того, чтобы вымѣрить серебро; понатыкавъ, куда было можно, по пудовѣ мелкиихъ монетъ, какъ будто недосмотрѣвъ ихъ, она возвращаетъ ее обратно царю, сватаетъ послѣ того за Кузьму дочь царя и добивается согласія. Но, такъ какъ Кузьма, повидимому, не имѣетъ даже порядочнаго платья, а не только богатствъ, то лисица подговариваетъ подпилить мостикъ черезъ рѣчку, который приходилось ему проѣзжать. Только-что Кузьма вѣхалъ на него, мостикъ обрушился, и тотъ упалъ въ воду, лисица же поспѣшила къ царю, чтобы онъ послалъ людей своихъ перенять Кузьму. Кузьму одѣваютъ въ нарядное платье, и все это

заканчивается свадьбой его съ дочерью царя. Вотъ, подумалъ царь побывать въ гостяхъ у Кузьмы, а лиса отправилась впередъ. Хитростью она заставляеть пастуховъ встрѣченныхъ ею стадъ овечьяго, свининаго, коровьяго и верблюжьяго сказывать, если кто спроситъ ихъ, кому принадлежать эти стада, что это—стада Кузьмы; хитростью же она убѣждаетъ владѣтеля этихъ земель и стадъ—Зміулана спрятаться въ дуплѣ дерева, гдѣ потомъ Кузьма его разстрѣливаетъ, а самъ воцаряется вмѣсто него. Въ вариантѣ къ этой сказкѣ (Аѳ. т. I, стр. 506) героемъ выступаетъ на мѣсто Кузьмы какой-то Никита Македонскій,—элементъ, очевидно, вносный, образовавшійся подъ влияніемъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Сказка варьируетъ нѣсколько содержаніе только что приведенной о Кузьмѣ и, безъ сомнѣнія, составлена изъ частей отъ разныхъ другихъ сходныхъ по содержанію сказокъ. Но есть еще одна русская сказка, и съ ней эта же татарская сходствуетъ даже въ мелочахъ; это о Бухтанѣ Бухтановичѣ (ib. 500), который представляетъ изъ себя грязнаго, лѣниваго человѣка, вѣчно валяющагося на печи. Лиса, которой пришла охота женить его, обманнымъ путемъ, подобно вышеприведенному, убѣждаетъ одного царя въ громаднхъ богатствахъ Бухтана. Одѣвъ затѣмъ Бухтана въ платье, которое какъ то нашлось у него, она повела его къ царю, но, чтобы не разочаровать послѣдняго въ его достоинствахъ, она по дорогѣ столкнула Бухтана въ грязь, побѣжала поскорѣе къ царю и просила его снабдить Бухтана всемъ нужнымъ и получше одѣть его въ виду такого несчастнаго случая. Царь снабдилъ ее платьемъ для Бухтана, но тотъ, какъ ни разу еще не выдавшій такого платья, за столомъ царя никуда больше и не глядѣлъ, какъ только на себя. Царю это показалось подозрительнымъ, и онъ обратился за разъясненіемъ къ лисѣ, но лиса съумѣла найтись и отвѣтила, что Бухтанъ стыдится своего платья, такъ какъ такой дряни онъ еще нешивалъ, посоветала царю одѣть его въ самое лучшее, а сама между тѣмъ шепнула Бухтану,

чтобы онъ не глядѣлъ такъ на себя. Бухтанъ теперь усталъ на стуль, и опять на запросъ царя лиса должна была сказать, что у него такіе стулья стоятъ лишь по банямъ, а Бухтану снова шепнула, чтобы онъ не глядѣлъ въ одно мѣсто, а глядѣлъ бы „туда да ѣтуда“. Свадьбу, наконецъ, сыграли, Бухтана снабдили всякимъ добромъ и отправили домой на трехъ корабляхъ, а лиса бѣжить за ними по берегу и по дорогѣ овладѣваетъ для Бухтана большимъ царствомъ, которымъ владѣли до того Змѣй Змѣевичъ, Воронъ Вороновичъ и Кокоть Кокотовичъ, заставляя ихъ попятаться въ разныя мѣста и послѣ утопя въ водѣ. Въ этомъ царствѣ и поселяется Бухтанъ Бухтановичъ.

Итакъ, во 1-хъ, въ этой русской сказкѣ о Бухтанѣ, помимо полного сходства ея по внутреннему содержанію и дѣйствию съ татарской, сильно обращаетъ на себя вниманіе и чуждое русскому языку имя героя ея „Бухтанъ Бухтановичъ“; очевидно, это имя, которое должно имѣть какое-нибудь значеніе и происхожденіе, есть не русское и не вымышленное произвольно, но, что необходимо допустить, заимствовано и перешло къ намъ вмѣстѣ со всей этой сказкой изъ какихъ нибудь инородческихъ сказаній и, по всей вѣроятности, именно отъ татаръ, судя прежде всего по звуковымъ сочетаніямъ этого слова, характерному окончанію „ан“ и по распространенности этой сказки въ болѣе чистомъ видѣ у татаръ и въ Южной Сибири. На чисто русской почвѣ, конечно, и не могла бы сложиться сказка съ чуждыми элементами, и потому то имя героя ея, чуждое складу русскаго языка, прежде всего и главнымъ образомъ и служить доказательствомъ ея не русскаго происхожденія. Во 2-хъ, въ одномъ изъ русскихъ вариантовъ этой сказки (ib.) герой ея носить уже чисто русское имя и прозванье—Ванька Голый. Очевидно, этотъ послѣдній вариантъ есть передѣлка перваго изъ стремленія, такъ сказать, обрусить сказку съ чуждыми русскому слуху и языку элементами. Но, хотя черезъ это обрусѣніе сама сказка по своему содержанію и отдалилась отъ татарской, такъ какъ этотъ Ванька живетъ

уже съ матерью и ее именно посылаетъ къ богатому мужику, а уже не къ царю, за четверикомъ, чтобы вымѣрить свои деньги, а потомъ и сватать за себя дочь этого богатаго мужика, однако, само прозванье Ваньки—„Голый“ взялось, конечно, изъ того мѣста татарской, гдѣ говорится, что Саламъ-Турханъ до своей женитьбы „не имѣлъ даже во что одѣться“. Въ этой сказкѣ не трудно даже установить ея постепенныя измѣненія по пути обрусѣнія: въ самомъ первомъ нетронутомъ почти видѣ мы имѣемъ ее въ той, которая извѣстна намъ подъ названіемъ „Бухтанъ Бухтановичъ“ ¹⁾; затѣмъ, герой ея получаетъ уже русское имя—Ванька и прозванье—Голый, и этимъ послѣднимъ она ясно продолжаетъ еще сохранять свою связь съ татарскимъ оригиналомъ; далѣе, вполнѣ усвоенная сказка начинаетъ варіироваться, и мы получаемъ „Кузьму Скоробогатаго“ или второй вариантъ ея (ib. стр. 501), гдѣ вмѣсто Бухтана и Ваньки Голлага выступаетъ уже промотавшійся купеческій сынъ, женитьбой на дочери богатаго купца поправляющій свои разстроенныя дѣла,—черта, безъ сомнѣнія, наиболѣе поздняя. Въ 3-хъ, въ сказкахъ о Бухтанѣ Бухтановичѣ и Кузьмѣ Скоробогатомъ герои обогащаются лисой и получаютъ себѣ царства, благодаря ея хитрости. Но, такъ какъ имѣются варианты безъ такого конца, какъ въ упомянутыхъ сказкахъ, то мы должны заключить, особенно въ виду вышеустановленнаго факта заимствованія, что конецъ сказки о Бухтанѣ приставленъ къ ней искусственно уже послѣ того, какъ она перешла къ русскимъ, тѣмъ болѣе, что Бухтанъ, напр., вдругъ отправляется отъ царя къ себѣ домой на корабляхъ, тогда какъ до сихъ поръ о существованіи моря въ сказкѣ и не упоминалось. Въ 4-хъ, этотъ же конецъ сказки о Кузьмѣ, гдѣ лиса обогащаетъ его стадами и овладѣваетъ царствомъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ вставленъ и въ начало той же сказки, гдѣ лиса собираетъ стада лишь не

¹⁾ *Аван.* № 98 или подъ тѣмъ же заглавіемъ и въ сходномъ почти пересказѣ въ «Москвитянинѣ» за 1844 г. № 1.

домашнихъ животныхъ, но разныхъ звѣрей и кланяется ими царю отъ имени Кузьмы, такъ что составъ этихъ сказокъ и ихъ постепенное расширение путемъ вводныхъ, прибавочныхъ или просто повторныхъ сценъ—вполнѣ очевидно: основа сказки о Кузьмѣ остается та-же, что и въ сказкѣ о Бухтанѣ, Ванькѣ Голомѣ, что и въ татарской сказкѣ, т. е. мнимое измѣреніе пудовкой серебра или золота, за которымъ всюду непосредственно слѣдуетъ и главный моментъ сказки—женитьба героя на дочери царя. Въ сказкѣ о Бухтанѣ, какъ я сказала, конецъ ея привлеченъ какъ будто уже послѣ, и сказка, вѣроятно, оканчивалась сначала такъ, какъ и татарская о Саламъ-Турханѣ. Въ сказкѣ о Кузьмѣ Скоробогатомъ нѣтъ такихъ скачковъ въ разсказѣ, какъ въ сказкѣ о Бухтанѣ, но начало ея, гдѣ лиса отправляетъ царю отъ имени Кузьмы стада дикихъ звѣрей, есть, повидимому, простое повтореніе въ измѣненномъ видѣ конца той же сказки, который, однако, здѣсь хорошо согласованъ съ общимъ разсказомъ. Но мы еще можемъ найти одинъ татарскій оригиналь для этихъ двухъ главныхъ русскихъ копій одного и того-же мотива,—именно въ сказкахъ тобольскихъ татаръ, гдѣ повторяется подобная вышеприведенной о Саламъ-Турханѣ подъ тѣмъ же почти и названіемъ. Въ ней мы найдемъ и эти концы русскихъ, которыхъ не имѣетъ „Саламъ-Турханъ“ и на ней увидимъ яснѣе какъ образовался конецъ русской о Бухтанѣ, и откуда взялись эти корабли, на которые я обратилъ выше вниманіе. Для большей наглядности при сравненіи я приведу ее здѣсь въ переводѣ полностью ¹⁾).

И былъ и не былъ у одного богача сынъ. Сынъ этотъ остался (послѣ него) сиротой, лежа на соломѣ. Его называли Саламья. Вскормила его одна лисица. Ребенокъ выросъ, и тогда лисичка отправилась сватать (за него) дочь царя.

¹⁾ Взята изъ сборника академика *В. В. Радлова*: Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ; часть IV, С. Петерб. 1872, стр 289 и сл. Сказка эта на русскій языкъ переведена еще не была.

Придя къ царю, она сказала: „государь Саламья просить дочь твою“. Царь отвѣчалъ:— „(это) хорошо будетъ! я дамъ! Къ такому то времени приходите дѣлать пиръ!“ Лисичка (вскорѣ) снова пошла къ царю и сказала: „государь Саламья просить у тебя пудовку измѣрить свое серебро“. Царь далъ пудовку. Лисичка взяла пудовку, пришла, украла у другихъ людей серебрянныя монеты, взяла пять-шесть монетъ и понатыкала (ихъ) по щелямъ пудовки; понатыкала и, отнеся эту пудовку къ царю, отдала обратно. На другой день, когда поглядѣли въ пудовку, увидали эти понатыканныя и оставленныя серебрянныя монеты; царь и сказалъ: „э! зять нашъ, должно быть, богаче насъ; онъ не взялъ даже денегъ, которые остались понатыканными“. На другой день лисичка опять пошла къ царю и снова попросила у царя его пудовку мѣрить золото. „Дайте, сказала она, вашу пудовку, которой мѣряютъ золото, чтобы смѣрить золото государю Саламья“. Царь далъ свою пудовку. Лисичка взяла пять-шесть золотыхъ монетъ, понатыкала (ихъ) по щелямъ пудовки и снова отдала (ее) обратно царю. На другой день, когда вышли, увидѣли снова, что оставались пять-шесть золотыхъ монетъ. Царь смотритъ и говоритъ: „этотъ зять мой въ десять разъ богаче меня“. Онъ не знаетъ, что у зятя нѣтъ рѣшительно ничего. Назначили срокъ свадьбы. Лисичка пришла къ зятю: „ну, государь Саламья! сказала она,— отправимся на свадьбу; будемъ готовиться!“ Изъ соломы готовятъ они имущество, изъ соломы же готовятъ и корабли, надѣлываютъ изъ соломы солдатъ и сажаютъ ихъ на корабли. Корабли они пустили по рѣкѣ по направленію къ городу давшняго царя, просватавшаго свою дочь. Когда показался городъ царя, на корабляхъ стали видны люди во всякихъ одеждахъ—синихъ, зеленыхъ и желтыхъ. Сама же лисичка отправилась сушею. Она сказала царю: „зять твой плыветъ по водѣ на корабляхъ съ имуществомъ, людьми и казной. Выйдите на встрѣчу и примите его“. Они вышли на встрѣчу, посмотрѣли и увидали, что онъ плыветъ. Сама лисичка была колдунья. Повороживъ,

она выпустила бурю, ударила послѣ того себя по бокамъ и закричала: „они тонуть!“ Корабль разбился, и зятя голымъ выбросило на берегъ. Лисица прибѣжала опять къ царю и сказала: „зять зашь остался голъ: корабли потонули; потонуло имущество, казна и всѣ люди. О, царь! пошли ему одежду!“ Царь сказалъ: „имущества и народа у меня много; я пошлю ему одежду“. Царь посылаетъ хорошія шубы и одежды; люди его взяли ихъ, принесли къ Саламѣѣ и надѣли на него. Зять приходитъ. Царь выдаетъ (за него) дочь свою, и они дѣлаютъ свадьбу. Когда свадьба кончилась, они стали собираться перекочевать. Царь даетъ 40 рабовъ, 40 рабынь, 40 телѣгъ съ имуществомъ, 40 тысячъ лошадей, 40 тысячъ коровъ, 40 тысячъ овецъ, и послѣ того они перекочевали вмѣстѣ съ народомъ. Лисичка сказала Саламѣѣ: „я пойду впередъ; на той дорогѣ я вырощу растеніе ак айрыкъ; ты иди вслѣдъ за нимъ“. Лисица отправилась и черезъ нѣкоторое время прибѣжала къ одному конскому пастуху. „Чьи это лошади?“ спрашиваетъ она. Конскій пастухъ отвѣчалъ:—„это лошади семиголоваго Ельбигена“¹⁾). Лисичка эта сказала: „вы не говорите, что семиголоваго Ельбигена, но говорите—государя Саламѣи: идетъ войско гос. Саламѣи, и если вы скажете, что лошади—Саламѣи, то васъ не тронуть. Приведите лошадь и заколите, и васъ не тронуть, а пройдутъ“. Лиса побѣжала дальше. Черезъ нѣкоторое время пришелъ съ людьми и Саламѣя. Давишіе люди и спрашиваютъ: „чьи эти лошади?“ Конскій пастухъ отвѣчалъ:—„это лошади государя Саламѣи“. Они остановились здѣсь; конскій пастухъ закололъ одну лошадь. Они поѣли до-сыта, а на утро встали и пошли (дальше). Лисичка на слѣдующій день прибѣжала къ одному коровьему пастуху и спросила его: „это чьи коровы?“ Коровій пастухъ сказалъ:—„эти коровы семиголоваго Ельбигена“.—„Вы не говорите такъ, сказала лисичка; если такъ будете говорить,

¹⁾ Т. е. коварнаго царя, русскій Кошей Безсмертнѣй. Ельбигенъ фигурируетъ часто и въ сказкахъ инородцевъ Томской и Енис. губ.

—погибнете, и вашъ скоть разграбятъ. Вѣдь, идетъ войско государя Саламьи, и поэтому вы говорите, что эти коровы—Саламьи. Если такъ скажете, останетесь цѣлы. А когда они прїѣдутъ и остановятся,—заколите одну корову, и они проѣдутъ мимо“. Послѣ этого лисица побѣжала дальше. Прибыла кочевка. Прїѣхали и спрашиваютъ: „чьи это коровы?“ Коровы пастухи отвѣчаютъ:—„этотъ скоть государя Саламьи“. Когда они прїѣхали (сюда), они остановились. Закололи корову и угощали ей. Лисичка же послѣ этого прибѣжала къ овечьему пастуху. Овечій пастухъ спросилъ: „ну, лисичка! куда ты такъ стремительно бѣжишь?“ Лисичка отвѣчала:— „госуд. Саламья ѣдетъ съ своимъ войскомъ; я отъ него и убѣгаю.“ Овечій пастухъ спросилъ: „если ты бѣжишь отъ него, то куда-же мы-то дѣнемся съ овцами?“ Лисичка сказала:— „если вы скажете, что эти овцы Саламьи, заколите овцу и угостите, то васъ не тронуть“. Сказавъ это, лисичка побѣжала впередъ. Вотъ, прїѣхалъ къ овечьему пастуху гос. Саламья. Народъ его и спрашиваетъ: „это чьи овцы?“ Когда тѣ дали отвѣтъ, они остановились. Они (т. е. пастухи) закололи овцу и угостили. Лисичка отправилась (дальше), прибѣжала къ семиголовому Ельбигену и сказала ему: „ну, Ельбигень! спрячь меня!“ Ельбигень отвѣчалъ:— „какъ я тебя спрячу?“ Лисичка сказала: „вѣдь, идетъ войско гос. Саламьи, не оставляетъ ни земли, ни воды и, все сжигая огнемъ, идетъ сюда“. Ельбигень сказалъ:— „ты, дядюшка лисичка, куда-бы ни пошла, (вездѣ) спрячешься; а ты спрячь меня: я хочу самъ спрятаться!“ Лисичка отвѣчала: „какъ же я спрячу тебя?“ Ельбигень сказалъ:— „у меня есть здѣсь одиный колодезь; ты спусти меня въ него. Есть здѣсь одинъ камень; этимъ-то камнемъ ты накрой отверстие колодца“. Ельбигень самъ поднялъ этотъ камень и принесъ; положилъ его на отверстие колодца и, поднявъ одинъ конецъ камня, снизу велѣлъ подпереть его бревномъ, а лисицѣ далъ топоръ. „Когда я спущусь внутрь, сказалъ онъ, ты ударь по бревну топоромъ, и камень этотъ накроетъ отверстие колодца“. Ельбигень спу-

стился внутрь колодца, а лисичка эта ударила по бревну топоромъ и опустила камень. Ельбигень остался внутри колодца. Лиса пошла къ дому Ельбигена и увидѣла 40 амбаровъ съ 40 замками. Она отворила ихъ, и всѣ 40 амбаровъ (оказалось) были полны золотомъ и серебромъ. Вотъ, что увидела лисичка. Ключи она положила къ себѣ въ карманъ. Теперь она вошла въ домъ Ельбигена, набрала ковровъ и вышла. Она постлала (ихъ) на дорогѣ, по которой долженъ былъ прѣхать Саламья и повытаскала пудовкой на дорогу изъ одного амбара золото, изъ другого серебро. Послѣ того пришелъ госуд. Саламья, люди его увидали это и сказали: „оказывается, богатства вашего зятя громадны; такимъ богачемъ и царь не будетъ“. Они приготовили всякія кушанья. Лисичка позвала Саламью къ себѣ. „Вотъ, сказала она, добро, оказанное мною тебѣ, дитя мое! Теперь никому не сообщай своего секрета. Все это тебѣ. Вотъ,—благоденствуй теперь и да будетъ счастливъ тебѣ этотъ домъ, а мнѣ да будетъ счастлива дорога! Будь доволенъ и прощай!“ Сказавъ такъ, лисичка ушла.

Итакъ, въ 5-хъ, мы знаемъ теперь изъ этой сказки, откуда взялись эти корабли, на которыхъ отправляется къ себѣ домой Бухтанъ. Въ 6-хъ, этой сказкой объясняется и то, что въ русской сказкѣ о Кузьмѣ мы находимъ ясныя слѣды кочевого быта или, по крайней мѣрѣ,—перекочевыванія; въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти стада свиней, коровъ и особенно овецъ и верблюдовъ во всякомъ случаѣ характеризуютъ кочевой бытъ и животное богатство инородцевъ Сибири, но уже никакъ не бытъ русскаго народа. Въ 7-хъ, тутъ-же, въ татарской, мы находимъ и Зміулана въ образѣ семиголоваго Ельбигена и то простое обстоятельство, что лисица, желая напугать пастуховъ и Ельбигена, говоритъ имъ, что Саламья все уничтожаетъ и сжигаетъ на своемъ пути,—обстоятельство, давшее въ русскихъ сказаніяхъ поводъ къ введенію въ разказахъ царя Огня и царицы Маланьицы, которыми лиса запугиваетъ пастуховъ и Зміулана въ Кузьмѣ Скоробогатомъ. Въ 8-хъ, мы знаемъ

теперь также, откуда взялось въ сказкѣ о Кузьмѣ и число „сорокъ сороковъ“ волковъ, медвѣдей, такъ какъ видѣли, что это самое число упоминается и въ сказкѣ о Саламѣ у тобольскихъ татаръ. Это число, которое, вѣдъ всякаго сомнѣнія, есть заимствованное какъ здѣсь, такъ и въ другихъ русскихъ сказкахъ, въ высшей степени распространено и излюблено въ инородческихъ сказкахъ татаръ, сартовъ, гдѣ постоянно выводится то котель съ 40 ушами, то 40 комнатъ, мечъ длинной въ 40 аршинъ, 40 разбойниковъ, 40 дивовъ, 40 женъ; послѣднія, между прочимъ, встрѣтятся намъ ниже въ сказкѣ о падчерицѣ ¹⁾. Наконецъ, въ 9-хъ, и самое упоминаніе здѣсь куницъ и соболей указываетъ на сибирскія страны, богатая пушнымъ звѣремъ, но населенная тюркскими племенами, и этимъ сказка еще разъ обличаетъ свою неподлинность.—Въ кюринскихъ сказкахъ есть одна, подобная татарской о Саламѣ-Турханѣ или русской о Бухтанѣ ²⁾. Къ царю грушъ, рассказываетъ она, повадилась таскать груши изъ его сада лиса, но однажды попала въ капканъ и за свое освобожденіе обѣщала его женить на дочери Лалинскаго царя. Далѣе она такимъ же образомъ выпрашиваетъ у этого Лалинскаго царя зирбу ³⁾ для измѣренія денегъ, сватаетъ дочь его, по пути къ царю она сталкиваетъ своего спутника въ рѣку и получаетъ новое платье, но, что должно отмѣтить, она предупреждаетъ царя грушъ, еще не доходя до Лалинскаго царя, чтобы онъ не уставлялся на свое платье, когда попадетъ въ царское собраніе. Такъ и случилось,—тотъ сталъ разглядывать свою одежду, и лисицѣ пришлось оправдывать его извѣстнымъ уже образомъ. На обратномъ пути послѣ свадьбы она овладѣваетъ для царя грушъ крѣпостью, въ которой жили дивы, а ихъ сжигаетъ, и они поселяются тутъ вмѣстѣ. Но вскорѣ лиса надоѣла моло-

¹⁾ См. *Н. П. Остроумовъ*: Сарты. Ташкентъ, 1892 г., стр. 11, 21, 22, 65, 105, и пр. и пр.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 14, Тифлисъ, 1892 г., стр. 164, отд. 2-ой.

³⁾ Мѣра сыпучихъ тѣлъ.

дымъ, и они стали ее выживать. Тогда она пошла къ оставшемуся въ живыхъ диву и разъяснила ему все дѣло, убѣждая прогнать этого царя грушъ. И опять, дивъ не сразу повѣрилъ ей словамъ, но заподозрилъ, что она хочетъ обмануть его. Когда они приблизились къ вѣрности, царь грушъ встрѣтилъ ее упреками, что она привела къ нему только одного дива, а не всѣхъ семерыхъ. Дивъ испугался, побѣжалъ и поволочилъ за собой лису, которая и умерла.—Ясно видно, что у кюринцевъ эта сказка заимствована: во 1-хъ, она составлена изъ двухъ частей,—изъ начала „Саламъ-Турханъ“ и конца „Гюль-Назыкъ“. Такого соединенія мы еще не встрѣчали ни у кого, и потому эту сказку необходимо отнести къ позднѣйшей переработкѣ татарскихъ же, безъ сомнѣнія, сказокъ. Въ 2-хъ, изъ того, что лиса предупреждаетъ царя грушъ не разглядывать свое платье,—опять вытекаетъ то, что эта кюринская сказка могла создаться только на основаніи предварительнаго знакомства изъ татарской редакціи съ тѣмъ, что протеже лисы дѣйствительно уставлялся на свою одежду, все равно, какъ и ниже, гдѣ дивъ говоритъ лисѣ, когда она убѣждала его вернуться и выгнать изъ вѣрности царя грушъ: „эй ты, собачій сынъ! ты хочешь меня обмануть,—поведешь туда и убьешь меня!“ Дивъ, другими словами, какъ будто знаетъ или догадывается, что царь грушъ придастъ этотъ именно смыслъ возвращенію лисы, и объясненія этого обстоятельства нигдѣ болѣе нельзя искать, какъ въ фактѣ заимствованія. Наконецъ, въ 3-хъ, то обстоятельство, что тутъ фигурируетъ дивъ или, скорѣе, семь дивовъ, служитъ сильнымъ доказательствомъ ея не туземнаго развитія у кюринцевъ, потому что не только дивъ есть основа татарскихъ вѣрованій, но и самое число семь. Итакъ, татарская редакція этой сказки остается первоосновой, изъ которой развились подобныя же сказанія у другихъ племенъ и народовъ. Тотъ-же мотивъ встрѣчается у имеретинцевъ ¹⁾, но на мѣсто царя, котораго обыкновенно

¹⁾ Сбор. матеріал. для опис. мѣстн. и пл. Кавк., вып. 19., Тифлисъ, 1894 г., стр. 71, отд. 2.

женить лиса, выступает мельникъ. Все идетъ обычнымъ порядкомъ, но въ концѣ сказки лиса испытываетъ мельника, на сколько онъ благодаренъ ей за сдѣланное добро.

Не повторяя вышесказаннаго о чисто восточномъ происхожденіи русской сказки о Бухтанѣ и Кузмѣ Скоробогатомъ съ ихъ вариантами, перейдемъ теперъ въ слѣдующей татарской сказкѣ.

И въ татарскихъ сказкахъ мы встрѣчаемся съ типомъ дурачка, который всѣ совѣты своей матери или другихъ людей понимаетъ и исполняетъ на-выворотъ. Этотъ мотивъ сильно варьируется въ русскихъ сказкахъ, но типъ Иванушки-дурачка остается вполнѣ сходенъ съ типомъ дурака, выведеннымъ въ татарской сказкѣ,—по тѣмъ комичнымъ положеніямъ, въ которыя попадаетъ дуракъ по своей глупости и безтолковости. Въ русской сказкѣ „Иванушко-дурачекъ“ (Аѳ. № 224) дураку между прочимъ родители поручаютъ кое-что закупить по хозяйству въ городѣ. Иванушко купилъ тамъ столъ, ложекъ, чашекъ, соли, и вотъ на обратномъ пути и начинаются его чудачества: когда лошадь его приустила, онъ снимаетъ сначала съ воза столъ и оставляетъ его на дорогѣ, потому что у него четыре ноги и онъ можетъ дойти и самъ; раскаркавшимся воронамъ онъ выставилъ на землю блюда съ съѣстными припасами, а на торчащія обгорѣлые пни въ лѣсу понадѣвалъ всѣ свои горшки и корчаги, сжалившись, что ребятамъ, за которыхъ онъ принялъ пни, холодно стоять безъ шапокъ. Соль онъ высыпалъ въ воду, такъ какъ лошадь его почему-то не хотѣла пить, а онъ предположилъ, что вода не солена и потому не вкусна для нея. Наконецъ, выбросилъ и переломалъ всѣ ложки за то, что онѣ, какъ ему показалось, приговаривали въ своемъ кошелѣ, гдѣ онѣ лежали: „Иванушко-дуракъ!“, тогда какъ онѣ просто брякали одна объ другую: „брякъ! брякъ!“ Сказка эта продолжается и далѣе и имѣетъ еще нѣсколько совершенно особыхъ сценъ, но изъ изложеннаго видно, что сцены дурака со столомъ, солью и ложками цѣликомъ сходны съ тѣми-же сценами въ татарской

сказкѣ. Въ другой русской сказкѣ — „набитой дуракъ“ (ib. № 226) мать посылаетъ какъ-то дурака къ людямъ потереться около нихъ и понабраться ума. Она даетъ ему нѣкоторые совѣты, что и какъ дѣлать въ разныхъ случаяхъ, чтобы заслужить себѣ отъ людей похвалу за помощь, доброе пожеланіе имъ и пр.; и то и другое дуракъ старается исполнить, но исполняетъ какъ разъ не тамъ и не тогда, когда нужно: во время похоронъ онъ пляшетъ и играетъ, на свадьбѣ кричить „канунъ да ладанъ!“ и пр. и пр., и отовсюду его провожаютъ одними лишь побоями. И татарская сказка во второй ея половинѣ весьма близко подходитъ къ этой русской по своему замыслу: мать даетъ дураку тѣ же совѣты и съ тѣми же результатами для дурака, но при совершенно другихъ только, какъ мы видимъ это изъ текста самой сказки, обстоятельствахъ.

Мы имѣемъ еще одну русскую сказку съ такимъ же содержаніемъ — „дуракъ и береза“ (ib. № 225). Первая половина ея рассказываетъ о подобныхъ же похожденіяхъ дурака, который продалъ быка березѣ, потомъ требуетъ съ нея деньги и, не получая ихъ, срубаетъ ее въ наказаніе за обманъ. Но въ деревѣ оказалось дупло, гдѣ разбойники когда-то спрятали полный кошель золота. Набравъ золота, сколько могъ, и отнеся домой, дуракъ вторично пришелъ за нимъ уже въ сопровожденіи своихъ двухъ братьевъ. На обратномъ пути имъ попадается дьячекъ и спрашиваетъ ихъ, что они несутъ. Опасаясь сообщать людямъ о своей находкѣ, братья отвѣтили, что у нихъ грибы, но дуракъ, по своему обыкновенію, сказалъ ему правду. Дьячка тотчасъ обуялъ духъ жадности, онъ бросился къ золоту и сталъ хватать его пригоршнями и совать себѣ въ карманъ. Дуракъ разсердился, ударилъ его топоромъ и убилъ. Стали упрекать умные дурака, но было уже поздно, и вотъ они стащили тѣло въ пустой погребъ и бросили тамъ, а ночью тайно отъ дурака убили возла и спустили его въ тотъ же погребъ, мертвое же тѣло схоронили. Когда вскорѣ стали розыскивать дьячка, дуракъ заявилъ, что онъ

убилъ его, а братья стащили тѣло въ погребъ. Дурака заставили спуститься туда. Онъ ползъ въ погребъ, досталъ возлиную голову и спрашиваетъ: „вашъ дьячекъ черный?“ — „Черный,“ отвѣтили ему. „И съ бородой?“ — „Да, и съ бородой.“ — „И рога есть?“ — „Какіе тамъ рога, дуракъ!“ — „А вотъ, смотрите!“ и онъ выбросилъ голову. Люди смотрятъ, — дѣйствительно, возель, плюнули дураку въ глаза и разошлись.

Анализируя этотъ разсказъ, прежде всего замѣчасмъ, что послѣдняя сцена о дьячкѣ искусственно прикрѣплена къ разсказу о березѣ и находкѣ золота. Нѣтъ, конечно, никакой естественности въ томъ, что дьячокъ вдругъ бросается на троихъ людей и выхватываетъ у нихъ золото. Очевидно, эта сцена нужна была для того лишь, чтобы заставить дурака убить дьячка и потомъ опять послѣдовательно уже вести разсказъ о новой сценѣ, да и дураку въ виду того, что онъ вообще выводится безкорыстнымъ существомъ, всѣми обижаемымъ, всякому уступающимъ, логичнѣе было-бы и тутъ уступить дьячку золото, а не убивать его: это скорѣе должны были сдѣлать именно его умные, но жадные братья. Въ этомъ мѣстѣ гораздо естественнѣе татарскій разсказъ, гдѣ дуракъ, встрѣтивъ старика, вообразилъ, что имѣетъ дѣло съ одной изъ искусавшихъ его собакъ и, во исполненіе совѣта своей матери, убиваетъ его, — естественнѣе потому, что въ подобныхъ сказкахъ вообще и всюду дуракъ одинокъ предметъ принимаетъ за другой: пни за ребятъ, воронъ за казихъ-то сестрицъ и, будучи послѣдователенъ себѣ, старика за собаку. Далѣе, спустившись въ погребъ, дуракъ, по татарской сказкѣ, прежде всего, конечно, и обращаетъ вниманіе на рога возла и объ нихъ прежде всего и задаетъ вопросъ. Это такъ именно и должно быть, потому что, во 1-хъ, въ темномъ погребѣ не до различенія цвѣтовъ, что заставляетъ дѣлать дурака — русская редакція, во 2-хъ, борода возла не могла обратить на себя вниманія дурака, равно какъ бессмысленно было спрашивать ему и о цвѣтѣ потому, что борода есть общій придатокъ и возла и человѣка и не дѣлаетъ различе-

нія между тѣмъ и другимъ, и лишь въ послѣдахъ дуракъ задаетъ вопросъ о рогахъ, между тѣмъ какъ руки его должны были коснуться ихъ прежде всего, когда онъ нашель въ погребѣ групу козла. Этотъ вопросъ единственно естественный и долженъ былъ-бы въ русской сказкѣ и поставленъ быть на первомъ мѣстѣ, что и сдѣлала татарская, но, такъ какъ тогда прямо исключалась бы возможность для сказки распростра- ниться въ ширь и заставить дурака предложить нѣсколько лиш- нихъ вопросовъ, то она и ставитъ его въ-третьихъ, нисколько не заботясь о логикѣ. Выводъ же отсюда, конечно, тотъ, что менѣе запутанный, болѣе естественный разсказъ, есть и болѣе древняя редакція, каковой, слѣдовательно, и должна считаться татарская. Я укажу здѣсь еще на одну несообразность въ русской сказкѣ „Иванушко-дурачекъ“, которая приведена мной выше въ пересказѣ. Мы видѣли, что въ этой русской сказкѣ повторены и другія сцены татарской о столѣ, соли, ложкахъ. Но откуда-же въ русскомъ разсказѣ вдругъ взялись блюда съ съѣстными припасами, которые дуракъ выставилъ воронамъ? Объ нихъ ни однимъ словомъ не упоминается въ перечнѣ того, что закупилъ дуракъ на базарѣ,—тамъ приве- дены лишь столъ, ложки, чашки и соль, и всѣмъ этимъ предметамъ сказка и отводитъ свое мѣсто. Очевидно, что здѣсь опять искусственно введена лишняя сцена для большей занимательности; заимствование сказки было сдѣлано, а вста- вить новую сцену успѣли лишь механически, вслѣдствіе чего это неловкое введеніе стоитъ особнякомъ и даетъ основа- тельный поводъ заподозрить національное развитіе сюжета, какъ то-же самое мы увидимъ нѣсколько ниже въ татарской сказкѣ о падчерицѣ. Въ татарской редакціи всѣ эти сцены тѣсно сгруппированы въ одно цѣлое и, вѣроятно, заимствуе- мыя русскимъ эпосомъ по отдѣльности, онѣ обставлялись иными подробностями, искусственно присоединялись къ суще- ствовавшимъ, быть можетъ, уже ранѣе разсказамъ о такихъ же приключеніяхъ дурака или же вновь создававшимся подъ вліяніемъ заимствованнаго сюжета. Въ самомъ дѣлѣ, подоб-

ные рассказы сильно распространены на востокѣ, и мы убѣдимся въ томъ, что и этотъ мотивъ и развитіе его цѣликомъ восточнаго происхожденія, если сравнимъ еще съ этими русскими сказками рассказы у другихъ племенъ, обитающихъ на окраинахъ Россіи. У сванетовъ, напр., въ сказкѣ о дуракѣ ¹⁾ также рассказывается тотъ эпизодъ, какъ дуракъ этотъ продалъ корову дереву въ лѣсу (ср. русскую сказку), но, не получая денегъ за нее, срубилъ его и нашель подъ корнями котель съ золотомъ. Онъ взялъ оттуда только 25 руб., за которые уступилъ корову, а за остальными деньгами отправился уже его старшій братъ. Далѣе, во всемъ мусульманскомъ мірѣ—у персовъ, туровъ, азербейджан, крым. и казанскихъ татаръ, русскихъ сартовъ и пр. весьма популярны рассказы про Насръ-Эддина, ученаго муллу, жившаго въ концѣ 14-го и началѣ 15-го вѣка въ Малой Азіи и притворяшагося юродивымъ ²⁾. Въ нихъ повторяется рѣшительно то-же самое, что рассказывается, напр., въ русской сказкѣ о набитомъ дуракѣ, который то трется въ буквальномъ смыслѣ о мужиковъ, полагая, что такъ именно и надо понимать слова своей матери, совѣтовавшей ему потереться около людей, чтобы понабраться ума, то желаетъ другимъ носить—не переносить, возить—не перевозить покойниковъ, то желаетъ людямъ молотить три дня и намолотить всего лишь три зерна и т. под. Точно также и Насръ-Эдинъ на свадьбѣ читаетъ заупокойную молитву; человѣку, рѣзавшему свинью, вмѣсто того, чтобы пожелать ему: „да будетъ на пользу, да наполнится домъ и да наполнятся горшки“, говоритъ то, что говорится при покойникѣ, а это послѣднее пожеланіе о наполненіи дома и горшковъ высказываетъ испражняющемуся человѣку и т. д.

¹⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 10., 1890 г., отд. III, стр. 14.

²⁾ Рассказы про Насръ-Эддина см. въ Извѣст. Общ. Археологін, Ист. и Этногр. при Казан. Унив. за 1894 г., т. 12, стр. 190 и т. 13, стр. 70 и сл.

Итакъ, въ итогѣ мы должны опять придти къ тому заключенію, что татарская редакція этой сказки о дуракѣ чище, не запутана излишними сценами и не противорѣчитъ себѣ, какъ русская, и въ то же время мотивъ ея такъ сильно распространенъ на мусульманскомъ востокѣ, что она и должна быть признана за первоначальную, изъ которой, безъ сомнѣнія, и образовались русскія сказанія на тотъ же сюжетъ.

Однимъ изъ любимыхъ мотивовъ русскаго народнаго эпоса являются отношенія между злой мачихой и падчерицей. Основная мысль всѣхъ сказокъ съ этимъ содержаніемъ та, что доброта, покорность своей судьбѣ, повиновеніе старшимъ при ихъ, хотя-бы и несправедливыхъ, требованіяхъ и непосильномъ обремененіи работой, состраданіе къ людямъ—должны получить въ концѣ концовъ свою награду, злоба же, эгоизмъ и т. под. отрицательныя черты никогда не остаются безъ должнаго возмездія. Эти идеи выражаются во многихъ русскихъ сказкахъ подъ различными заглавіями: „Морозко“ (Аф. № 52), „дочь-падчерица“ (№ 54), „Баба-яга“ (№ 58) и др. Тѣ же самыя мысли проводятся и въ татарской „падчерица“, и здѣсь опять наблюдается самое сильное сходство между ними не только съ этой стороны, но и со стороны развитія дѣйствія и даже тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя попадаетъ падчерица. Въ русскихъ—падчерица оставляется отцомъ своимъ, дѣйствующимъ по настоянію мачихи, то въ сугробѣ снѣга среди чистаго поля, но не замерзаетъ потому, что умѣетъ ласково отвѣтить на вопросы Мороза, и тотъ, сжалившись надъ ней, богато одѣваетъ ее и снабжаетъ большимъ сундукомъ, полнымъ всякаго приданаго, то она попадаетъ въ землянку въ лѣсу, и, научаемая мышками, которыхъ она покормила по своей добротѣ, успѣшно играетъ съ медвѣдемъ въ жмурки и награждается имъ за то стадомъ коней и возомъ всякаго добра. Но далеко не такъ счастливо обходится другая дочь мачихи, которую послѣдняя также отправляетъ то въ поле, по одной сказкѣ, то въ лѣсъ въ землянку,

по другой, въ надеждѣ, что и эта, любимая ею, дочь привезетъ ей столько-же, если еще не болѣе, разнаго добра и богатства. Родная дочь мачихи оказывается не такъ добра и ласкова, чтобы привѣтливо отвѣтить Морозу или накормить мышекъ и жестоко платится за это: въ первомъ случаѣ она замерзаетъ, а во второмъ—ее задушаетъ и съѣдаетъ медвѣдь. И въ этихъ вариантахъ русскихъ сказокъ и въ татарской на сцену выводятся собаки, которыя оба раза встрѣчаютъ старика, возвращающагося изъ поѣздки за дочерями: собаки эти напередъ знаютъ, что случилось съ той или другой дочерью и пролаиваютъ это при приближеніи старика. Въ вышеупомянутой русской сказкѣ „Баба-яга“ отецъ также подъ вліяніемъ мачихи отвозитъ дочь свою къ Бабѣ-ягѣ, и послѣдняя, испытавъ ея исполнительность, покорность и аккуратность при выполненіи задаваемыхъ ей разныхъ трудныхъ работъ, щедро награждаетъ ее. Когда же старикъ привезъ къ ней и другую дочь свою, то та нашла себѣ здѣсь смерть, потому что не умѣла исполнить работы, заданной ей колдуньей. Слѣдовательно, даже и типъ Бабы-яги въ этой сказкѣ тотъ-же самый, что и въ татарской „карчык убыр“, т. е. старухи-колдуньи ¹⁾. И опять, когда старикъ возвращается домой сначала съ разбогатѣвшей дочкой, а потомъ съ костями другой, ему на встрѣчу выбѣгаютъ собаки и пролаиваютъ то-же, что и въ предъидущихъ сказкахъ. Итакъ, разница здѣсь въ татарской и русской сказкахъ самая небольшая,—лишь въ тѣхъ работахъ, которыя задаетъ этой падчерицѣ Баба-яга или старуха колдунья.

Интересно, что въ этой татарской сказкѣ о падчерицѣ упоминается волшебный, повидимому, клубокъ, въ которому обращается въ затруднительныхъ случаяхъ и падчерица и

¹⁾ Эта карчык убыр — قرقچ اوبیر известна и у чувашъ подъ именемъ «вобуръ»: полное звуковое и по значенію сходство съ нашимъ «уцыр», о которомъ *Аванасьевъ* дѣлаетъ разныя догадки въ «поэтич. возвр. слав. на природу»: т. 3, стр. 563.

сестра ея, оставленная въ лѣсу своимъ братомъ, и изъ того, что значеніе этого клубка въ татарской сказкѣ не выяснено точно и опредѣленно, и онъ не оказываетъ никакого вліянія на положеніе одинокой дѣвушки въ лѣсу, хотя она то и дѣло обращается къ нему съ одними и тѣми-же словами, я думаю, что эта сцена съ клубочкомъ заимствована въ эту татарскую сказку изъ русскихъ, гдѣ тотъ же клубокъ играетъ вполне опредѣленную роль и всегда указываетъ герою сказки путь въ таинственныя страны, по которому ему должно слѣдовать ¹⁾. Очевидно, значеніе этого клубка въ русскихъ сказкахъ не усвоено вполне татарской, и сцена съ клубкомъ остается въ ней какою-то посторонней, вводной и лишь усложняющей и затемняющей смыслъ и ходъ дѣйствія; но эта вставка—самаго позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ въ другихъ вариантахъ этой сказки—этой сцены мы вовсе не находимъ. Въ одномъ сборникѣ татарскихъ сказокъ ²⁾ приведенъ вариантъ той же самой сказки съ тѣмъ же самымъ ходомъ дѣйствія, но дѣвушка не имѣетъ никакого клубка и при встрѣчѣ съ пастухами и колдуньей она просто спрашиваетъ ихъ, не видали-ли они ея брата. Она получаетъ отъ нихъ на это отрицательный отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ болѣе послѣдователенъ, чѣмъ тотъ утвердительный, который она получаетъ въ приведенной нами сказкѣ, такъ какъ въ ней, несмотря на это, никто изъ встрѣчающихся на пути пастуховъ все-таки не указываетъ ей ни дороги къ нему, ни гдѣ онъ находится, и она, плача, продолжаетъ свой путь далѣе и далѣе. Здѣсь мы видимъ случай вліянія или позаимствованія сказаній однимъ народомъ на счетъ другого, но позаимствованіе, не усвоенное еще вполне первымъ, почему это-то наслоеніе и можно такъ легко отдѣлить отъ коренной основы, которая, очевидно, имѣетъ у нашихъ инородцевъ также не малое распространеніе:

¹⁾ *Аванас*. № 71—в, № 94—стр. 492, № 102—стр. 39 и др.

²⁾ *Bálint Gábor*: *Kazáni-tatár szövegek és fordítás*; Budapest, 1875, стр.

мы встрѣчаемъ ее, между прочимъ, и у сартовъ ¹⁾. Мотивъ тутъ тотъ-же самый, небольшая разница лишь въ развитіи дѣйствія и, кромѣ того, сказка кончается совершенно иначе. Мачиха, какъ и вездѣ въ сказкахъ, ненавидитъ неродныхъ для нея дѣтей—пятерыхъ дочерей и одного сына и добивается того, что старикъ соглашается, наконецъ, избавить ее отъ нихъ. Онъ запрягаетъ лошадь въ арбу и беретъ ихъ съ собой собирать тутовые ягоды. Отыскавъ старый высокій тутъ среди поля, онъ даетъ наказъ дѣтямъ подбирать внизу ягоды, которыя онъ будетъ сбивать съ дерева, взобравшись на него и стуча колотушкой по сучьямъ, и не глядѣть вверхъ, такъ какъ на поднявшаго голову тотчасъ упадетъ толстая вѣтвь и убьетъ его. Постукавъ немного, онъ привязалъ колотушку къ вѣтвѣ, раскачалъ ее, а самъ слѣзъ съ дерева и тихонько уѣхалъ домой. Дѣти долго еще продолжали собирать ягоды, пока узнали, что отца ихъ нѣтъ ни на деревѣ, ни возлѣ—въ полѣ. Погоревали брошенные дѣти и пустились на-угадъ. Далѣе сказка идетъ иначе и становится почти совершенно похожей на нашу „сестрица Алѣнушка, братецъ Иванушка“ *Аван.* № 146): всѣ дѣти, за исключеніемъ старшей, напившись нечистой воды, превращаются одинъ за другимъ въ обезьяну, волка, тигра и дикую козу; эта послѣдняя слѣдуетъ за сестрой и послѣ помогаетъ царю, женившемуся на этой дѣвушкѣ, обнаружить обманъ своихъ другихъ 39-ти женъ, надъ которыми онъ поставилъ ее главной и которыя изъ зависти утопили ее въ пруду. Тотъ же мотивъ встрѣчается у закавказскихъ татаръ ²⁾, но старикъ, убѣжавшій отъ дочери, завезенной имъ въ лѣсъ за цвѣтами, повѣсилъ на дерево свою папаху, а дочь его, вернувшись къ этому мѣсту, подумала, что онъ превратился въ дерево. Заплутавшись, она

¹⁾ См. *Н. П. Остроумовъ*: Сарты, этногр. матеріалы, вып. 2, Ташкентъ, 1892, стр. 95, ск. № XVI «злая мачиха и коварныя жены царя».

²⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк., вып. 6, 1888 г., отд. 2, стр. 101, ск. № 4—«злая мачиха».

встрѣчаетъ въ лѣсу царевича и становится его женой. Случайно она узнаетъ своего отца въ нищемъ, который просилъ подъ окномъ милостыню и посылаетъ его за своей матерью, не помня ея зла. Но та, раздосадованная такимъ оборотомъ дѣла, велитъ старику завести чъ лѣсъ и свою дочь, чтобы и она стала царицей. Дочь ея, оставленная въ лѣсу, такъ громко хныкала, что сбѣжались звѣри и растерзали ее, а мачиха въ горѣ и досадѣ убила и сама.

Такимъ образомъ, хотя одна отдѣльная сцена этой татарской сказки о падчирицѣ и заимствована изъ русскихъ, повидимому, сказаній, однако вся сказка настолько распространена у татаръ и имѣетъ настолько оригинальную композицію, что должна считаться во всякомъ случаѣ самостоятельной.

Слѣдующая сказка—о Гюль-Назыкѣ является также самостоятельнымъ восточнымъ сказаніемъ о встрѣчѣ съ человекомъ одного изъ нечистыхъ духовъ, по повѣрьямъ татаръ,— „дивъ-пери.“ Дивы эти являются человеку обыкновенно въ лѣсахъ и въ поляхъ и притомъ въ различныхъ видахъ. Живутъ они въ особенныхъ городахъ своихъ подъ землею и моремъ, но также и на землѣ, гдѣ они, между прочимъ, владѣютъ тѣми мѣстами, въ которыя положенъ владѣ. Существа эти непримиримо враждебны татарину, но бываетъ и такъ, что сообразительный татаринъ перехитряетъ ихъ, какъ, напр., въ приведенной сказкѣ, или же заставляетъ ихъ отступить предъ „бисмилля.“ т. е. „во имя Бога единого“. Этотъ дивъ *دو پر* есть дивъ нашего Слова о полку Игоревѣ: „дивъ влечетъ верху древа“, это дивъ украинской клятвы: „щобъ на тебе дивъ пришовъ“, дивъ сербскихъ пѣсенъ, болгарскихъ загадокъ и пр. Сочетаніе „дивъ-пери“=*دو پر* въ строгомъ смыслѣ не точно, такъ какъ дивъ есть злой духъ, а перидобрый: „дивъ=зена. *daēva*=genius malus, daemon; пери=зена. *pairika*=angelus, spiritus bonus“¹⁾). Въ русскихъ сказ-

¹⁾ *J. A. Vullers: lexicon persico-latinum, Bonnae, 1855,*—подъ соответствующими словами.

кахъ нѣтъ подобной этой татарской „Гюль-Назыкъ“, хотя тотъ способъ, которымъ Гюль-Назыкъ удаляетъ изъ своего дома дива, живо напоминаетъ заключительную сцену одной русской сказки „змѣй и цыганъ“ (Ае. № 86): когда цыганъ со змѣемъ подѣзжали къ дому цыгана, послѣдній, указывая змѣю на выбѣжавшихъ имъ на встрѣчу дѣтей своихъ, сказалъ ему: „то мои дѣти! чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся!“ Напуганный змѣй поспѣшилъ бѣжать. Совершенно также и Гюль-Назыкъ даетъ понять диву, что онъ съ семьей употребляетъ дивовъ въ пищу и, желая будто-бы угостить его, велитъ своей женѣ принести оставшуюся отъ вчерашняго обѣда голову дива, чѣмъ и заставляетъ своего гостя поспѣшно бѣжать изъ его дома ¹⁾. Сильнѣе русская сказка „цыганъ и змѣй“ подходит къ одной киргизской „старикъ и дивъ“ ²⁾, въ которой повторяется тотъ же самый почти мотивъ. Одинъ бѣдный старикъ, рѣшивъ состязаться силами съ дивомъ, предлагаетъ ему сначала вышибить изъ земли мозгъ, помѣряться потомъ величиной своихъ вшей и, наконецъ, вырывать съ корнями деревья. Во всѣхъ этихъ задачахъ онъ весьма просто осиливаетъ дива: ударивъ ногой въ землю въ то мѣсто, гдѣ имъ заблаговременно былъ зарытъ кувшинъ съ молокомъ, онъ разбилъ его и разбрызгалъ молоко, тогда какъ у дива не вышло ничего, сколько онъ ни топалъ, и эта сцена напоминаетъ ту русскую, когда цыганъ со змѣемъ выжимаютъ воду изъ камней; вмѣсто вши онъ вытащилъ изъ-за пазухи черепаху, и та побѣжала отъ него иноходью, а онъ выдалъ ее за свою вошь. Не будучи въ состояннн выдернуть дерево, онъ заявилъ диву, что если онъ выдернетъ его, то убьетъ дива, а если подброситъ вверхъ,

¹⁾ Эта же самая сказка о Гюль-Назыкѣ въ вольномъ переводѣ А. К. Насырова приведена въ Запискахъ Император. Русскаго Географич. Общ-ва по отдѣленію Этнографіи, т. 6., Петерб., 1880, стр. 258 и сл.

²⁾ См. Этнографич. матеріалы въ Сборникѣ матеріаловъ для статист. Смыръ—Дарьинской области, т. VI., Ташкентъ, 1897, ч. 2-ая, стр. 107.

то уничтожить и солнце; дивъ, конечно, просиль его не дѣ-
лать этого, обѣщая дать ему за это кусокъ золота, что толь-
ко и нужно было старику. Послѣ того дивъ повелъ старика
къ себѣ въ домъ и оставилъ ночевать, а ночью, сговорив-
шись съ женой, рѣшилъ изрубить его. Но старикъ слышалъ
ихъ разговоръ и спрятался, а когда дивъ ударилъ пашкой
въ то мѣсто, гдѣ лежалъ старикъ, послѣдній сталъ ворчать,
что его кусаютъ блохи и онъ не имѣетъ покоя и что ут-
ромъ онъ постарается расправиться за это съ дивомъ. Дивъ
напугался, наградилъ его золотомъ и самъ принесъ его въ
домъ къ старику. Старикъ, между тѣмъ, велѣлъ женѣ приго-
товить обѣдъ: „приготовь, сказалъ онъ, грудинку прежняго
дива, а если нѣтъ, то голову вотъ этого“, указалъ онъ на
пришедшаго вмѣстѣ съ нимъ. Дивъ убѣждалъ отъ него, но на
встрѣчу ему попалась лисица и стала увѣрять его, что ста-
рикъ этотъ совершенно безсиленъ, что она и то обираетъ
его и выдаиваетъ у него козу, и они повернули назадъ. Ког-
да же старикъ увидалъ, что они возвращаются, онъ крикнулъ
лисицѣ, что, вѣроятно, она ведетъ этого дива къ нему въ
счетъ стараго долга ему своихъ родителей, и дивъ, услы-
хавъ это, схватилъ лисицу за хвостъ, ударилъ ее объ землю
и убилъ, а самъ убѣждалъ. Итакъ, эта киргизская сказка въ
сценахъ состязанія человѣка съ дивомъ вполне походитъ на
русскую „цыганъ и змѣй“, гдѣ цыгану также приходится
прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобы убѣдить змѣя въ
превосходствѣ своихъ силъ. Заключительная сцена этой кир-
гизской сказки напоминаетъ и русскую и татарскую, а фра-
за старика, когда онъ заказываетъ своей женѣ обѣдъ для
угощенія гостя или когда онъ обращается къ лисицѣ, воз-
вращающейся съ дивомъ,—совершенно одна и та-же, что и
въ татарской.

Нѣчто подобное же рассказывается и въ вотяцкихъ
сказкахъ ¹⁾. Нѣкто Иманай занимался въ лѣсу охотой изъ

¹⁾ См. Извѣст. Импер. Казан. Унив. 1892, ск. № 14.

лука на звѣрей. Однажды онъ встрѣтился съ духомъ Шурали (то же, что пашъ лѣшій), который за что-то порѣшилъ его убить; охотникъ заподозрилъ это и потому ночью, пока Шурали спалъ, положилъ на свое мѣсто чурбанъ и прикрылъ его одеждой, а самъ спрятался въ лѣсу. Шурали проснулся, взявъ заостренный желѣзный колъ и, раскаливъ его на огнѣ, воткнулъ въ чурбанъ, думая, что тутъ подъ одеждой лежитъ охотникъ; а тотъ въ это время пустилъ въ него изъ лука стрѣлу. Далѣе сказка идетъ иначе. У закавказскихъ татаръ мы опять находимъ подобный же разсказъ о встрѣчѣ одного труса съ дивомъ ¹⁾. Герой этой сказки былъ настолько трусливъ, что боялся одинъ выходить изъ дому даже по неотложной надобности на дворъ и его всегда сопровождала въ такихъ случаяхъ жена. Онъ, наконецъ, былъ выгнанъ своей женой и вотъ встрѣчается съ дивомъ, съ которымъ и рѣшается состязаться въ силахъ. Стали они давить камни, чтобы выжать изъ нихъ разнообразныя воды, и трусъ одерживаетъ верхъ тѣмъ, что раздавливаетъ яйцо и выпускаетъ изъ него желтое съ бѣлкомъ, тогда какъ дивъ могъ раздавить камень только въ песокъ. Далѣе повторяется сцена съ черепахой, выдаваемой имъ за вошь и, наконецъ, дивъ бѣжитъ отъ него, но встрѣчаетъ лису и т. д. Эта сказка извѣстна также у вурдовъ подъ тѣмъ-же названіемъ и въ такомъ же пересказѣ, но тутъ лишь мать оставляетъ своего сына въ полѣ и не пускаетъ домой ²⁾. Опять повторяется, между прочимъ, сцена съ раздавланіемъ яйца,—прототипъ, слѣдовательно, раздавланія камней въ русской сказкѣ цыганомъ и змѣемъ, повторяется сцена съ лисой, какую мы видѣли уже раньше.

У горскихъ татаръ мы снова встрѣчаемъ разсказъ о трусѣ, выгнанномъ своими двумя женами ³⁾. Трусъ встрѣ-

¹⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 6, 1888 г., отд. 2, стр. 109 «о трусѣ».

²⁾ Ibid. вып. 20, 1894 г., отд. 2, стр. 21—«трусъ».

³⁾ Ibid. вып. 23, 1897 г., отд. 3., стр. 13, сказ. № 2—«трусъ».

часть Емегена, одноглазаго исполина со многими головами (=Ельбигенъ тобольскихъ татаръ) и пробуетъ съ нимъ свои силы на выдавливаніи изъ камней воды; вмѣсто яйца трусъ давить здѣсь кружокъ сыра, который держалъ у себя въ рукахъ. За обѣдомъ трусъ, поѣвъ обычное для человѣка количество мяса, оправдывается предъ Емегеномъ тѣмъ, что онъ далъ обѣтъ воздерживаться нѣкоторое время отъ пищи, т. е. то же, что и въ русской, гдѣ цыганъ предпочитаетъ разсердиться и совсѣмъ не ѣсть, чтобы не выдать себя предъ змѣемъ. Когда Емегенъ пришелъ въ домъ къ этому трусу, то жены послѣдняго подаютъ ему совѣтъ избавиться отъ него, намекнуть, что они употребляютъ Емегеновъ въ пищу. Онъ такъ и дѣлаетъ и громко велитъ женѣ своей зажарить шашлыкъ изъ мяса Эмегена. Тотъ бѣжитъ отъ него, встрѣчаетъ дорогой лисицу, которая уговариваетъ его вернуться, но, опять введенный въ обманъ словами труса, обращенными къ лисѣ, убиваетъ лису и окончательно убѣгаетъ.

Замѣтивъ вообще, что крылатые и многоголовые змѣи, такъ часто выводимые въ нашихъ сказкахъ, не могутъ быть ни созданіемъ фантазіи славянскихъ народовъ, ни олицетвореніемъ какихъ либо небесныхъ явленій, какъ молніи, тучи, бури и пр. и должны быть непременно привнесены въ нашъ народный эпосъ съ востока, хотя-бы изъ тѣхъ-же индійскихъ сказаній, потому что самый образъ этого чудовища долженъ былъ быть взятъ, конечно, изъ какихъ нибудь реальныхъ образовъ, безъ которыхъ онъ не могъ бы и создаться, которые человѣкъ могъ-бы наблюдать въ окружающей его природѣ и которые заключала и заключаетъ въ себѣ только роскошная природа тропическихъ странъ въ видѣ дѣйствительно существующихъ громадныхъ змѣй, удавовъ и др. звѣрей, область географическаго распространенія каковыхъ не простирается высоко къ сѣверу, замѣтивъ, между прочимъ, то же самое и относительно другихъ таковыхъ же животныхъ, звѣрей или птицъ, какъ левъ, жаръ-птица и пр. и пр., т. е. что всѣ эти сказки не могутъ не быть съ значительной долей примѣси

восточныхъ сказаній, замѣтимъ въ частности, что и эта русская подъ заглавіемъ „змѣй и цыганъ“ въ виду изложенныхъ обстоятельствъ и въ виду распространенности того-же мотива — встрѣчи человѣка съ чудовищемъ, ихъ стремленія избавиться другъ отъ друга, ихъ соперничанья въ своихъ силахъ, при чемъ верхъ беретъ всегда человѣкъ,—въ виду распространенности ея у инородцевъ, какъ-то: татаръ, киргизъ, вотяковъ, также должна быть отнесена скорѣе къ разряду не самостоятельныхъ, но заимствованныхъ. По крайней мѣрѣ, это съ такой очевидностью доказывается ея отдѣльными сценами, какъ выжиманіе изъ камня воды, обѣдъ у змѣя или дива, возвращеніе домой, что можно съ полной увѣренностью выдать ее за восточное произведеніе, перешедшее къ намъ, безъ сомнѣнія, отъ или чрезъ посредство тюркскихъ племенъ, вообще оказывавшихъ и оказывающихъ такое сильное вліяніе на языкъ, нравы и самыя вѣрованія русскаго народа.

Слѣдующая сказка—„Байдыкъ“ представляетъ изъ себя скорѣе шуточный рассказъ о походепціяхъ и приключеніяхъ одного человѣка, который постоянно попадаетъ въ затруднительное положеніе. Въ русскихъ сказкахъ нѣтъ сходной съ ней за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ мелкихъ сценъ, но это на столько общее и неопредѣленное сходство, что, конечно, говорить здѣсь о какой нибудь связи ихъ съ русскими было-бы по меньшей мѣрѣ не научно. То, напр., мѣсто сказки, гдѣ Байдыкъ попадаетъ въ глубокой оврагъ, напоминаетъ собой, какъ Иванъ-царевичъ былъ брошенъ въ пропасть своими братьями (Дѣ. № 104-с); та сцена, гдѣ Байдыкъ навиваетъ себѣ на руку хвостъ волка, и этотъ хвостъ разрывается отъ тяжести, которую приходилось тащить волку изъ оврага,—знакома также и русской сказкѣ, хотя сопровождающія ее обстоятельства совершенно иныя (ib. № 24-b): портной, котораго хочетъ съѣсть волкъ, навиваетъ себѣ на руку его хвостъ и потомъ бьетъ волка до тѣхъ поръ, пока тотъ не отрываетъ хвоста и не убѣгаетъ отъ него. Но сказокъ, сходныхъ съ разбираемой татарской по общему харак-

теру ея, по ея шутливому тону, въ которомъ разсказывается о приключеніяхъ героя, существуетъ большое количество и среди русскихъ, хотя по сюжету всѣ онѣ отстоятъ слишкомъ далеко отъ этой татарской, чтобы ихъ можно было сопоставить между собой въ чемъ нибудь иномъ, кромѣ этого общаго характера.

Полнымъ сходствомъ съ русскими отличается еще одна татарская сказка „три сына“, именно ея вторая часть, занимающаяся исключительно третьимъ сыномъ. Русскія сказки имѣютъ двѣ варіаціи на ту же самую тему: „Шабарша“ (Ае. № 88) и „Иванко-Медвѣдко“ (ib. № 89); первая изъ нихъ вполне сходна съ татарской, но въ ней нѣтъ лишь той сцены, гдѣ чертенокъ спорить съ человѣкомъ, кто изъ нихъ сможетъ пронести вокругъ озера жеребца, а съ другой стороны—она имѣетъ по сравненію съ татарской двѣ лишнія: бѣгъ чертенка въ перегонки съ зайцемъ и споръ о томъ, кто сильнѣе свиститъ. Сцена съ лошадыю приводится за то въ сказкѣ „Иванко-Медвѣдко“, но ни та, ни другая изъ русскихъ сказокъ не имѣютъ конца татарской, того конца, гдѣ чертенокъ едва спасается отъ предложеннаго ему угощенія и собаку въ домѣ человѣка, съ которымъ онъ передъ этимъ спорилъ; не встрѣчается и разговоръ между чертенкомъ и этимъ человѣкомъ по пути къ дому послѣдняго. Имѣются еще двѣ варіаціи этой татарской сказки ¹⁾; обѣ онѣ оканчиваются на томъ, какъ чертенокъ накладываетъ своему сопернику-человѣку деньги и шляпу и вырытую подъ ней яму, но въ первой чертенокъ откупается отъ него, не пробуя даже состязаться съ нимъ въ силѣ и ловкости, вторая же разсказываетъ дѣло такъ, какъ и въ вышеприведенной татарской сказкѣ, но, какъ уже было замѣчено, она также не имѣетъ заключительной сцены между чертенкомъ и человѣкомъ въ домѣ послѣдняго. Подобная же сказка известна и у Карагасовъ, но разсказывается она кратко и безо всякихъ

¹⁾ *Bálint Gábor: Kazáni—tatár szövegek es fordítás, стр. 32 и 49.*

объясненій ¹⁾). Начинается она прямо съ того, что, когда одинъ человекъ налаживалъ на берегу сѣть, изъ воды вышелъ водяной духъ и сталъ съ нимъ бороться, но былъ побѣжденъ. На другой день онъ опять вышелъ изъ воды, но человекъ предложилъ ему помѣряться силами съ его младшимъ братомъ-медвѣдемъ, и духъ опять былъ побѣжденъ. Тогда они стали состязаться въ томъ, кто изъ нихъ дальше сможетъ забросить какой-нибудь предметъ; духъ забросилъ свой кнутъ за облако, а человекъ побѣдилъ его тѣмъ, что закинулъ талину за себя, такъ что духъ ее и не видалъ. Тотъ призналъ себя побѣжденнымъ и дозволилъ людямъ ловить рыбу, а самъ обѣщалъ не выходить изъ воды. Очевидно, что эта сказка по ея неотдѣланности, краткости и другимъ чертамъ есть отголосокъ татарской. Вотьякамъ извѣстна эта сказка о спорѣ человека съ водянымъ изъ-за озера, но, по всѣмъ признакамъ, она перешла къ нимъ также отъ татаръ черезъ посредство, какъ увидимъ ниже, черемисъ ²⁾): въ началѣ сказка заявляетъ, что у одного человека было три сына (какъ и въ татарской), но на сценѣ фигурируетъ лишь одинъ, а объ остальныхъ двухъ не упоминаетъ вовсе. Сцены состязанія почти тѣ-же самыя, что и въ татарской: сначала борьба, но съ медвѣдемъ, какъ въ карагасской; затѣмъ, бѣгъ въ перегонки съ зайцемъ, какъ въ русской „Шабарша“, метаніе дубины на облако и сцена съ кобылой—какъ въ татарской; наконецъ, человекъ также получаетъ денегъ полную яму и шляпу, прикрывающую ее собой. По дорогѣ въ дому его онъ велитъ зачѣмъ-то водяному захватить мельничный жерновъ и борону, но для чего сюда введены эти предметы, остается невыясненнымъ,—вѣроятно, потому только, что они встрѣчаются въ татарской.

¹⁾ *Н. О. Катановъ*: Поѣдка къ Карагасамъ въ 1890 г. С.-Петербург. 1891, стр. 28.

²⁾ *Б. Гавриловъ*: Произведенія народной словесности: обряды и повѣрья вотьяковъ. Изд. Правосл. Миссіон. Общества. Казань. 1880, стр. 133, сказка № 12.

Водяного напугиваютъ тѣмъ, что хотятъ сварить его голову; отъ страха онъ, говоритъ сказка, приподнял уголь дома и выскочилъ. Эта послѣдняя фраза какъ будто цѣликомъ взята изъ татарской о Гюль-Назыкѣ. Наконецъ, въ этой вотяцкой сказкѣ водяной всюду называется пери, т. е. словомъ, взятымъ, очевидно, вмѣстѣ со сказкою отъ татаръ, такъ какъ это существо составляетъ предметъ вѣрованій татаръ. Но водяной даже названъ въ ней неправильно, потому что сами татары никогда не называютъ злого духа пери, но дивъ-пери или просто дивъ, у вотяковъ же удержалась только одна половина его имени. Наконецъ, черемисская сказка о томъ, какъ одинъ черемисинъ обманулъ чорта, напечатанная Т. С. Семеновымъ въ „Извѣст. Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Казан. Унив.“ (т. 14, вып. 1, 1897 г., стр. 121), весьма подробно останавливается на всѣхъ сценахъ состязанія человека съ чортомъ. Черемисинъ, говоритъ она, осматривая свою борть при озерѣ, замѣтилъ, что бортевыя веревки обтерлись. Онъ надралъ лыка и усѣлся на берегу вить веревку, а въ озерѣ этомъ, какъ оказалось, жилъ чортъ со своей матерью. Чортъ вылѣзъ изъ воды и, услышавъ отъ черемисина, что онъ хочетъ унести съ собой ихъ озеро, по приказанію матери своей вступаетъ съ нимъ въ разные состязанія: въ перегонки, гдѣ его въ первый разъ черемисинъ обогналъ верхомъ на лошади, а во второй отослалъ къ зайцу—своему брату; въ борьбѣ, гдѣ чорта одолеваетъ медвѣдь; въ чесаніи спины другъ другу, при чемъ черемисинъ спасается только тѣмъ, что обвязалъ себя въ семь рядовъ еловой корой, которую чортъ принялъ за его кожу; въ метаніи вистеня и въ свистѣ. Наконецъ, чортъ уступаетъ: насыпаетъ человѣку деньгами шляпу, яму подъ ней и самъ переноситъ все это въ домъ черемисина по желанію его. По дорогѣ чортъ захватываетъ лодку, которую черемисинъ выдаетъ за ткацкій челнокъ своей матери, мельничный жерновъ, выданный за веретенное вольцо, прясло изгороди, стогъ сѣна, стожарниязъ (т. е. жердь, которой поддерживается сѣно), соху, борону,—чтобы показать

послѣ эти удивительныя вещи своей матери. Войдя въ домъ, черемисинъ велѣлъ своей женѣ сварить къ обѣду голову пришедшаго съ нимъ чорта, но тотъ, услышавъ это, приподнялъ стѣну, высочилъ и убѣжалъ безъ оглядки. Итакъ, вотяцкая сказка, повидимому, отсюда именно воспользовалась нѣкоторыми эпизодами, не усвоивъ, однако, ихъ объясненія; я говорю про то, что и тамъ пери захватываетъ съ собой, но неизвѣстно для чего, разныя вещи. Но для насъ важна въ данномъ случаѣ распространенность этой сказки у инородцевъ,—татаръ, карагасовъ, вотяковъ, черемисъ, хотя-бы и заимствованной одними отъ другихъ, такъ какъ это можетъ служить доказательствомъ сильнаго вліянія татарскаго сказанія и самобытности его у татаръ; это тѣмъ болѣе, что сказки о трехъ сыновьяхъ съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ весьма распространены у всѣхъ угро-финскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ народовъ.

Много комическаго элемента заключается въ слѣдующей сказкѣ—объ умномъ сынѣ, который недоволенъ своими недалекими родными людьми и уходитъ изъ дому странствовать по свѣту для разрѣшенія занимающаго его вопроса, есть ли нѣтъ на свѣтѣ еще болѣе глупые люди. Русская сказка „Лутонюшка“ (Аѳ. № 227) съ тѣмъ же самымъ содержаніемъ и съ тѣмъ же самымъ элементомъ въ высшей степени сходна по замыслу своему съ татарской. Также плачутъ здѣсь старуха со старикомъ (а въ татарской—съ дочерью) о томъ, что будущія дѣти ихъ сына (въ татарской же—дѣти дочери) могутъ пострадать, зашибиться, умереть, но въ татарской сверхъ этого для болѣшей и необходимой полноты добавлена еще одна сцена матери и дочери съ коровой, тогда какъ въ русской сказкѣ сынъ уходитъ тотчасъ-же послѣ первой сцены. Также и точно въ такихъ-же словахъ Лутонюшка заявляетъ о своемъ уходѣ изъ дома и также дорогой онъ натывается на такихъ людей, которые своими поступками убѣждаютъ его, что его мать далеко еще не такъ глупа, какъ онъ сначала рѣшилъ было, не выдавъ свѣта и людей. Первая релавція

русской сказки кончается прибауткой, но вторая заставляет Лутону вернуться домой и сказать своей матери, что он никого не нашел умнее их,—следов., тем же, что и татарская. Сцены глупости человеческой, которые приходилось наблюдать умному во время его путешествія, не одинаковы въ сказках татарской и русской, но рассказъ объ одной изъ встрѣчъ татарскаго умнаго сына въ его поискахъ за дураками,—именно съ людьми, таскавшими рѣшетами свѣтъ въ себѣ въ избу, которая не имѣла ни оконъ, ни дверей, повторяется въ русскомъ сказаніи о томъ, какъ Богъ наказалъ людей за непочтительное отношеніе ихъ къ солнцу, когда онъ впервые далъ его людямъ; тутъ приводится та-же сцена, какъ бабы вышли со своими рѣшетами набирать въ нихъ свѣтъ и таскать его въ свои хаты ¹⁾.

Въ одной изъ киргизскихъ сказокъ—„о глупости“ царь приказываетъ найти и привести къ нему такого человѣка, который превосходилъ бы глупостью всѣхъ дураковъ, живущихъ на свѣтѣ ²⁾. Посланные этимъ царемъ визири, между прочимъ, встрѣтили на деревѣ человѣка, который сидѣлъ на вѣткѣ и ее же рубилъ, и опредѣлили, что это и есть глупѣйшій человѣкъ. У Имеретинцевъ есть подобный же рассказъ подъ названіемъ „кто глупѣе“ и съ темъ же почти развитіемъ дѣйствія, что и въ татарской ³⁾. Жена одного крестьянина послала дочь свою за водой на рѣку. Та увидала на другомъ берегу дерево и расплакалась, представивъ себѣ то, что будущія дѣти ея, если она выйдетъ за-мужъ, могутъ полѣзть на это дерево, сорваться и убитыся. Мать, пождавъ ее, послала за ней среднюю сестру, но та, узнавъ въ чемъ дѣло, присоединилась къ сестрѣ; черезъ нѣкоторое время пришла къ нимъ

¹⁾ Русская Рѣчь, 1861, № 41, стр. 600.

²⁾ Сборн. матер. для статист. Сыръ—Дарьин. обл., т. III, 1894 г., Ташкентъ, стр. 32.

³⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 19, 1894 г., отд. 2, стр. 30, сказка № 5.

и сама мать и начала въ свою очередь плавать и причитать еще громче и сильнѣе своихъ дочерей. А крестьянинъ, между тѣмъ, вернулся домой съ работы голодный, страшно разсердился на своихъ дурь и ушелъ изъ дому. Тутъ, въ своихъ странствованіяхъ онъ встрѣчаетъ много сценъ еще бѣльшей глупости, довѣрчивости, отличныхъ отъ всѣхъ извѣстныхъ уже намъ по вышеизложеннымъ сказкамъ, и возвращается домой, успокоенный тѣмъ, что его домашніе оказались не послѣдними изъ дураковъ на свѣтѣ. Слѣдовательно, мотивъ приведенныхъ сказокъ татарскихъ и русскихъ здѣсь опять повторяется, хотя и на иной ладъ, и опять мы, слѣдов., должны противопоставить инородческія редакціи этой сказки по ея содержанію русской и сдѣлать выводъ, что мотивъ ея не чуждъ сказкамъ татарскимъ и киргизскимъ и въ русскихъ сказкахъ если даже и самостоятеленъ, то вовсе не оригиналенъ.

Русскія сказки имѣютъ массу варіацій на тему о хитростяхъ, употребляемыхъ лисицей при ея встрѣчахъ съ людьми или звѣрами. Приведенная здѣсь татарская сказка о томъ, какъ лисица обманула мужика и повытаскала у него наловленную имъ рыбу, оригинальна только тѣмъ, что мужикъ ловитъ живую лису, которая сначала и не думаетъ о кражѣ рыбы, что послѣ того лиса сталкивается не съ волкомъ, какъ въ русскихъ, а съ медвѣдемъ и его именно научаетъ искусству хвостомъ ловить рыбу въ проруби, и тѣмъ еще, что сказка эта возвращается къ сценѣ между обманутымъ мужикомъ и его женой и кончается нравоученіемъ не поступать никогда и ни въ чемъ такъ поспѣшно, какъ этотъ мужикъ, поторопившійся уничтожить по возвращеніи домой старый лисій мѣхъ, не справившись, цѣль-ли новый, найденный имъ на дорогѣ. Въ русской же сказкѣ (Ае. № 1) жена бранитъ своего мужа за то, что онъ вздумалъ ее обманывать, сказавъ ей по приѣздѣ своемъ, что онъ привезъ ей не только рыбу, но даже лисій мѣхъ на воротникъ къ шубѣ. Въ одномъ

вариантъ этой сказки у татаръ ¹⁾ лисица, притворившаяся мертвой, попадаетъ въ мѣшокъ съ хлѣбомъ къ дровосѣку, который отправился въ лѣсъ нарубить дровъ. Дровосѣкъ такъ обрадовался своей находкѣ, что, не нарубивъ даже и дровъ, воротился домой и прежде всего поспѣшилъ бросить въ топившуюся печь свой старый малахай, мечтая о новомъ изъ мѣха поднятой имъ лисицы. Но оказалось, что въ мѣшеѣ не только лисицы, но нѣтъ и хлѣба, да и самый мѣшокъ продрывленъ и испорченъ, потому что, поясняетъ сказка, лисица для того именно и притворилась мертвой, чтобы поживиться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь. Слѣдовательно, здѣсь сюжетъ тотъ же самый, но лишь предметъ кражи иной—хлѣбъ, да и лисѣ не приходится больше ни съ кѣмъ стравливаться, а сейчасъ мы увидимъ, что и хлѣбъ этотъ замѣнится просто зерномъ. Среди инородцевъ нашихъ восточныхъ и южныхъ окраинъ эта сказка о кражѣ лисицей рыбы у мужика распространена нисколько не въ меньшей степени, чѣмъ и среди русскихъ. Въ одной изъ киргизскихъ сказокъ „похожденія одной лисицы“ ²⁾ приводится разсказъ о томъ, какъ лисица, ловко отмавивъ далеко отъ гумна всѣхъ хлѣбопашцевъ, сама поспѣшила назадъ и стала проворно разбрасывать во всѣ стороны очищенное ими зерно. Если принять во вниманіе, что въ мѣстности, небогатой рѣками и рыбой, труднѣе могла привиться или создаться сказка съ извѣстнымъ уже у насъ содержаніемъ, и рыба должна была замѣниться болѣе распространеннымъ тамъ продуктомъ, то станетъ очевидно, что эта хитрость лисицы тождественна съ той, которую она употребляетъ при кражѣ рыбы съ воза у мужика. Въ неизданныхъ матеріалахъ профессора Каз. Унив. *Н. Θ. Катанова* находится такая же сказка, записанная имъ 31 мая 1898 года со

¹⁾ Книга *Абду'ль-Алаяма Фейзъ - Ханова* *حکایات و مقالات* Казань, 1890, стр. 3.

²⁾ Сборн. матер. для статист. Сыръ—Дар. обл. т. 3., стр. 18 и сл.

словъ мещеряка ¹⁾. Въ ней лисица крадетъ рыбу съ воза обычнымъ способомъ, но заставляетъ ловить ее хвостомъ изъ рѣки не медвѣдя, а волка, какъ и въ русской. Кончается она такъ же, какъ и русская,—на утро волкъ, избитый бабьими коромыслами, отрываетъ свой хвостъ, примерзшій за ночь ко льду, и убѣгаетъ безъ него. Другая сказка, записанная имъ же 23 іюня 1898 г. тамъ же со словъ башкира ²⁾, рассказываетъ эту сказку съ небольшою вставкой, а страдающимъ лицомъ является не волкъ, а опять медвѣдь. Рыболовъ, возвращаясь домой, увидѣлъ на дорогѣ мертвую лису и положилъ ее въ ведро изъ лубка къ рыбѣ. Лисица повыбросала ее оттуда, а потомъ и сама убѣжала, рыболовъ же, придя домой, прежде всего поспѣшилъ бросить свой малахай, какъ ненужный теперь, въ огонь. Но, когда въ ведрѣ не оказалось ни лисицы, ни рыбы, то старуха стала ему выговаривать, что онъ не сумѣлъ сохранить рыбу, и посоветовала ему класть ее не въ ведро, а въ пологъ. Рыболовъ, выйдя какъ-то изъ дому, нашелъ иглу; помня этотъ совѣтъ, онъ засунулъ ее въ пологъ и послалъ за ней свою старуху, но та, конечно, не нашла ее, а объяснила, что ее надо было-бы воткнуть въ одежду на грудь. Рыболовъ вскорѣ послѣ того нашелъ гдѣ-то косу, прикрѣпилъ ее себѣ на грудь и такъ возвратился домой,—словомъ, мотивъ уже извѣстный и въ русскихъ сказкахъ и отчасти напоминающій дурака русскихъ сказокъ, который какъ разъ наоборотъ и не тамъ, гдѣ надо, исполняетъ въ точности добрые совѣты своей матери, или того же глупаго сына татарской сказки № 2. Между тѣмъ, въ лисицѣ подошелъ медвѣдь, и лиса, не желая дѣлиться съ нимъ рыбой, даетъ ему обычный совѣтъ—самому наловить себѣ рыбы изъ проруби. А на утро и медвѣдь долженъ былъ спастись отъ бабьяго коромысла безъ хвоста.

¹⁾ Витебскаго солдата *Мирсейфа* въ дер. Слакъ (на прав. берегу рѣки Курсакъ въ Белеб. у. Уфим. губ.)

²⁾ Виленскаго солдата *Вали-Ахметъ Ходжа Ахметова*, въ дер. Суракаево, близъ дер. Слакъ.

Итакъ, мы нашли повтореніе мотива этой сказки у татаръ, киргизъ, мещеряковъ и башкиръ, а если принять во вниманіе къ этому сходство у различныхъ народовъ всѣхъ вариантовъ этой же сказки, которые приведены въ статьѣ *Л. Колмачевскаго* ¹⁾, то нельзя будетъ не согласиться съ нимъ, что сцена ловли хвостами медвѣдемъ или волкомъ рыбы въ рѣкѣ — могла возникнуть лишь изъ естественнаго стремленія древняго человѣка объяснить себѣ причину, почему у однихъ звѣрей хвостъ короче, чѣмъ у другихъ, такъ какъ человѣкъ же желалъ примириться съ тѣмъ, что это не произошло вслѣдствіе какой либо случайности. Но *Колмачевскій* допускаетъ (стр. 282), что этотъ сюжетъ, несомнѣнно, проникъ съ Востока и только на Западѣ онъ получилъ самостоятельное развитіе, и выводъ Колмачевскаго станетъ вполне вѣроятнымъ и необходимымъ постулатомъ, если прибавимъ къ этому, что на Востокѣ по преимуществу, если не исключительно, и развились сказанія о происхожденіи разныхъ животныхъ и птицъ. Въ книгѣ Рубгузи „разказы о пророкахъ“ ²⁾ содержится много такихъ именно сказаній, какъ о животныхъ и пр.; подобныя же сказанія записаны и *проф. Н. Θ. Катановымъ* въ Китайскомъ Туркестанѣ. Весьма вѣроятно, такимъ образомъ, что только дальнѣйшее изученіе народныхъ сказаній нашихъ и народцевъ поможетъ намъ установить и тѣ пути, по которымъ шло это заимствованіе.

Татарская сказка „о кошкѣ съ медвѣдемъ“ совсѣмъ не встрѣчается въ русскихъ сборникахъ сказокъ. Правда, котъ весьма нерѣдко выступаетъ въ послѣднихъ, какъ главное дѣйствующее лицо, но при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, хотя и тамъ и тутъ онъ все-таки надѣляется однѣми и тѣми-же чертами—хитростью, сметливостью, умѣнемъ найтись въ

¹⁾ Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ,—въ «Извѣст. Импер. Каз. Унив. 1892 г.»

²⁾ 15-го вѣка, на уйгурскомъ языкѣ. Въ Казани издавалась нѣсколько разъ; въ послѣдній—въ 1899 году.

неблагопріятномъ ему положеніи. Въ одной изъ нихъ (Аѳ. № 18) онъ называетъ себя передъ лисой присланнымъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, подобно тому какъ въ татарской—московскимъ писаремъ, напугиваетъ этимъ званіемъ волка и медвѣдя и заставляеть ихъ съ почтеніемъ относиться къ его особѣ. Многія изъ нашихъ сказокъ кончаются подобно татарской тѣмъ, что звѣри, напуганные котомъ, убѣгаютъ отъ него въ одну сторону, а самъ опъ въ другую (Аѳ. № 19 и вар.). Присвоеніе себѣ котомъ въ этой сказкѣ званія московскаго писаря уже опредѣляетъ приблизительно время ея зарожденія.

И татарскія сказки знаютъ нѣсколько варіацій на тему о томъ, какъ лиса, а въ русскихъ мужикъ, съ медвѣдемъ сѣяли рѣпу и пшеницу,—то въ сжатой передачѣ, то въ болѣе пространной, только въ русскихъ сѣвъ этотъ происходитъ сообща между мужикомъ и медвѣдемъ, а лиса лишь послѣ выступаетъ на сцену и либо защищаетъ мужика отъ медвѣдя, либо сама страдаетъ отъ него (Аѳ. № 7), въ татарскихъ же редакціяхъ въ сказку совсѣмъ не вводится третье лицо. Помимо этого, русская редакція этой сказки во всѣхъ остальныхъ частяхъ вполне сходна съ татарской. Среди татаръ сказка эта имѣетъ нѣсколько варіантовъ. Въ книгѣ *Абду'ль-Аллама Фейзъ-Ханова* ¹⁾ приведена эта же сказка въ очень пространной передачѣ. Дѣйствующими лицами являются и здѣсь лиса съ медвѣдемъ, и дѣйствіе идетъ совершенно одинаково съ тѣмъ, какъ и въ русской. Затѣмъ, въ цитированномъ выше сборникѣ татарскихъ сказокъ *Bálint Gábor* (стр. 30) сказка эта выводитъ на сцену уже мужика и медвѣдя, т. е. то-же, что и въ русскихъ варіантахъ. Взглянемъ теперь опять на сказки другихъ инородцевъ. Въ чувашской сказкѣ ²⁾ сѣвъ ячменя, а потомъ рѣпы происходитъ между черемисиномъ и

¹⁾ *حكايات ومقالات* —стр. 3.

²⁾ *Сп. Михайловъ*: Чувашскіе разговоры и сказки. Казань, 1853 г., стр. 50 и сл., сказка № 2.

медвѣдемъ, и отличительныя или добавочныя сцены здѣсь заключаются въ томъ лишь, что медвѣдь, прежде чѣмъ попробовать листья рѣпы, свалилъ ихъ къ себѣ въ берлогу и тамъ стгноилъ, а потомъ, когда сталъ жевать, конечно, нашелъ ихъ невкусными и выбросилъ. Проголодавъ всю зиму, медвѣдь вздумалъ отомстить черемисину, но тотъ опять напросился къ нему въ дружбу и уговорилъ его помочь ему раскалывать пни деревьевъ. Медвѣдь, ничего не подозревая, допустилъ черемисину зажать обѣ свои переднія лапы въ щели надколотаго пенька и поплатился въ концѣ концовъ своей жизнью за эту дружбу съ человѣкомъ. Какъ видимъ, въ чувашской редакціи сказка эта пополнена противъ татарскихъ заключительной сценой между человѣкомъ и медвѣдемъ, которая имѣется во всѣхъ русскихъ вариантахъ, но въ этихъ послѣднихъ мужику удается убить медвѣдя лишь съ помощью хитрой лисицы и нѣскольбо инымъ способомъ, а здѣсь черемисинъ обходится собственными силами. Наконецъ, и у вотяковъ ¹⁾ мужикъ также надуваетъ медвѣдя, засѣвая сообщая съ нимъ сначала рѣпу, а потомъ горохъ и, какъ и въ чувашской, медвѣжьей долѣ каждый разъ приходится лишь гнить. Такимъ образомъ, мы имѣемъ на лицо: три различныхъ варианта этой сказки у татаръ, редакціи чувашскую и вотякую.

Послѣдняя приведенная здѣсь сказка — „перепелка и соловей“ принадлежитъ къ отдѣлу такъ называемыхъ анекдотическихъ произведеній народнаго юмора. Среди русскихъ сказокъ такихъ имѣется много, хотя и не съ тѣмъ содержаніемъ, что въ татарской. Тождественная съ этой сагайская сказка находится въ неизданныхъ матеріалахъ *проф. Н. Ѳ. Катанова*, записанная имъ 7 янв. 1889 г. со словъ сагайца ²⁾, и я приведу ее здѣсь въ переводѣ полностью: „воростель и перепелка ѣхали пить воду, сидя верхомъ на одной лошади.

¹⁾ Извѣст. Импер. Казан. Унив., 1892 г., стр. 286, сказка № 9.

²⁾ Минусинск. у. Енисейск. губ. — *Олтока Чертыкова* (живущ. на правомъ бер. рѣч. Аскысь, лѣваго притока Абакана, впадающаго въ Енисей).

Были они пьяны. Лошадь ихъ упала въ грязь. Коростель кричитъ только: „тарт, тарт!“ (т. е. тащи, тащи!), а перепелка отвѣчаетъ: „пот полбас, пот полбас!“ (т. е. нѣтъ нельзя, нѣтъ нельзя!)“.

Очевидно, что въ этой сагайской сказкѣ и въ вышешри-веденной татарской разговоры между коростелемъ и перепелкой и между перепелкой и соловьемъ—чисто звукоподражательныя. Но опять нельзя здѣсь не отмѣтить этой удивительной одинаковости сюжета и полного сходства въ развитіи его въ этихъ двухъ сказкахъ, записанныхъ въ двухъ далекихъ одна отъ другой мѣстностяхъ и у двухъ различныхъ племенъ. Впрочемъ, это можно объяснить склонностью народа къ игрѣ словами, такъ какъ слова перепелки „буд-булдык“ и „пот полбас“, равно какъ слова соловья „тычү, тычү“ и коростеля „тарт, тарт“ должны, по мнѣнію народа, изображать подобіе крика этихъ птицъ, и если въ первомъ случаѣ онъ удачно соединилъ въ одномъ словѣ звукоподражательное значеніе съ извѣстнымъ смысломъ слова, то во второмъ и „тычу“ и „тарт“ вставлены въ связку съ значительной натяжкой звукового подобія съ крикомъ этихъ птицъ.

Сходство всѣхъ татарскихъ сказокъ съ русскими простирается и дальше. Нѣкоторыя изъ нихъ и оканчиваются на чисто русскій ладъ и въ заключеніи своемъ часто имѣютъ какое-нибудь выраженіе, либо резюмирующее смыслъ всей сказки и предлагающее для свѣдѣнія слушателя нравственное правило или замѣчаніе, либо же просто какую-либо поговорку, шутливую замѣтку: „чего не причиняетъ человѣку зависть!“ выводить поученіе одна сказка изъ примѣра, представляемаго падчерицей и родной дочерью; „не слѣдуетъ разставаться съ тѣмъ, что находится въ твоихъ рукахъ, не зная, будетъ-ли что-нибудь впереди или не будетъ“, говорить въ назиданіе другая; „дешево прибрѣтенное—даромъ и уходитъ“, морализируетъ третья. Подобная мораль не чужда, конечно, и русскимъ сказкамъ, и нѣкоторыя изъ нихъ заканчиваются такъ же; какъ и татарскія: „такъ и выходитъ, что правдою то жить лучше, чѣмъ кривдою“, заключаетъ сказка о правдѣ и

кривдѣ; или: „сколько ни горевали, а послѣ сказали: вотъ-ваково не слушаться“¹⁾. Но есть сказки, и не имѣющія такого окончанія съ нравственно-поучительнымъ характеромъ; есть заключенія, почти совершенно подобныя нашему „и я тамъ былъ, медь-пиво пилъ“ и т. д., какъ, напр., заключительныя слова первой сказки: „однажды я пошелъ къ нимъ и возвратился уже поздно вечеромъ; меня сильно угостили: сидя на верхушеѣ вола, я пилъ чай“, или въ серединѣ сказки „Байдыкъ“: „а женщина и сейчасъ еще сидитъ да ждетъ“. Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ часто заканчиваются и наши сказки: „когда онъ (т. е. герой сказки; см., напр., Аѳ. № 227, № 28) проснется, тогда и сказка моя далѣе начнется, а теперь пока вся“ и много другихъ т. под.

Въ дополненіе примѣчаній къ двумъ вышеприведеннымъ сказкамъ—о Саламъ-Турханѣ и умномъ сынѣ необходимо замѣтить, что такія же сказки встрѣчаются еще и у другихъ тюркскихъ племенъ: первая—у Черневыхъ татаръ колѣна „Күзѳн“, живущихъ у устья р. Лебеди, около впаденія ея въ р. Бію; она приведена въ сборн. „Образцовъ народ. литерат.“ В. В. Радлова (ч. I, С.-Петербург. 1866-г.), а вторая—у Таранчей (сбор. Радлова, т. VI, стр. 197).

Суть содержанія сказки о Саламъ-Турханѣ та же самая, что и въ разобранныхъ уже нами выше вариантахъ: лисица, покровительствуя одному сиротѣ, замыслила женить его на дочери великаго чиновника. Такимъ же образомъ она беретъ у этого чиновника безменъ сначала для вывѣски масла и, возвращая его, намасливаетъ веревку безмена, а потомъ для вывѣшиванія денегъ, которыхъ у ней вышло, какъ она сообщила великому чиновнику: бумажныхъ—70 пуд., а мѣдныхъ сто. Послѣ этого она отправляется съ сиротой за невѣстой на семи саняхъ, но по дорогѣ сталкиваетъ его и всѣхъ лошадей съ санями съ моста, чтобы не дать замѣтить ихъ об-

¹⁾ Аѳ. I, стр. 223; 59; также: II—374, 499 и пр.

манъ. Великій чиновникъ сказалъ однако, что балыма ему не надо, такъ какъ онъ уже достаточно убѣдился въ богатствѣ сироты и готовъ отдать свою дочь за него и такъ. После свадьбы они отправились обратно, а лисица побѣжала впереди поѣзда. На пути своемъ она встрѣтила домъ, въ которомъ жили змѣи; эти послѣднія поспѣшили попрятаться въ сѣно, гдѣ и были сожжены, а сирота поселяется въ ихъ домъ и тутъ, справляя пиры, они семь сутокъ пили вино и семь сутокъ чай.—Эта сказка ничего новаго, конечно, не можетъ прибавить къ тому, что было сказано раньше, и мы указываемъ здѣсь на нее, какъ на лишнее и наглядное доказательство большой распространенности ея у тюркскихъ племенъ. Змѣи, которыхъ сожигаетъ въ сѣнѣ лисица и въ домъ которыхъ поселяется ея сирота, мы противопоставимъ Змѣю Змѣвичу, выводимому въ русской сказкѣ о Бухтанѣ Бухтановичѣ или Зміулану въ Козьмѣ Скоробогатомъ, замѣтивъ при этомъ, что и тутъ татарскій рассказъ объ уничтоженіи этихъ змѣй гораздо проще, чѣмъ въ русскихъ, гдѣ Змѣя Змѣвича заворачиваютъ въ солому и бросаютъ въ воду, а Зміулана, спрятавшагося въ дуплѣ дерева, разстрѣливаютъ. Между прочимъ, это растрѣліаніе и заставляетъ предположить, что передѣлка этого сюжета у русскихъ произошла сравнительно въ позднее время.

Основной сюжетъ другой сказки—у таранчей, подъ заглавіемъ „глупые“, также совершенно схожъ съ содержаніемъ татарской сказки объ умномъ сынѣ. Въ то время какъ мать одного умнаго человѣка доила корову, эта послѣдняя „пустила вѣтеръ“. Сначала мать, а потомъ и невѣстка ея, заплакали, такъ какъ имъ стало стыдно за корову, что это случилось помимо ихъ воли. Умный сынъ разсердился на нихъ и сказалъ имъ, что онъ убьетъ ихъ, если не найдетъ людей, которые были-бы глупѣе ихъ. Ему, дѣйствительно, пришлось наблюдать двѣ такихъ сцены, которыя заставили его успокоиться и возвратиться домой. Прежде всего онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ людей, которые старались протащить въ дверь

дома бревно, держа его попережь входа. Умный сынъ научилъ ихъ, какъ надо было слѣлать это, а самъ отправился далѣе и встрѣтилъ новую сцену: къ одному должнику залѣзъ въ хлопчатникъ верблюдъ и потопталъ его. Хозяинъ собралъ человѣкъ 15—20 на помощь,—они связали верблюда и хотѣли втащить его, но умный, указавъ имъ на то, что они испортили хлопчатника гораздо болѣе, чѣмъ верблюдъ, посоветовалъ имъ развязать его и вывести на поводу. Послѣ этого онъ уже раздумалъ убивать своихъ родныхъ.

Таково содержаніе таранчинской сказки. Мы видимъ, что по духу своему она чрезвычайно близко подходитъ и къ вышеприведенной татарской и къ русскимъ (см. стр. 100—102) и какъ она, такъ и предыдущіе варианты живо напоминаютъ намъ русскіе народные рассказы о приключеніяхъ пошехонцевъ, представляющіе собой, по моему мнѣнію, очевидно литературную передѣлку ходячихъ сказокъ о походе-ніяхъ дурака съ прибавкой собственныхъ измышленій автора этихъ рассказовъ. Оригинальность подобныхъ сказаній у тюркскихъ племенъ Востока подтверждается этимъ вариантомъ еще разъ, и если мы не можемъ все-таки отрицать самобытности ихъ у русскихъ, такъ какъ мотивъ въ ихъ созданію всегда имѣется на лицо у каждаго народа, то, въ свою очередь, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію полная оригинальность ихъ и у тюркскихъ племенъ.

Безъ сомнѣнія, инородческимъ сказкамъ нельзя отказать въ томъ громадномъ значеніи, которое онѣ имѣютъ не только для изученія религіознаго міровоззрѣнія, вѣрованій и обычаевъ нашихъ инородцевъ—татаръ, чувашъ, башкиръ, сартовъ и пр. и пр., но и для болѣе вѣрнаго разрѣшенія спорнаго вопроса о причинахъ сходства сказокъ у различныхъ народовъ, вопроса объ ихъ происхожденіи. Понятно, что подобные вопросы могутъ быть рѣшены лишь послѣ самаго детальнаго изученія инородческихъ словесныхъ произведеній, такъ какъ не только вся наша исторія и въ прошломъ и въ настоящемъ тѣсно связана съ судьбой разныхъ инородцевъ, но и въ самомъ языкѣ

нашемъ наблюдается громадное количество инородческихъ словъ и названій предметовъ самаго обыденнаго употребленія въ домашнемъ быту, въ сельскомъ хозяйствѣ и пр. Однако, мы видѣли, что уже и простое сопоставленіе сказокъ можетъ не рѣдко освѣтить намъ ихъ происхожденіе, составные элементы. Хотя, говоритъ *Кирпичниковъ*, „теорія литературнаго заимствованія тогда только имѣетъ доказательную силу, когда, указывая сходство между отдаленнымъ и близкимъ, древнимъ и новымъ, въ то же время указываетъ и пути перехода, но, если и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, не бесполезно указать на разительное сходство, хотя только въ видѣ вопроса, на пользу будущаго“.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

